

ВЕК

ISSN 1994–9065

2(26)

2018

ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ

РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)
ФАКУЛЬТЕТА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ имени М. В. Ломоносова

Выходит 4 раза в год

Издается с 2008 г.

Шеф-редактор

Л. Е. Гринин

Главный редактор

А. Н. Чумаков

Редакционная коллегия:

Алешковский И. А., Барлыбаев Х. А., Гирусов Э. В., Ивахнюк И. В., Ильин И. В.,
Калачёв Б. Ф., Калининченко П. А., Кацура А. В., Кефели И. Ф., Королёв А. Д.,
Мамедов Н. М., Митрофанова А. В., Режабек Б. Г., Рыбальский Н. Г., Снакин В. В.

Международный редакционный совет:

Абылгазиев И. И. (Россия), Акаев А. А. (Киргизия), Ань Цинянь (Китай),
Ближковский П. (Бельгия), Вебер А. Б. (Россия), Грачев В. А. (Москва), Гэй У.
(США), Гусейнов А. А. (Россия), Данилов-Данильян В. И. (Россия), Дафферн Т.
(Великобритания), Камуселла Т. (Польша), Киш Э. (Венгрия), Теймури В. (Иран),
Корогаев А. В. (Россия), Кучуради И. (Турция), Лисеев И. К. (Россия), Мазур И. И.
(Россия), Назаретян А. П. (Россия), Робертсон Р. (Великобритания), Сабден О. С.
(Казахстан), Сергеев М. Ю. (США), Степин В. С. (Россия), Урсул А. Д. (Россия),
Хасбулатов Р. И. (Россия).

Адрес редакции:

109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, к. 205, Президиум РФО.

Тел.: (495) 609-90-76. E-mail: chumakov@iph.ras.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:

400079, г. Волгоград, ул. Кирова, 143.

Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.

E-mail: peruch@mail.ru Сайт: www.socionauki.ru

DOI: 10.30884/vglob/2018.02.00

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

- Фадда С.** Новая власть и политика посткризисного развития 3
- Никулин Н. Н.** Гностические основания процесса экономической глобализации 16

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

- Гринин Л. Е.** Семь слабостей Америки и Дональд Трамп 28
- Билюга С. Э.** Политическая стабильность: основные подходы к анализу устойчивости политических систем 46
- Кочеров О. С.** Игровая геополитика: «управление хаосом» Великой шахматной доски против «построения порядка» Великой доски вэйци 57

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- Малков С. Ю., Билюга С. Э., Власова А. Ю.** Энергоэкологические проблемы глобального развития: опыт количественного анализа 72
- Салихов Г. Г.** Родовое и видовые определения экологии с точки зрения философии 89

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

- Цзя Сюдун.** Культурная политика и индустрия Китая в контексте глобализации 101
- Такер М. Э.** Конфуцианство как форма религиозного натурализма 115
- Билалов М. И.** Глобальное гражданское общество как цивилизационный ориентир России 126
- Хлопкова О. В., Клементьев А. С.** Возможна ли секуляризация ислама? (Взгляд на трансформации религиозности в контексте глобализации) 140
- Акаев А. А.** Становление ноосферной цивилизации в творчестве Ю. В. Яковца 150
- Contents* 159

ТЕОРИЯ

НОВАЯ ВЛАСТЬ И ПОЛИТИКА ПОСТКРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ

Фадда С.*

В статье рассматривается состояние экономической политики, институтов и демократии в период кризиса. Особое внимание уделяется проблемам национальных государств, вынужденных действовать в условиях глобального рынка. Подчеркивая, что современная структура глобального экономического управления неэффективна, автор указывает на резкое несоответствие между потенциалом международных институтов и необходимостью эффективного глобального управления. В этой связи исследуется структура, а также пределы управления Европейским союзом и обсуждается идея создания Соединенных Штатов Европы.

Ключевые слова: политика, глобализация, национальное государство, глобальный рынок, глобальное управление, Европейский союз, сетевое управление.

The article discusses the status of economic policy, institutions and democracy in times of crisis. Special attention is paid to the problems of nation States, forced to act in the global market. Stressing that the current structure of global economic governance is ineffective, the author points to the sharp discrepancy between the capacity of the international institutions and the need for effective global governance. In this regard, studies the structure and limits of control of the European Union and discussed the idea of creating a United States of Europe.

Keywords: policy, globalization, national state, global market, global management, European Union, network management.

Глобализацию как природную, так и историческую нельзя сравнивать с чем-то неизбежным или неотвратимым. Подавляющее большинство движущих сил глобализации тесно связаны и мотивированы интересами как частными, так и общественными, которые в любом случае следует учитывать [Smith, Naim 2000: xiv].

Однако если имеют место ошибочные экономические меры, следует брать во внимание интересы отдельных групп, которые так или иначе извлекают выгоды из этих решений [Caffè 1986: 42].

* Фадда Себастьяно – профессор департамента экономики Римского университета. E-mail: sebastiano.fadda@uniroma3.it.

1. Введение

Какими бы ни были технические аспекты изменившихся и развивающихся отношений между национальными государствами и глобальными рынками, каковы бы ни были трудности со сложной глобальной сетью финансовых потоков, сама причина, по которой представляется невозможным создать эффективную структуру экономического управления как на европейском уровне, так и на глобальном, заключается в широко распространенном мнении о том, что макроэкономическая политика вообще (не говоря уже о промышленной политике) не представляет ценности сейчас (и не будет использована в будущем), поскольку все рынки сами по себе, без какого-либо вмешательства в политику могут эффективно работать и обеспечивать эффективное распределение ресурсов и высокие экономические показатели.

Однако менее резко эта точка зрения выражена в сфере национальной экономики, где некоторые меры данной политики (в разной степени в разных государствах) по-прежнему разрабатываются и внедряются, но в большей степени она разворачивается на международном уровне, создавая систему, которая допускает сосуществование своего рода иерархического экономического управления внутри государств и своего рода анархического отсутствия управления (можно сказать, идеальный свободный рынок) в их внешних отношениях и трансграничных сделках.

Если бы мы придерживались этой точки зрения, было бы бессмысленно рассуждать на тему глобального экономического управления или соответствующих демократических международных экономических институтов. Было бы также бессмысленно обсуждать, включать или исключать такие цели, как полная занятость, справедливое распределение доходов или даже экономический рост. Абсолютное «невмешательство», абсолютное дерегулирование, абсолютная приватизация и сокращение государственных расходов (особенно для социальных услуг и общественно необходимых товаров) были бы единственными объектами экономической политики, достаточными для обеспечения сбалансированного государственного бюджета (который, как ни странно, кажется, стал целью – если не сказать единственной целью, – а не инструментом экономической политики) и контроля инфляции: ничто более не должно входить в сферу экономической политики.

Однако кризис 2008 г. и следующий за ним доказали, что это не так и что именно ущербность правил (особенно на финансовых рынках), отсутствие соответствующих международных экономических институтов лежат в основе процесса, который превратился в один из самых суровых кризисов и спадов прошлого века, в конечном итоге побуждая сами рынки, компании и банки просить о помощи со стороны центральных банков и государственных органов. Уже не имеет смысла настаивать на игнорировании этого факта и ожидать преодоления кризиса, не сталкиваясь с проблемой соответствующих институтов для глобального экономического управления, особенно для европейского управления. Поэтому стоит рассмотреть эти проблемы, с тем чтобы изучить основные вопросы и их возможные решения, отвергая ложную точку зрения о том, что наилучшая экономическая политика не должна иметь никакой политики вообще, а также отвергать еще более плохую стратегию принятия мер по защите финансовой, политической и монополистической ренты ценой уничтожения реальной экономики, которая якобы является свободным рынком. Но нам хорошо известно, что за нерешительностью и непреодолимыми трудностями при рассмотрении соответствующих ре-

шений по-прежнему стоит влияние старой идеи абсолютного невмешательства. На самом деле, как считал Дж. Кейнс, проблема часто не в том, чтобы принимать новые идеи, а в том, чтобы избавиться от старых.

2. Национальные государства против глобальных рынков

В самом начале «конфликт» между рынками и государствами зародился, когда уровни состояния и масштабов рынка стали значительно отличаться. Поскольку технологии обработки информации, телекоммуникационные сети и сниженные транспортные издержки достигли значительных уровней, были созданы условия рыночных (и особенно финансовых) потоков для принятия ими глобального характера. Однако следует понимать, что это были необходимые, но недостаточные условия для возникновения глобальных рынков: фактически национальные правительства сделали намеренный выбор в пользу отмены границ, ограничений и правил, регулирующих движение товаров и капиталов, и это было определяющим фактором появления глобализации в сфере экономики. Там, где национальные правительства не были так уверены (как миссис Тэтчер, Рональд Рейган и Казначейство США) или проявили нежелание в отношении дерегулирования, приватизации и либерализации, Международный валютный фонд использовал свое оружие, чтобы убедить их.

На этом этапе сеть глобальных взаимосвязей между действующими в мире агентами ожила с двумя характеристиками: объем транзакций (в частности, финансовых операций) стал непомерным даже по сравнению с объемом бюджетов национальных государств, а измененный баланс сил между глобальными субъектами сделал любую возможную регулятивную деятельность национальных государств чрезвычайно сложной и, как правило, неэффективной [Cooper 2003]. Национальные границы становятся просто неактуальными, когда сеть трансграничных транзакций происходит за пределами государственного контроля над трансграничными транзакциями в старом понимании, и даже без ведома государства. Очевидно, что для обеспечения эффективности в этих условиях вся нормативная деятельность должна быть перенесена на международный или глобальный уровень. Однако отсюда вытекают две проблемы: первая – это внутренняя эффективность и эффективность международных регулирующих органов или организаций, а вторая – их совместимость с суверенитетом отдельных национальных государств. И если предположить, что между эффективностью регулирующей деятельности международных органов и суверенитетом национальных государств подразумевается обратная взаимосвязь, возникает серьезная дилемма, выходящая на первый план. Это особенно заметно в случае Европейского союза. Если национальный суверенитет будет сохранен – формально, в том, что касается регулирования финансовых рынков и других сфер экономической политики, то его деятельность будет в значительной степени бесполезна и неэффективна; если, с другой стороны, он сокращается в пользу власти международных, например европейских, органов, то возникает проблема демократии.

С этой точки зрения трудно разглядеть, по мнению М. Кастелла, прогрессивную эрозию суверенитета национальных государств посредством наднациональных институтов, с одной стороны, и региональных или местных институтов – с другой, как намеренное обращение к «сетевому государству», чтобы сохранить свою роль и свою силу [Castell 2000]. Кажется более разумным рассматривать эти процессы как прогрессивную «капитуляцию» национальных государств в пользу

глобализации, а также децентрализацию и передачу полномочий. Тем не менее следует ли считать, что интернационализация производственного процесса и транснационализация финансовых рынков являются «естественными» явлениями, независимыми от выбора национальных государств, – это, по моему мнению, открытый вопрос. Несомненно, возникает несогласованность между силой, которую все еще демонстрируют крупные национальные государства в проведении своей собственной экономической политики (с одной стороны, США, Великобритания и Германия, а с другой – Китай, Индия и Бразилия), что подрывает стабильность международной системы постнационального управления, и либерализацией, а также глобализацией рынков, для которых необходима такая глобальная организация управления.

3. Глобальное правительство: эффективность и демократичность

Нынешняя структура глобального экономического управления далека от адекватной и не слишком эффективна – управление Европейским союзом, в котором противоречие между денежной унификацией и единым рынком, с одной стороны, и сохранением суверенных национальных государств – с другой, особенно остро. Фактически международный этап демонстрирует резкое несоответствие между потенциалом международных институтов и необходимостью эффективного глобального управления. Нынешняя ситуация характеризуется наличием множества участников; некоторые из них формальные, некоторые – неофициальные.

Среди формальных мы можем отметить на глобальном уровне те международные организации, которые отвечают за нормативную деятельность в силу официальных соглашений между государствами. Отметим самые важные: ООН, МВФ, ВТО и Всемирный банк со всеми их агентствами. Неофициальными субъектами могут считаться те, которые, хотя и не назначены для какой-либо регламентационной деятельности, тем не менее могут влиять на поведение экономических акторов и государств на мировой арене посредством отдельных действий либо посредством взаимосвязанных альянсов с другими субъектами. К ним можно отнести крупные корпорации, инвестиционные банки, рейтинговые агентства, неправительственные организации, социальные движения, политические сети и т. д., а также неофициальные соглашения между некоторыми из субъектов, которые фактически являются частью официальных международных организаций.

В отношении этих учреждений могут быть подняты два вопроса: первый связан с их эффективностью, второй вопрос – о демократии. Низкая степень эффективности в основном сопряжена с отсутствием сотрудничества между национальными государствами. Что касается прозрачности и открытости, то в отношении конкуренции и политики регулирования трудности в поиске противоречащих друг другу интересов отдельных государств часто препятствуют принятию эффективных решений. Что же касается Международного валютного фонда, решения которого, напротив, всегда были далеки от неэффективности, представляется разумным поделить известным взглядом Джозефа Стиглица [Stiglitz 2003], что склонность фонда навязывать неправильную политику (то есть в целом требовать рецессионную политику в обмен на помощь, а не предоставлять странам кредит, необходимый для предотвращения рецессии) в основном обусловлена, с одной стороны, принципом голосования, когда отдельные государства оказываются в неравных условиях (например, члены и не члены G7), а с другой – ее составом, который ограничен министрами финансов и руководителями центральных банков.

Вопрос о демократичности нынешней международной системы управления осложняется проблемой определения. Чтобы упростить эту проблему, два основных принципа можно рассматривать как фундаментальные компоненты демократии. Во-первых, участие людей, которые затрагиваются коллективными обязательными решениями в процессе принятия этих самых решений. Во-вторых, дееспособность политиков и их ответственность связаны с эффективностью процедур их возможной замены. Понятно, что ни одно официальное или неофициальное международное учреждение, упомянутое выше, не может считаться демократичным по этим двум критериям. И поскольку демократия является признанной доброй волей, распространяющейся по всему миру, международные институты, которые не отвечают этим требованиям, страдают от своей репутации и могут потерять легитимность. Вероятно, можно найти какое-то сетевое или интерактивное управление, но я вернусь к этой теме позже, обратив особое внимание на Европейский союз.

4. Европейский вариант борьбы в кризисной ситуации

Более пристальный взгляд на структуру управления Европейского союза показывает аналогичную кооперацию официальных и неформальных институтов. Но прежде чем исследовать институциональную структуру, стоит рассмотреть содержание политических мер, принятых на европейском уровне, чтобы справиться с нынешним финансово-экономическим кризисом. Впоследствии мы сможем увидеть, откуда взялся этот пакет и мог ли быть представлен другой пакет в соответствии с нынешним составом руководства. Если это станет невозможным, в срочном порядке возникнет сильная потребность в новом управлении.

Суть европейской экономической политики в отношении так называемого кризиса суверенного долга можно резюмировать следующим образом. Во-первых, наличие Европейского центрального банка для спасения национальных банков в трудных условиях. Банки могут использовать (и использовали) эту инъекцию ликвидности для покупки облигаций, представляющих государственный долг стран, рейтинг которых был понижен соответствующими агентствами. Следует понимать, что Европейский центральный банк, в отличие от других центральных банков, покупает государственный долг на первичном рынке. Но этот способ финансирования государственного долга посредством ликвидности, предоставляемый коммерческим банкам, создает своеобразный эффект, который проявляется как финансирование спекулянтов на финансовых рынках. Фактически, таким образом, средства ЕЦБ используются для оплаты облигаций по цене, определяемой нормой прибыли, установленной спекуляцией, вместо того чтобы использоваться для наложения ограничения на прирост процентной ставки казначейских облигаций по спекулятивным атакам. С другой стороны, по конституции миссия ЕЦБ не включает в себя содействие экономическому росту и поддержанию полной занятости, она ограничивается только поддержанием денежной стабильности, которая обычно интерпретируется лишь как предотвращение инфляции.

Во-вторых, предоставление кредитов странам, которым грозит дефолт, через схему «Европейская система финансовой стабильности» и ESM (Европейский механизм стабильности). Эти положения, как правило, были слишком запоздалыми и слишком недостаточными в отношении неотложных потребностей стран, подверженных риску дефолта, чтобы избежать рецессии. Тем не менее было мудрым решением, вопреки позиции Германии, не привлекать Международный ва-

лютный фонд к этим операциям, поставив перед Европейским союзом задачу справиться по своим критериям с дисбалансом своих государств-членов.

В-третьих, наложение строгих фискальных правил через «Финансовый договор» для всех государств-членов. Эта мера поднимает старую мифическую ценность в 60 % как максимально разрешенный процент государственного долга к ВВП, привлекая все государства-члены к ликвидации в течение 20 лет долга, превышающего эту стоимость, независимо от того, каковы экономические условия и позиции конкретной страны в деловом цикле. Это приводит к некоторому ограничению, которое должно быть реализовано за счет сокращения государственных расходов и увеличения налогообложения. Пик такого подхода достигается с требованием (оперативно осуществляемым Италией) включать в конституцию каждого государства-члена правило сбалансированного государственного бюджета (такое правило не применяется к отдельным государствам в любом другом федеральном государстве мира). Очевидно, что эти правила противоречат возможности реализации контрциклической макроэкономической политики и усугубляют рецессию в странах, которые уже испытывают трудности, что ставит под угрозу это же стремление к сокращению соотношения государственного долга и ВВП, которое было первоначальной целью этих решений. Правило сбалансированного государственного бюджета, в частности, обязано действовать как «механизм автоматической дестабилизации» с проциклическими последствиями, оно экономически лишает власти фундаментального инструмента для управления макроэкономическим спросом. Верно, что «фискальный подход» допускает циклические эффекты и единичные меры, которые не будут приняты во внимание, но это неопределенное и недостаточно сильное решение, чтобы избежать дестабилизирующего эффекта.

Параллельно с этими принятыми мерами первостепенное значение имеют «упущенные возможности», которые рассматриваются здесь как те, которые могли бы использовать разумные экономические полномочия эффективно управляемой страны.

1. Первый пример «упущенных возможностей» – финансовое регулирование, в сфере которого не были применены все необходимые и возможные меры. Создание СРВ и трех сопутствующих ему агентств – недостаточно эффективный инструмент, учитывая их структуру и масштабы. Финансовые рынки в этом случае остались нетронутыми, сохранив неограниченную свободу в операциях с деривативами, ненормированную активность операций на нерегулируемых рынках (транзакции ОТС составляют около 90 % от общего числа), странные (непонятные, загадочные) отношения с рейтинговыми агентствами, извращенное смешение коммерческих и инвестиционных банков – и все это при отсутствии какого-либо налога на финансовые операции.

2. Вторым явлением «упущенных возможностей» стало оказание поддержки роста государств – членов союза, находящихся в трудной ситуации. Для того чтобы избежать рецессии и остановить разрастающийся кризис (который также негативно сказывается на так называемом «рыночном доверии», на стабильности валютного союза и европейской валюты в целом), следовало разрешить последовательные перемещения ресурсов из европейского бюджета (до смешного маленьких объемов сегодня – около 116 млрд евро) либо в виде обновленного экстренного «плана Маршалла», либо путем обычного вмешательства в стратегию роста. Ничего подобного, к сожалению, сделано не было. Так называемые «евро-

связи» можно считать слабым первым шагом в этом направлении, но сама идея остается смутной, полной неопределенностей и в любом случае все еще не воплощенной в жизнь.

3. Третья сфера «упущенных возможностей» – стратегии роста. Кажется, будто экономический рост больше не является основной целью европейской экономической политики. Это направление совершенно точно исчезло из программы задач ЕЦБ, а его присутствие в амбициозных программах наподобие «Европы 2020» является, по большому счету, символичным. В этой программе особым образом выделяется то, что правила никоим образом не налагаются на государства – члены соглашения, а принятие решений о том, как и в какой мере им следовать, остается за последними. На самом деле не существует ни макроэкономической политики для поддержки роста, ни реальной политики в поддержку инноваций, промышленного развития, энергетики, социального обеспечения, производственных отношений и прочего. Единственным направлением европейской политики, которое может быть отнесено к этой сфере, является аграрное, зачастую подвергающееся жесткой критике.

4. Последнее упущение заключается в том, что на сегодняшний день в Европе не существует ни единой фискальной политики, ни согласования налоговых режимов. Единая фискальная политика должна быть осмотрительной и подверженной корректировкам в соответствии с циклическими колебаниями в экономике, также она должна согласовываться с единой денежной политикой. В реальности ситуация противоположная: у нас есть набор строгих, жестких «фискальных правил», опирающихся на произвольные параметры, которые предполагается применять автоматически к любой стране независимо от специфичности ее ситуации, а определение санкций передано в руки «технократов», можно даже сказать, «бюрократов». Это очевидное нарушение двух фундаментальных принципов – принципа целесообразности использования фискальной политики как инструмента для достижения целей экономической политики и принципа «нет налогам без представительства».

5. Экономическое управление ЕС

Теперь мы должны спросить: откуда исходят подобные направления «европейской экономической политики»? Какое из европейских правительств предложило использование такого подхода? На что вообще похоже сегодняшнее экономическое управление?

Первое, что следует упомянуть в связи с этим, – полная отстраненность от этих решений как Европейского парламента, так и исполнительного органа Европейского союза, Европейской комиссии. Другими словами, фундаментальные органы демократии ЕС не играют значительной роли в процессе принятия им решений и не признают те правила и политику, которые в идеале должны быть учтены. Таким образом, ЕС не может никоим образом считаться федеративным государством, эволюция европейского правительства далека даже от движения к этой модели.

Процесс принятия решений, функционировавший в Европейском союзе, принадлежит скорее к категории международного сотрудничества и международных соглашений, ведь на самом деле органы, задействованные в этом процессе в большей степени, – это Европейский совет и Еврогруппа. Первый состоит из глав государств или правительств стран – участников ЕС, председателя Европейской

комиссии и избранного председателя самого Европейского совета; начиная с 1 декабря 2009 г. (Лиссабонский договор) в его обязанности входит «определение основных приоритетов и направлений политики Европейского союза». Второй орган включает министров финансов государств – членов ЕС, которые ввели в оборот евро; он обычно созывается за день до собрания Совета по экономическим и финансовым вопросам (ЭКОФИН), который, в свою очередь, является структурой, созданной Советом Европейского союза для рассмотрения вопросов бюджета и государственных финансов (хотя по вопросам, касающимся евро, в голосовании принимают участие только министры Еврозоны). Важно понимать, что оба этих органа (уточню: Европейский совет и Еврогруппа, ведь читатели уже могли забыть, какие именно органы, их в этих трех предложениях не счесть), пусть и принимавшие активное участие в разработке экономической политики Европейского союза, фактически были неформальными до 1 декабря 2009 г., формализовавшись лишь с принятием Лиссабонского договора; поэтому сейчас, хотя их существование официально подтверждено, они все еще не имеют формальной законодательной власти. Несмотря на это, они являются наиболее влиятельными структурами в определении направлений европейской экономической политики.

Однако это не отражает в полной мере реальную структуру экономического управления ЕС. Известно еще несколько неформальных образований, которые оказывают значительное влияние на формирование направлений экономической политики (в частности, связанных с вопросами преодоления кризиса). Первый в этом списке – Европейский центральный банк, абсолютно независимый и неподотчетный никаким другим учреждениям, несмотря на потенциальное слабое воздействие со стороны Еврогруппы. Второе образование составлено путем неформальных соглашений между ограниченным количеством государств (это, как правило, Германия и второстепенный временный партнер). Третье – так называемая «Тройка» – включает в себя Европейский центральный банк, Международный валютный фонд и председателя Европейской комиссии. Следует отметить, что каждое из этих образований учреждено официально, неформальной является власть, которой они себя наделили. Наконец, существует еще один неформальный институт, действующий как влиятельная международная структура, но, несмотря на свой сверхъевропейский масштаб, имеющий значительное влияние в сфере европейской экономической политики, – Форум по вопросам финансовой стабильности. Это своего рода клуб центральных банков, правительств, регулирующих органов и других международных организаций, возникший в 1998 г. после российского экономического кризиса в поддержку «Большой семерки» и увеличивающий влияние относительно последующих «Большой восьмерки» и «Большой десятки».

Конечно, неправильным будет считать, что все участники вышеперечисленных неформальных структур управления также являются неформальными (к примеру, Ангела Меркель или Марио Драги); что не определено официально, так это власть, которую они имеют, и влияние, которое они используют в процессе принятия решений в Европейском союзе. На самом деле этот процесс можно описать как нечто, зарождающееся на нижнем уровне «формальности», эволюционирующее впоследствии в формальные институты, обладающие законодательной властью. Тем не менее не все решения экономической политики достигают высшего законодательного уровня. Договоры, соглашения между государствами (такие как Пакт стабильности роста или Бюджетный пакт) и другие решения часто минуют подобные законодательные уровни ЕС: будучи выражением сотрудничества меж-

национальных структур, они незамедлительно проходят в «технические» и бюрократические органы для реализации.

6. Пределы европейского экономического управления

Таким образом, у нас есть, с одной стороны, комплекс мер экономической политики, а с другой – понимание, в результате какого процесса и какой институциональной управленческой структурой он был порожден. Содержание этой политики явно необоснованно с точки зрения экономической теории и представляется очевидно дестабилизирующим и рецессионным. Тривиальная реакция – ждать и наблюдать за долговременными последствиями – подкрепляет это суждение с течением времени. Разве что это («долгое время») должно продолжаться до того момента, пока мы не умрем. Процесс принятия решений в этой сфере нельзя назвать демократическим по двум уже названным причинам – недостаточное участие и недостаточная подотчетность. Более того, как в формальных, так и в неформальных процедурах раскрываются некоторые ее признаки, имеющие особо важное значение. Первый из них – доминирующее присутствие министров финансов и Европейского центрального банка у истоков принятия экономических решений; никакие другие министры или другие сферы, такие как труд, промышленность или преобразования, не имеют такого же пространства и такой же силы слова. Вторым качеством является доминирующая роль национальных государств. Страны-участницы не желают передавать власть европейским демократическим институтам; они предпочитают решать фундаментальные задачи путем межнациональных сделок, альянсов и соглашений, в то же время пытаясь уменьшить количество вопросов, находящихся в ведении европейского уровня. На основании этого можно заключить, что хорошее финансовое состояние и мощь более влиятельных государств играют важнейшую роль в определении не только направлений европейской экономической политики, но и осуществляемых технических мер.

Не следует ли нам в таком случае сказать, что экономическое управление Европы работает эффективно? Если принимать во внимание стандарт оптимального распределения, критерий снижения транзакционных издержек или любые другие экономические показатели, с помощью которых обычно оценивается состояние экономических институтов, мы, возможно, скажем «нет». Однако они безусловно эффективно справляются с защитой интересов финансовых групп и инвестиционных банков, учитывая политику «нового меркантилизма» некоторых развитых государств.

Эти институты прекрасно подходят для применения мер с использованием высоких процентных ставок по государственному долгу, неважно, насколько пагубно это скажется в результате на секторе реальной экономики, и независимо от нарастания кризиса или роста безработицы. Они также безупречно соответствуют принятию мер, ослабляющих производственный базис некоторых стран, повышая тем самым экспортные перспективы других (по меньшей мере до такой точки, где первые становятся настолько бедными, что существенно снижают объемы импорта) или увеличивая шансы на поглощение ослабленных. Помимо всего прочего, с их помощью можно заменить обесценивание валюты девальвацией конкурентоспособной заработной платы там, где существуют разрывы в производительности, и ликвидировать государство всеобщего благосостояния, назвав эти меры путем выхода из кризиса. Помня о подобном положении дел, стоит упомянуть слова

лорда Итуэлла: «Институты – это всего лишь учреждения, они не являются признаком эффективных рынков. Если институты препятствуют достижению экономических целей общества, как бы они ни были сформулированы, такие институты должны быть изменены» [Eatwell 2012].

Подводя итог вышесказанному, европейское экономическое управление обречено и дальше придерживаться ошибочных направлений в экономической политике, исходя из того, что финансовые интересы и национальные государства играют ведущую роль в процессе принятия решений. Это, в свою очередь, является прямым следствием того, что Европейский валютный союз представляет собой некий гибрид: это ни федеративное государство, ни международная организация различных государств. Проведение правильной макроэкономической политики (фискальная и денежная) и воплощение стратегий реальной экономики (к лучшему или худшему) возможно будет лишь в рамках единого демократического федеративного государства. В этом случае не будет гарантий реализации правильных стратегий, но они, по крайней мере, станут доступны, тогда как при сегодняшней структуре управления (недостаточно демократичной и небольшой по масштабам) проведение правильной политики весьма маловероятно, если вообще возможно.

7. Навстречу европейскому федеративному государству?

На самом ли деле модель федеративного государства – это то, к чему приближается сегодня Европейский союз? Более того, возможно ли создание Соединенных Штатов Европы на данном этапе истории?

Что касается первого вопроса, учитывая то, что создание федеративного государства предполагает экономическую и политическую интеграцию, не остается сомнений в том, что усиление националистических движений, стремление сохранить на национальном уровне столь много власти в вопросах социальной и экономической политики, насколько это вообще возможно, увеличение экономического неравенства между странами и углубляющиеся противоречия интересов и союзов среди стран-участниц удерживают ЕС от развития в этом направлении. Безусловно, расширение ЕС путем включения в альянс новых участников сделало прогресс в построении федеративного государства более проблематичным; по этой причине временами возникает идея создания двух Европейских союзов: первый составит основная часть экономически и политически интегрированных стран, а вторым будет большая конфедерация, включающая оставшиеся государства. Этот большой регион станет попросту единым общим рынком (скорее оптимальной рыночной сферой, чем оптимальным валютным пространством), но определенно не политическим объединением. Такое сосуществование частично дублирующих друг друга союзов повлечет за собой, быть может, появление новых противоречий и проблем. Тем не менее факт остается фактом – сегодня Европейский союз кажется стабильным в большей степени как единая рыночная сфера (а не политическое объединение), имеющая своей особенностью единую валюту среди некоторых стран-участниц (но также несущая риск выхода их из Еврозоны) без какой-либо политической интеграции [Eichengreen 2007]. И если мыслить негативно, можно заподозрить, что именно в этом, а не в политически объединенной Европе заинтересованы важнейшие глобальные экономические и финансовые лобби и транснациональные корпорации.

Более трудным является второй вопрос. Если бы построение политически интегрированного Европейского союза зависело лишь от учреждения надлежащих официальных демократических институтов, таких как наднациональный избираемый парламент или наднациональное избираемое правительство, характеризующееся эффективностью законодательной и административной власти и подотчетностью европейским гражданам, это могло бы стать возможным, стоит только преодолеть сопротивление стран-участниц и обратиться за помощью к опытным и разумным «институциональным проектировщикам». Однако проблема гораздо глубже и сложнее, чем кажется на первый взгляд.

Если принять, что демократические институты представляют собой не просто матрицу парламентских и элективных техник, но сложные отношения с заложенными в них культурой, интересами, идентичностью, историей, общественными ценностями, верованиями и, возможно, языками, что подобные институты выражают свою политическую позицию с помощью различных представителей, тогда возникают сомнения в том, возможно ли вообще на сегодняшний день создание демократического объединенного правительства федеративного Европейского государства [Jachtenfuchs 1997]. Если демократия не может рассматриваться отдельно от всех компонентов общественной жизни, то демократические институты, похоже, могут функционировать только на национальном уровне, где наблюдается достаточная однородность этих компонентов. Несомненно, медленно движущийся исторический процесс возрастания однородности европейских стран может быть ускорен с помощью определенных мер, которые ЕС может предпринять: в этом плане может (и должно) быть полезным даже усиление нынешних официальных демократических институтов ЕС. Но, естественно, параллельно с этим институциональная структура существующей европейской системы сотрудничества в целом должна быть пересмотрена и усовершенствована.

8. Вот оно – решение?

Как мы могли убедиться, само содержание экономического управления Европейского союза и его демократический характер не оправдывают возложенных на них ожиданий и не соответствуют представлениям об эффективной европейской экономической политике, способной преодолеть кризис и поддерживать экономический рост государств – членов сообщества. Совершенствование экономической политики требует усовершенствования структуры управления. Однако последняя подвергается риску оказаться в ловушке между желаемым, но недостижимым сегодня федеративным устройством и более реалистичным, но не таким эффективным межнациональным сотрудничеством. Поэтому должны быть найдены пути выхода из данной ситуации.

Это очень нелегкая задача, но я смею предположить, что нужные усилия должны быть предприняты одновременно в двух направлениях. Первое направление – изменение приоритетов и задач европейской экономической политики; следует обозначить фундаментальными целями экономический рост, полную занятость, валютную стабильность и сбалансированную внешнюю торговлю. Это требует полной переориентации стратегических мер, как уже было указано в главе 4. Но кто способен стимулировать применение этих мер и реализовать их? Исходя из вышесказанного, явно не нынешняя структура власти. Отсюда следует, что второй целью, на которую нужно направить усилия, является преобразование европейского правительства.

Это опять-таки весьма трудная задача. Первый возможный путь к ее решению – перенести процесс принятия решений в рамки официальных институциональных органов ЕС – Европейского парламента и Совета Европейского союза. В первую очередь Совет Евросоюза мог бы формировать окончательные решения о содержании европейской экономической политики перед вынесением их на одобрение Европарламента. Эта мера должна будет сопровождаться двумя дальнейшими: во-первых, пересмотром роли ЭКОФИНа в составе Совета Евросоюза в отношении остальных сфер экономической политики и, во-вторых, редакцией некоторых относительно неформальных образований, в частности Еврогруппы: с одной стороны, необходимо придать значимость неформальному сектору, а с другой – нужно расширить структуру этого органа (как и других неформальных институтов), чтобы возможно было включить туда министров других компетенций и представителей гражданского общества, таких как промышленные союзы, профсоюзы, ассоциации потребителей, регионы и т. п. Также должны быть разработаны формальное учреждение этого членства и официальная связь его представителей с Советом Евросоюза.

В работе Совета Европейского союза следует найти баланс в процессе принятия решений: какие вопросы должны обсуждаться на европейском уровне, а какие – остаться в ведении отдельных государств и регионов. В различных вопросах, очевидно, будут наблюдаться различные соотношения, но это все же станет прогрессивным шагом в сторону увеличения роли европейского уровня.

Проблемным полем остается Совет Европы, где влияние национальных государств на сегодняшний день велико и где доминируют наиболее развитые страны. Эта проблема может быть решена путем использования сетевого, или интерактивного, управления, в котором коллективные решения принимаются посредством переговоров, сотрудничества и консенсуса. Однако трудно прийти к сотрудничеству и урегулированию конфликтующих интересов; это подразумевает возникновение нескольких трудностей, с которыми сталкиваются все образования, использующие подход интерактивного управления.

1. Первая проблема связана с хорошо известной «теоремой невозможности». С увеличением числа партнеров (а 27 национальных государств – большая цифра) увеличивается и количество сталкивающихся интересов, и может стать крайне сложно, если вообще возможно, прийти к согласованному решению через механизм голосования. Следовательно, в этом случае «сетевое, или интерактивное, управление» может оказать парализующий эффект на процесс принятия решений и реализацию политики. Это можно преодолеть с помощью переговоров, взаимных уступок и постепенного приближения к общему взгляду на подходящий европейской системе путь развития.

2. Вторая вызывающая озабоченность сфера – «представительские проблемы». Как хорошо известно, когда сталкиваются интересы принципалов и агентов и между ними возникает информационная асимметрия, вторые чаще ставят выше собственные цели. Подобная ситуация может возникнуть между гражданами как принципалами и правительствами как агентами. Выход из этого положения заключается по большей части в сокращении асимметрии информации – становлении деятельности представителей государства прозрачной, публичной и разумно контролируемой, и в то же время граждане должны осознавать свою способность участвовать в процессе принятия решений. Эта мера нуждается в обязательном предоставлении полную и детализованную циркуляцию информации со стороны

правительства и в желании и способности интерпретировать доступную информацию со стороны граждан.

3. Третье затруднение связано с наличием информационной асимметрии между партнерами, вовлеченными в совместный процесс принятия решений. Различные представители могут иметь различные степени доступа к информации, необходимой для решения того или иного вопроса. Такое неравенство в распространении информации среди партнеров может быть следствием технических проблем в циркуляции информации, разных силовых позиций или намеренных стратегий, разработанных скрытыми альянсами участников. Когда происходит подобное, возникают диспропорции в процессе принятия решений, и это может отвлечь некоторых партнеров от дальнейшего сотрудничества.

4. Четвертая проблема касается необходимости наличия соглашений (эксплицитных или подразумеваемых) насчет распределения переменных. Каждый субъект – в нашем случае каждое национальное государство – должен видеть, какие издержки и выгоды может нести это партнерство. Также от партнеров требуется соглашение об относительной доле затрат и выгод от принятых решений. Очевидно, что если распределение преимуществ (как и издержек и рисков) направлено против некоторых участников, достичь совместно принятых решений будет сложно.

Учитывая ключевую роль, которую играет Совет Европы в процессе принятия решений в ЕС, крайне важно бороться с этими проблемами с особым усердием. Провал в достижении сбалансированного подхода ослабит восприятие демократии и подорвет доверие к европейским институтам. С другой стороны, удачное решение этих проблем сможет помочь выстроить сотрудничество в рамках Европейского совета, укрепить общественное доверие и уменьшить враждебность стран-участниц по отношению к наделенным полномочиями институтам Европейского союза.

*Перевод с английского студенток ФГП МГУ имени М. В. Ломоносова
А. Айвазовой, К. Лиджиевой, В. Ольховской*

Литература

- Caffè F. In *Difesa del Welfare State*. Florence : Rosenberg & Sellier, 1986.
- Castell M. *End of Millennium*. Oxford : Blackwell, 2000.
- Cooper R. *The Breaking of Nations: Order and Chaos in the Twenty-First Century*. London : Atlantic Books, 2003.
- Eatwell J. *The Theory of Value and the Foundations of Economic Policy*, paper. In *Memoriam: Pierangelo Garegnani*. Roma Tre University 24 February. Roma, 2012.
- Eichengreen B. *The Break-Up of the Euro Area*. NBER working paper. 2007. No. 13393.
- Jachtenfuchs M. *Democracy and Governance in the European Union*. *European Integration Online Papers (EIoP)*. 1997. No. 2.
- Smith G., Naim M. *Altered States. Globalization, Sovereignty and Governance*. Ottawa : International Development Research Centre, 2000.
- Stiglitz J. *Globalization and the Economic Role of the State in the New Millennium // Industrial and Corporate Change*. 2003. Vol. 1. Pp. 3–26.

ГНОСТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОЦЕССА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Никулин Н. Н.*

В статье автор обосновывает положение, что современный процесс глобализации в целом и экономической глобализации в частности базируется на гностическом мировоззрении, суть которого заключается в стремлении решить проблему Спасения человека посредством Знания. При этом под Спасением понимается достижение бессмертия человека. В этом случае единственным средством решения данной задачи является научно-технический прогресс. Капиталистическая система производственных отношений направлена на непрерывное развитие производительных сил на базе рыночных отношений и конкуренции. Формирование условий для более быстрого роста производительных сил требует наиболее эффективного использования ресурсов человечества для достижения поставленной цели. Это предполагает свободное применение капитала вне зависимости от национально-государственных и иных ограничений. Поэтому все ограничения применения капитала должны быть устранены. В этом суть экономической глобализации, которая в то же время является лишь условием реализации гностического взгляда на решение более существенной проблемы.

Автор исходит из того положения, что путь Прогресса сосуществует с путем Веры на протяжении всего периода христианства. При этом начиная с эпохи Возрождения и в последующем эпохи Просвещения путь Прогресса постепенно усиливает свое влияние на общественное сознание человечества независимо от национально-государственных, религиозных, культурных и других взглядов. Данный дискурс становится все более принимаемым человечеством. Противопоставить ему что-то, кроме пути Веры, весьма сложно.

Ключевые слова: христианство, гностицизм, глобализация, экономическая глобализация, прогресс, капитализм, коммунизм, модерн, постмодернизм.

In the article the author justifies the proposition that the basis of the modern process of globalization in general and economic globalization, in particular, is the Gnostic worldview, the essence of which lies in the desire to solve the problem of human salvation through Knowledge. In this case, salvation is understood as the attainment of the immortality of man. In this case, the only means of solving this problem is scientific and technological progress. The capitalist system of production relations is aimed at the continuous development of productive forces on the basis of market relations and competition. The formation of conditions for a more rapid growth of the productive forces requires the most effective use of the resources of mankind in order to achieve this goal. This implies the free use of capital, regardless of national-state and other restrictions. Therefore, all restrictions on the use of capital must be eliminated. This is the essence of economic globalization, which at the same time is only a condition for the realization of the Gnostic view of the solution of a more essential problem.

* Никулин Николай Николаевич – д. э. н., профессор НИТУ МИСиС. E-mail: nnnikulin@yandex.ru.

The author proceeds from the premise that the path of Progress coexists with the path of the Faith throughout the entire period of Christianity. At the same time, starting with the Renaissance and later the Enlightenment, the Progress path gradually strengthens its influence on the public consciousness of mankind, regardless of national-state, religious, cultural and other views. This discourse is becoming increasingly accepted by mankind. Opposing him with something other than the path of the Faith is very difficult.

Keywords: Christianity, Gnosticism, globalization, economic globalization, progress, capitalism, communism, modernity, postmodernism.

Европа становится свободною... великое и славное освобождение достигнуто международной организацией соединенных сил всего европейского населения... старый, традиционный строй отдельных наций повсюду теряет значение, и почти везде исчезают последние остатки старых монархических учреждений. Европа в XXI веке представляет союз более или менее демократических государств – европейские соединенные штаты. ...А предметы внутреннего сознания – вопросы о жизни и смерти, об окончательной судьбе мира и человека... остаются по-прежнему без разрешения [Соловьев 1988: 739].

Анализируя сущность процесса глобализации современного мира, следует выявить глубинные факторы, которые лежат в его основе и одновременно являются базой для формирования противоречий, характеризующих этот процесс во всех областях общественной жизни, в том числе и экономической. По нашему мнению, хотя большинство людей чаще всего в своих действиях руководствуется краткосрочными материальными интересами, человек все равно задумывается над «вечными вопросами» бытия. И в глубинной основе, например, движения антиглобалистов лежит не только борьба за более справедливое распределение мирового дохода между государствами и народами. И исламский фундаментализм – это не только реакция на более низкий уровень жизни в государствах, где большинство людей придерживается религии ислама.

Социальные противоречия, которые обострились в настоящее время, имеют давнюю историю. И связано это, по нашему мнению, с неоднозначностью ответа на вопросы, которые ставятся человеком в такой области познания, как сотериология (учение о Спасении человека).

Формируя отношение к экономической глобализации, необходимо руководствоваться ответом и на данную проблему. Поскольку социальные процессы в целом и экономические в частности субъектны, то от ответа на них зависит отношение человека и к более частным проблемам, например, к процессу глобализации экономики.

Капитализм – это не только способ производства материальных благ, но и форма организации общественной жизни на базе определенных ценностей, определенного взгляда на решение «вечного вопроса» о Спасении человека. В данном случае эта проблема решается, если следовать по пути Прогресса. И все, что стоит на данном пути, должно быть устранено. Именно поэтому экономическая глобализация, устраняющая национально-государственные ограничения в целях более эффективного использования ресурсов человечества, способствует решению вопроса о Спасении.

Современная экономическая глобализация – это процесс формирования условий для свободного доступа мирового капитала к мировым ресурсам. Он выражается в нарастании открытости национальных экономик, формировании единых норм и правил функционирования капитала во всем мире.

На наш взгляд, в основе процесса глобализации в целом и экономической глобализации в частности лежат идеи, заложенные в общественное сознание в эпоху Возрождения такими мыслителями, как Паоло Сарпи (Paolo Sarpi, 1552–1623) и Фрэнсис Бэкон (Francis Bacon, 1561–1626), которые были развиты Рене Декартом (René Descartes, 1596–1650) Джамбаттистой Вико (Giambattista Vico, 1668–1744), Дэвидом Юмом (David Hume, 1711–1776), Иеремией Бентамом (Jeremy Bentham, 1748–1832). Они стали тем основанием, на котором развивались идеи прогресса, утилитаризма, позитивизма. «Scientia potentia est» – «Знание – сила»: в этом афоризме Ф. Бэкона заключается весь смысл данных идей.

В то же время, по нашему мнению, они, в свою очередь, были реализацией древнего гностического подхода к решению главной задачи, которая стоит перед человеком в рамках сотериологии, а именно – проблемы Спасения.

Отличие Новой эпохи от Античности в этом и состоит. Античные герои только восставали против богов, изредка «вырывая» у них некоторые знания (Прометей), облегчающие условия существования. Но при этом не ставилась проблема Спасения человека. Гностицизм и христианство давали человеку такое Спасение, предложив два пути: Гносис, с одной стороны, и Веру в искупительную жертву Христа – с другой.

Решение данной задачи с помощью Гносиса посредством Прогресса, с одной стороны, или же с помощью Веры – с другой, различает в своей онтологической основе все направления общественной мысли.

Так, если брать историю «христианского мира», то здесь на протяжении всего этого периода можно наблюдать борьбу гностицизма и христианства. И если христианство принимает путь Спасения исключительно через жертвенное искупление Христа, то гностический путь Спасения возможен через Гносис – Знание. При этом, на наш взгляд, под Спасением следует понимать достижение людьми индивидуального бессмертия. В этой связи задача Прогресса – вырастить «древо жизни» и таким образом решить задачу Спасения человека.

Зародившись еще в первом веке, гностические идеи питали многочисленные учения прошлого, и они вновь возрождаются в современных оккультно-мистических движениях и учениях. Ученик Мартина Хайдеггера (Martin Heidegger, 1889–1976) американский философ Ханс Йонас (Hans Jonas, 1903–1993) в своей известной работе вводит даже специальное понятие «гностической цивилизации» [Йонас 1998].

Общей идеей всех гностических учений является получение знания, но не просто теоретического знания, а знания как энергии и силы, несущей человеку спасение. Идея этого знания во всех случаях была единой – сотериологической («спасительной»). И хотя, согласно В. С. Соловьеву, «гностицизм есть кажущееся спасение» [Соловьев 1894: 951], в данном случае важно, что гностицизм претендует на то, чтобы указать такой путь.

Следует особо отметить в связи с темой статьи, что идеи гностицизма широко используются в организации общественного устройства. Так, в современной мировой гностической традиции принято считать, что один из самых известных представителей гностицизма Ф. Бэкон – это «отец» современной западной цивилизации, которая продолжает жить «по Бэкону», используя те структуры, которые он создал и оставил миру в наследство.

Учения, теории, взгляды гностицизма имеют возможность приспособливаться к изменению внешних условий. Они, с одной стороны, учитывают результаты развития естественных и общественных наук, с другой – сами влияют на направление и эффективность их развития. Результатом такого взаимодействия стало постепенное формирование в эпоху Просвещения рационального взгляда на человеческую жизнь, на исторический процесс в целом. Идея исторического процесса в рамках сотериологии гностицизма стала выражаться в идее Прогресса. Сделавшись основой большинства философско-политических течений Нового времени, она давно уже стала своеобразной верой, определяющей мировоззренческие ориентиры современности. Как пишет С. Н. Булгаков, «теория прогресса для современного человечества есть нечто гораздо большее, нежели всякая рядовая научная теория, сколь бы важную роль эта последняя ни играла в науке. ...В теории прогресса позитивная наука хочет поглотить и метафизику и религиозную веру, точнее, она хочет быть триединством науки, метафизики и религиозного учения. Позитивная теория прогресса является своего рода эсхатологией» [Булгаков 1990: 269, 270].

Под «прогрессом» (от латинского слова «progressus», что означает «движение вперед, успех») принято подразумевать тип и направление развития, для которого характерен переход от низшего состояния к высшему. Основная задача, которую ставит теория прогресса, заключается в том, чтобы показать, что история имеет смысл и ее цель – «раскрытие плана истории, ее цели и форм движения». Как отмечал в этой связи В. С. Соловьев, «Бог не может быть только Богом геометрии и физики. Ему необходимо быть также Богом истории» [Соловьев 1913].

Рационалистское понимание исторического развития, возникшее в эпоху Просвещения, превратилось со временем в непререкаемую идеологическую установку. Термин «прогресс» становится синонимом понятию развития вообще. Регрессом, соответственно, начинает считаться все то, что препятствует данному движению или не приемлет его.

Идея непрерывного прогресса в конечном счете направлена на решение проблемы спасения человека, которое становится возможным в результате развития науки и техники. Идея Прогресса – это современная интерпретация гностицистской идеи, как и прежде, противостоящая христианской идее спасения.

Существенной чертой прогресса следует признать стремление к унификации и стандартизации фактически всех сфер человеческой жизнедеятельности. Оно распространяется как на внутреннюю сторону жизни Запада, так и на иные культурные пространства. Идеология прогресса стала действенным и эффективным духовным оружием Запада. Идея Прогресса, по нашему мнению, постепенно проникает во все страны. Как в своей обыденной жизни человек принимает эту идею, так и в вопросах сотериологии нарастает надежда на то, что наука откроет для человека возможность преодоления смерти в той или иной форме.

В то же время следует отметить, что и в современных условиях одновременно сохраняется иное, религиозное понимание сотериологии. Большое влияние на это оказывают, на наш взгляд, два момента. Первый – «научный» путь, он не распространяется в настоящее время на большую часть человечества. Значительный разрыв в экономическом развитии между государствами не позволяет большинству стран рассчитывать на решение проблемы спасения на пути Прогресса. Второй – длительность ожидания и понимание того, что для настоящих поколений данный путь также недостижим.

Конечно, кто-то в идею бессмертия не верит, а кто-то ее даже не приемлет ни в какой форме. Но все-таки, наверное, исходя из опыта исторического мышления с древних времен, данная идея присуща человеку. В этом отношении народы отличаются только пониманием пути, который приводит человека к Спасению. Исходя из такого понимания сотериологии, на наш взгляд, можно говорить об определенном единстве человеческого общества.

Характеризуя современность, А. И. Неклесса определяет ее как конец эпохи Большого Модерна, понимая под ним мир христианской универсальности: «Истоки почти двухтысячелетней цивилизации Большого Модерна (Modernus) коренятся в христианском сознании. Христиане еще на заре новой цивилизации называли себя *moderni*, отличая таким образом свою общность от людей предшествовавшего, ветхого мира – *antiqui*». При этом в основе социальной общности западного мира до некоторого времени были христианская идея спасения и определенное понимание формы земного мироустройства. В то же время середина II тысячелетия, по мнению А. И. Неклессы, – это время зарождения современного мира, то есть Мира Модерна (Modernity). «Яркая черта Мира Модерна, – отмечает ученый, – существование в его пространстве двух исторических тенденций. Наряду с утверждением христианского мира, цивилизации универсалистской и прозелитической в качестве основного субъекта исторического действия, к древу истории во втором тысячелетии в какой-то момент прививается иной побег, произрастающий из семян светского антропоцентризма и гностических ересей. Эта ветвь, разросшись и укрепившись, вызвала со временем мутацию могучего европейского организма, породив современный нам экономический универсум, североатлантический мир, Запад в его нынешнем статусе и захлестывающий ныне планету девятый вал глобализации» [Неклесса 2001a: 69]. При этом капитализм, по мнению А. И. Неклессы, начавший ускоренными темпами развиваться с этого времени, не столько форма эффективной хозяйственной деятельности, естественным образом возникающая на базе рыночной экономики, сколько социальная стратегия, целостная идеология и схема специфического мироустройства [Там же: 132]. Глобальный капитализм, замечает в этой же связи французский социолог Жак Бодо (Jacques Baudot), «представляет собой не только экономическую систему с ее достоинствами и недостатками, но также и идеологию, предлагающую всеобъемлющую точку зрения на личное счастье и общественную гармонию. По мнению некоторых из его наиболее преданных лидеров и адептов, глобальный капитализм обладает всеми атрибутами фундаменталистской религии» [Бодо 1998: 95, 97].

В эпоху Возрождения общество начинает возвращаться к культурным ценностям Античности. Возрождение пробудило интерес к реальному миру, без которого не было бы и развития науки и техники. Именно в этот период начинает изменяться понимание сущности человека и его ценностей. «Человек – это звучит гордо!» – так мог сказать только гностик! В христианстве гордыня является одним из самых тяжких грехов человека перед Богом.

Именно в данный период начинается определенный отход европейского общества от христианского взгляда на мир. Возобладал гностический подход к решению всех проблем, стоящих перед человеком. Так, французский католический философ Жозеф де Местр (Joseph de Maistre, 1753–1821), описывая Французскую революцию, отмечал: «Настоящее поколение является свидетелем одного из самых великих спектаклей, когда-либо занимавших человеческий глаз: это борьба не на жизнь, а на смерть христианства и философизма. Ристалище открыто, два врага схватились, и Вселенная смотрит» [Местр 1997: 69, 76].

В этот же период в Европе формируется «фаустовский» тип личности. В легенде о докторе Фаусте говорится, что он «захотел постигнуть все глубины неба и земли», «исследовать первопричины всех вещей», надеялся, что «сумеет, наконец, увидеть рай» [Легенда... 1958: 48, 97].

Можно заметить, что в деятельности и суждениях Фауста отчетливо проявились основные черты зародившейся в эпоху Возрождения европейской, западной культуры: приверженность рационализму и научному знанию (сциентизм), стремление человека постоянно приумножать материальное богатство, индивидуализм и готовность человека к постоянным переменам в производстве и потреблении, семейных отношениях, моральных ценностях и т. д. Фауст с неизбежностью должен был стать экономическим человеком, творцом капиталистических отношений. Как пишет В. А. Красильщиков, именно «в эпоху Возрождения истории отдельных стран и народов слились в общий поток всемирной истории, а XV столетие – тот исторический рубеж, начиная с которого складывается современная мировая система хозяйства. Тогда Запад, по существу, навязал свою модель развития почти всему остальному миру, и в сознании европейцев зародилась вера в универсальность своего общественного устройства и своих ценностей, которая сохранилась и сегодня» [Красильщиков 1994: 86].

Таким образом, именно в идеях Возрождения и Просвещения многие исследователи видят основу для становления рационализма, утилитаризма и капитализма, что дало толчок развитию производительных сил в западном мире.

Однако, по нашему мнению, на основе такого подхода можно разделять на отдельные эпохи только реальную социально-экономическую историю человечества. В то же время духовная история в своей глубинной основе неделима. Конечно, конкретные формы реализации духовного начала человека в тех или иных мифах, религиях, учениях меняются, но все они выражают что-то общее: Рай, Золотой век, Спасение. И в этом плане христианство никогда не было единственным путем движения к такому состоянию. В любой момент истории рядом находились «миры-двойники». В Средние века началось ускоренное развитие одного из таких «миров» – мира Прогресса. Однако его основы были заложены эпохой гностицизма. Этот путь предполагал активное начало в человеке. Конечно, никто не сможет сегодня доказать, что этот путь единственно верный. Но человечество его в конце концов приняло, хотя, естественно, не сразу и не без жестокой порой борьбы и многочисленных жертв. Можно сказать, что «ветхому миру – antique» в Европе с самого начала противостояли два «мира»: христианский и гностический. В этом отношении можно говорить не только о христианском Большом Модерне, но и о гностическом Большом Модерне. Оба противостояли «античному миру». Оба провозглашали основной целью Спасение человека. Но пути спасения определяли по-разному: через Христа и через Гносис. В настоящее время оба пути открыты для человека и ему предоставляется возможность выбора, если, конечно, он стремится к Спасению и верит в него.

Поэтому нельзя согласиться с В. Максименко, когда он пишет, что «глобализм – это идеология подмены (предметного беспредметным), не позволяющая рассмотреть, что есть два новых времени – действительное и мнимое: Новое время христианского благовестия, содержащее обетование “новой твари”, и антихристианская фальсификация Нового времени в утопии “нового секулярного порядка” (“нового мирового порядка”) – *novus ordo saeculorum*» [Максименко 1999а].

На наш взгляд, эти два пути, по крайней мере в европейской культуре, слишком долго сосуществовали, чтобы один из них был легко преодолен.

В этой связи, по нашему мнению, также нет оснований, как это делают многие исследователи, и выделять эпоху «постмодернизма», и тем более полагать, как А. И. Неклесса, что формируется какая-то новая цивилизация. «Ныне обезбоженный индивид, вооруженный многочисленными дарами ранее вкушенной свободы, – пишет он, – воплощает уже иные идеалы и творит иную историю, выходящую за границы устремлений прежней цивилизации, выстраивая многоярусный мир социального Постмодерна, в котором прежняя история теряет смысл. На месте устремленной в будущее стрелы времени западной цивилизации разворачивается самодостаточное, все более проникающееся восточным духом “мира и безопасности” и тягой к статичности пространство новой, в сущности неведомой *цивилизации мирового Севера*» [Неклесса 2000].

На наш взгляд, так называемый «постмодернизм» на самом деле – это одна из современных форм гностического Большого Модерна, если, конечно, за ним видеть нечто большее, чем «голое отрицание» всего и вся, «Большой Пофигизм».

Известный исследователь постмодернизма Петер Козловски (Peter Koslowski, 1952–2012) отмечает: «Модерн – это вера в обоснованность притязаний естественных наук на тотальное просвещение. <...> Когда модерн разочаровывается в скорой осуществимости своих утопических ожиданий, он впадает в апокалипсическое отчаяние; когда же и здесь наступает разочарование – потому что апокалипсис не наступает, модерн оказывается обреченным на нигилизм <...> Поздняя античность на разочарование в своих ожиданиях ответила гностицизмом. Сегодня мы можем наблюдать, как на смену гностицизму и религии приходит нигилизм <...> Постмодерн принимает на себя роль тормоза, отодвигающего наступление того, что собственно должно было наступить после крушения утопических историко-философских ожиданий современности: гибели. Предназначение человека – разрушить самого себя. Но только прежде он должен стать достоин этого; пока же – еще нет. Эпоха постмодерна представляет собой время, которое остается людям, чтобы стать достойными гибели» [Козловски 1997: 34, 35, 47].

Однако заметим, что большинство людей предпочитает жизнь, человечество идет на многое, чтобы увеличить продолжительность жизни. По нашему мнению, так называемый постмодернизм – это еще одна «игра в бисер», еще один «закат Европы», поскольку он ничего не противопоставляет гностическому Модерну как мировоззрению, в основе которого лежит идея Спасения посредством Знания. «Постмодерн не выступает как антитеза модерна, их видимое различие скрывает единый глубокий вектор – движение к техногенному глобальному капитализму» [Мясникова 2001: 15].

Этому движению может противостоять только идея христианского Модерна. Поэтому, на наш взгляд, можно согласиться с В. И. Пантиным, который отмечает: «Основные политические институты, ценности и тенденции, возникшие в рамках Модерна, продолжают играть ключевую роль в развитии стран Запада, несмотря на все изменения, связанные с процессами информатизации, глобализации, утверждением постиндустриализма. Вступление стран Запада в стадию постиндустриального развития еще не выводит их за рамки Модерна, а лишь усиливает разрыв между ними и остальным миром» [Пантин 2001: 200]. Заметим, именно за рамки **Большого Модерна**.

Конечно, можно исходить и из пессимистическо-нигилистического взгляда на жизнь: идет себе и идет. Живут же животные, растут растения, сменяя друг друга. Так и люди. И не стоит искать какого-то смысла во всем этом. А разум человеку

дан просто для поддержания жизни, как инстинкт животным и фотосинтез растениям. Жизнь для поддержания непрерывного жизненного процесса. Но тогда...

По нашему мнению, основной тенденцией развития человеческого общества в настоящее время становится нарастание однородности всех сторон общественной жизни на принципах гностического рационализма. И «плавильным котлом» в данном случае является уже весь земной шар. Еще А. Дж. Тойнби писал: «Будущий мир не будет ни западным, ни незападным, но унаследует все культуры, которые мы заварили все в одном тигле». При этом Западу «было предназначено <...> совершить что-то не просто для себя, но для всего человечества» – возвести «строительные леса, внутри которых все ранее разбросанные общества построили бы одно общее. Эти леса – наука и технология» [Тойнби 1996: 66]. Кроме того, по нашему мнению, к таким «строительным лесам» можно отнести и демократическую форму организации общества, и рыночную экономику.

Конечно, в рационалистическом подходе к проблемам сотериологии остается немало вопросов, которые на данном этапе развития человеческого общества остаются без ответа (главный, на наш взгляд: а для чего нужно бессмертие?). Может, это и так. Однако это столь же «абстрактное» возражение, как и подобные вопросы сторонников «рационализма» в адрес религиозного мировоззрения. В то же время реальные достижения в области генетики, медицины, нанотехнологий, информационных технологий вселяют в человека надежду, что задача спасения в форме достижения бессмертия может быть решена.

Таким образом, по нашему мнению, в современных условиях путь Прогресса становится принимаемым все большей частью людей в большинстве стран мира. Стремление жить «лучше и дольше» распространяется все шире, а развитие науки и техники все больше обеспечивает такую возможность. Именно этот путь, по нашему мнению, в конечном счете ведет к объединению человечества, в то время как путь Веры (путь Христа, Мохаммеда, Будды и т. д.) часто ведет к разбедению людей, к «борьбе с неверными», религиозным войнам.

В то же время, как уже не раз отмечалось, гностический путь рационализма в развитии человеческого общества принимается не всеми. Достижения на пути прогресса зачастую объявляются ложными, не ведущими человека к истинному спасению.

Непринятие рационализма в конечном счете приводит к непринятию Запада в целом как мира, как образа жизни, как системы ценностей. Согласно подобным представлениям западный тип цивилизованного человека должен быть искоренен.

Цивилизация – это процесс возобладания разума над инстинктом. Большинство современных террористов, независимо от вероисповедания, едины в том, против чего они борются, а не ради чего. «Цель новых социальных движений, – отмечает в этой связи П. Козловски, – в первую очередь, не завоевание политико-экономической власти, а охрана определенных форм и образа жизни» [Козловски 1997: 91].

Потому и жизнестойки такого рода уклады и группировки, что они базируются на очень прочном фундаменте: на Вере в иной, не рациональный путь Спасения. И только значительные успехи на пути Прогресса в решении этой задачи смогут уменьшить число их сторонников.

Таким образом, по нашему мнению, глобализм можно характеризовать как объединение человечества для решения задачи Спасения на гностическом пути. Глобализация в этом смысле является позитивным процессом с учетом принятия данной цели и способа ее достижения. Идея Прогресса, связанная с поисками пу-

тей спасения на почве «гносиса», никогда полностью не уходила из человеческого мировоззрения и тем более останется в будущем, хотя такая точка зрения и разделяется не всеми. В то же время, скорее всего, прав немецкий политолог Клаус Зегберс (Klaus Segbers, 1954), полагающий, что «реально существующих и поддержанных весомыми социальными группами альтернативных макропроектов нет. В этом смысле история – не реальная, а история концептов – кажется, и вправду подошла к своему “концу”. Сейчас вестернизации и рыночному регулированию сопротивляются лишь остающиеся в глухой обороне неисправимые фундаменталисты» [Зегберс 1999].

Следует только сказать, что таких «концептов», на наш взгляд, всегда было два: гностический и религиозный. Все остальное – теории, концепции и т. п. – было в рамках этих «концептов». На наш взгляд, в этой связи прав французский историк Франсуа Фюре (François Furet, 1927–1997), когда пишет: «Либерализм, коммунизм, фашизм, последовательно выходявшие из чрева Революции, при всей ярости их столкновений в XX веке реальной альтернативы друг другу в себе не несли. Плоть от плоти эпохи модерна, они были одинаково одержимы революционной страстью, одинаково питали себя ненасыщающим духом Революции» [цит. по: Максименко 1999б].

То, что коммунизм и капитализм являются однокачественными явлениями человеческой истории с точки зрения высшей цели для человека, по нашему мнению, вытекает из их одинакового взгляда на иной, нерелигиозный путь спасения. Атеизм, будь то в форме прямого отрицания Бога или же в следовании гностическому мировоззрению, присущ обоим общественно-политическим системам. «Философы, – писал К. Маркс, – лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его» [Маркс 1955: 4]. Но изменить мир – это значит придать ему иные, желательные нам черты в соответствии с нашим представлением о мире. И в данном случае человек становится творцом нового мира.

В то же время следует отметить, что человек может формировать представление о возможном «конце истории», о том, что под ним понимать и каким образом реализовать задачу спасения. Расхождения в ответах на эти вопросы и формируют основу для появления глобальных противоречий в человеческом обществе. На данном этапе своего развития человечество неоднородно во многих отношениях. Оно поделено на государства, нации, народы, социальные группы и т. д. И не все хотят и могут жить по единым правилам, которые навязывает глобализация. Отсюда возникает стремление к обособлению, конфликты на национальной и религиозной почве, попытки народов отстаивать свои культуру, самобытность, образ жизни. Кроме того, человечество разделено на разные поколения. Естественно, согласовать интересы (экономические, политические, национальные, социальные, индивидуальные) на гностической идее Спасения в этих условиях очень сложно. Кроме того, как отмечалось выше, не все принимают Спасение через Прогресс за истинное Спасение, а кто-то никакого пути к Спасению не видит и тем более не хочет его. Такого рода конфликты носят в большей степени мировоззренческий, чем социально-экономический характер.

Кроме того, отмеченный выше факт невозможности решения задачи Спасения в ближайшем будущем в еще большей степени обостряет противоречивость всех вышеперечисленных интересов.

Поэтому, понимая глобализацию как процесс, направленный на обеспечение более благоприятных условий для гностического решения важнейшей задачи,

стоящей перед человеком, необходимо одновременно учитывать геополитические и экономические интересы разных народов и государств. Почему это необходимо делать – обосновать очень сложно, особенно если исходить из высокой цели Спасения и длительного исторического периода времени. Можно, например, предположить, что у отдельных народов имеет место страх быть исключенными по каким-то причинам из процесса Спасения, или что кто-то полагает: путь Прогресса – это не путь Спасения. Все остальные аргументы против глобализации, на наш взгляд, являются частными, производными.

При определении стратегического курса развития государства следует ставить и «вечные вопросы». Конечно, их озвучивание в общественном масштабе не означает, что уже сегодня имеется их решение, но человеку часто необходимо просто знать, что такие вопросы стоят не только перед ним одним, а перед всем обществом, и руководители государства, формируя и реализуя ту или иную политику страны, учитывают их.

Подобный подход должен иметь место и при разработке стратегии в отношении как глобализации в целом, так и экономической глобализации в частности. Сегодня происходит определенное нивелирование в понимании «вечных вопросов» и ответов на них. Люди начинают одинаково смотреть на многие вещи. Доступность информации, культурное взаимопроникновение подготавливают условия для формирования единого мировоззренческого взгляда на проблемы как отдельного человека, так и человечества в целом.

Когда С. Н. Булгаков писал, что «позитивная теория прогресса является бездоказательной, иррациональной и потому ненаучной» [Булгаков 1990: 297], он исходил из того, что без Бога нельзя дать ответ на вопрос «что же представляет собою наш мир в целом?». Однако, по нашему мнению, религиозное миропонимание в этом отношении столь же иррационально и бездоказательно.

Наверное, строго говоря, вопросы бытия человека сложно поддаются рациональному анализу в системе причинно-следственных взаимосвязей. Глобализм, на наш взгляд, – это сближение понимания у разных народов в вопросах сотериологии. В этих условиях и принципы организации общественных отношений в различных государствах становятся схожими. Можно сказать, что **глобализация** – это процесс распространения и принятия одинаковых взглядов на сущность человеческого существования мировым сообществом в целом на основе гностического пути Спасения. При этом, естественно, принимаются и общие правила поведения, которые разрабатываются в наиболее развитых в техническом, экономическом, научном плане государствах. Это объективно. Нельзя жить в мире и быть независимым от мира. Если, конечно, не стремиться к созданию автаркического общества на основе принятия иных принципов и ценностей, иного пути Спасения.

При этом главной задачей, на наш взгляд, становится создание условий для объединения ресурсов человечества для решения проблемы Спасения на пути прогресса. «Рационально править миром, – замечает Э. Кочетов, – вот гигантская задача современного человечества» [Кочетов 2001: 73].

Добавим, что «рационально» – это значит с точки зрения решения проблемы Спасения. Без ориентации на достижение этой цели управление с неизбежностью будет нерациональным.

В этой связи открытость национальных государств, отсутствие запретов и ограничений на рост взаимосвязей во всех областях общественных отношений становятся необходимой основой решения как индивидуальных, так и общечеловеческой задач.

Эпоха **Большого Модерна** не закончилась. При этом гностическая идея Спасения объединяет все новые и новые страны и народы. Ценности Прогресса, развитие науки и техники, рыночно-демократическая форма организации общества не означают понижения или даже отсутствия духовности в обществе, нравственных начал в отношениях между людьми. Как по отдельным деяниям Церквей нельзя судить об их несправедности в целом, так и по отдельным проявлениям капитализма нельзя делать вывод о его полной безнравственности.

Следует также отметить, что в настоящее время что-то противопоставить процессу и концепции глобализации, на наш взгляд, весьма сложно. Для этого необходим проект «универсализма», конкурирующий с западным проектом Прогресса. «В какой-то степени духовное всеисилие современной “североатлантической” цивилизации, – пишет в этом отношении Б. В. Межуев, – порождено тем, что все “вызовы”, с которыми ей приходится иметь дело в настоящее время, окрашены в национал-изоляционистские или религиозно-фундаменталистские тона. Это всеисилие обусловлено и отсутствием на поле “глобализма” у нее серьезных конкурентов» [Межуев 2001: 267].

Глобализация с начала 90-х гг. XX в. становится преобладающей теоретической концепцией, с одной стороны, и реальным общественным процессом – с другой. И данный процесс, на наш взгляд, являясь объективным (в том смысле, что он предопределяется реальной динамикой производительных сил), *неостановим и отвечает истинным интересам* как отдельных людей, так и человечества в целом. Конечно, «путь Веры» для человечества также не закрыт, и нам не дано знать, какие открытия могут ждать человека на этом пути. Но на данном этапе развития общества «путь Прогресса» становится для все большего числа людей в реальности основным в решении задачи Спасения. Как отмечает А. И. Неклесса, «возводимые в недрах современного общества антропологическая и социальная конструкции имеют весьма глубокий, притом гораздо более древний, чем протестантизм, мировоззренческий фундамент, и фундамент этот принадлежит **гностицизму**. Соответственно, прорисовывающаяся в социальном пространстве постхристианская квазичивилизация, чей контур с каждым годом обретает все большую четкость... может быть – с соответствующими оговорками – определена по своим культурно-мировоззренческим основам как **гностическая** (выделено мной. – *Н. Н.*)» [Неклесса 2011б].

Однако, как мы стремились показать, по нашему мнению, то, что «прорисовывается», на самом деле существовало постоянно наряду с христианским мировоззрением. Это одна из «ветвей древа истории» эпохи Большого Модерна, сутью которого является поиск Пути Спасения для Человека. И на современной стадии исторического процесса «гностическая ветвь» начала развиваться более бурно. При этом считать ее «квазичивилизационной», по нашему мнению, неправильно.

Литература

Бодо Ж. Глобальный капитализм: необходимость в обновлении универсалистской модели // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 12. С. 94–99.

Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М. : Наука, 1990.

Зегберс К. Сшивая лоскутное одеяло // Pro et Contra. 1999. Т. 4, осень [Электронный ресурс]. URL: <http://pubs.carnegie.ru/p&c>.

Йонас Г. Гностицизм (Гностическая религия). СПб. : Лань, 1998.

Козловски П. Культура постмодерна: Общественно-культурные последствия технического развития. М. : Республика, 1997.

Кочетов Э. Осознание глобального мира // *Мировая экономика и международные отношения*. 2001. № 5. С. 71–76.

Красильщиков В. А. Превращения доктора Фауста. Книга, которая противопоставлена экономистам и политикам. М. : Таурус, 1994.

Легенда о докторе Фаусте. (Серия «Литературные памятники».) М.; Л. : Изд-во АН СССР (Ленинградское отделение), 1958.

Максименко В. Происходит ли «глобализация»? // *Pro et Contra*. 1999а. Т. 4, осень [Электронный ресурс]. URL: <http://pubs.carnegie.ru/p&c/>.

Максименко В. Три силы (заметки на полях «Прошлого одной иллюзии» Франсуа Фюре // *Pro et Contra*. 1999б. Т. 4, лето [Электронный ресурс]. URL: <http://knigi.dissers.ru/books/1/18339-1.php>.

Маркс К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс, Ф. Энгельс // *Соч.* 2-е изд. Т. 3. М., 1955.

Межуев Б. В. Теория модернизации и геополитика: проблематичность концептуального соотнесения // *Мегатренды мирового развития / под ред. М. В. Ильина, В. Л. Иноземцева*. М. : Экономика, 2001. С. 261–267.

Местр Ж. де. Рассуждения о Франции. М. : РОССПЭН, 1997.

Мясникова Л. «Новая экономика» в пространстве постмодерна // *Мировая экономика и международные отношения*. 2001. № 12. С. 3–15.

Некlessа А. И. Конец эпохи Большого Модерна // *Знамя*. 2000. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2000/1/nekles.html>.

Некlessа А. И. Ordo Quardo: пришествие постсовременного мира // *Мегатренды мирового развития / под ред. М. В. Ильина, В. Л. Иноземцева*. М. : Экономика, 2001а. С. 129–133.

Некlessа А. И. Постсовременная цивилизация // *Прикладные аспекты цивилизации. Материалы постоянно действующего семинара клуба ученых «Глобальный мир»*. Спецвыпуск. (Материалы научно-практического семинара «Прикладные аспекты глобализации». 20–21 сентября 2001 г.) М., 2001б. С. 24–28.

Пантин В. И. Гомогенизация как тенденция // *Мегатренды мирового развития / под ред. М. В. Ильина, В. Л. Иноземцева*. М. : Экономика, 2001. С. 199–201 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gatchino.com/knog/2001_015.htm.

Соловьев В. С. Гностицизм // *Энциклопедический словарь*. Т. VIII-А. СПб. : Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, 1894.

Соловьев В. С. Понятие о Боге. (В защиту философии Спинозы.) / В. С. Соловьев // *Собр. соч.* Т. 9. СПб., 1913 [Электронный ресурс]. URL: http://www.odinblago.ru/soloviev_9/1.

Соловьев Вл. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об Антихристе и с приложениями / Вл. Соловьев // *Соч.* : в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1988.

Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М. : Прогресс, 1996.

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

СЕМЬ СЛАБОСТЕЙ АМЕРИКИ И ДОНАЛЬД ТРАМП*

Гринин Л. Е.**

Борьба все большей части мирового сообщества с растущим эгоизмом Соединенных Штатов, не желающих признавать общие интересы, уже длительное время составляет главную интригу современного глобального противоречия. В настоящий момент, после прихода к власти Дональда Трампа, это стало особенно очевидным, так как фронт противоречий расширился за счет игнорирования американцами интересов своих союзников. «Сделать Америку снова великой» – этот лозунг Трампа откровенно говорит о потере прежнего уровня лидерства и о том, что ситуация в мире будет обостряться. В этой связи важно увидеть, какова материальная база могущества современной Америки, позволяет ли она «сделать Америку снова великой» или нет. В статье анализируется семь (реальных и потенциальных) слабостей США, часть из которых, однако, в настоящее время как раз поддерживает их могущество. Но рано или поздно эти слабости станут причиной глубокого кризиса и не позволят Соединенным Штатам сохранить свое лидирующее положение.

Ключевые слова: современное глобальное противоречие, Дональд Трамп, эгоизм США, слабости США, дефицит торгового баланса, дефицит бюджета, государственный долг, доллар, небелое население США, слабость политической системы США, кризис системы здравоохранения, торговые тарифы.

Over a long period of time the main intrigue within the current global contradiction has been the resistance of most part of the world community to the growing egoism of the USA who are not willing to take into account common interests. At present, after Donald Trump's coming to power this has become even more evident after the frontline of the contradictions has expanded since the USA continues to ignore the aliens' interests. "Make America Great Again" – this Trump's slogan directly evidences the loss of the former leadership and that the situation in the world is going to heat up. In this respect it is important to consider the material basis of modern America's power and whether it will allow "making America great again" or not. The article analyzes seven (real and potential) weakness of the USA, yet, it is just some of them that currently support its power. But sooner or later these weaknesses will bring the USA to a deep crisis and will not allow preserving its leading position.

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-06-00464).

** Гринин Леонид Ефимович – д. ф. н., в. н. с. Института востоковедения РАН, зам. руководителя Евро-азиатского Центра меганстории и системного прогнозирования.

Keywords: *modern global contradiction, Donald Trump, American egoism, the USA's weaknesses, the deficit of the trade balance, fiscal deficit, national debt, dollar, people of color, weakness of the American political system, crisis of the health care system, commercial tariffs.*

Введение. Обострение основного противоречия современной эпохи

Вне всякого сомнения, судьба мира во многом зависит от того, как будут развиваться США, какую политику они выберут, какие повороты встретятся на этом пути. В свое время мы писали, что борьба все большей части мирового сообщества с растущим эгоизмом Соединенных Штатов, не желающих признавать общие интересы, будет составлять главную интригу современного глобального противоречия [Гринин 2005: 17; 2015: 13]. В настоящий момент, после прихода к власти Дональда Трампа, это стало особенно очевидным, так как фронт противоречий расширился за счет игнорирования американцами интересов своих союзников.

Говоря об интересах США, нужно иметь в виду, что в последние три десятилетия они неоднократно трансформировались в зависимости от того, какая часть американской элиты, групп давления и так называемого глубинного государства оказывалась в тот или иной момент наиболее активной и влиятельной. Можно сказать, что именно расклад политических сил, внутривластная борьба и ее цели во многом определяют важные направления внешней политики страны. Более того, внешняя политика чрезмерно подчинена внутренней, а внешнеполитические акции нередко становятся результирующей внутривластной борьбы. Так, усиление конфронтации с Россией определяется прежде всего логикой борьбы с Трампом его противников. Между тем с точки зрения долгосрочных интересов США столь сильное обострение отношений с Россией в Америке невыгодно, поскольку толкает РФ на формирование блоков с Китаем, Ираном и другими странами (США выгоднее разделять своих противников, не давая им блокироваться). Сложно сказать, насколько Д. Трамп это понимает: в любом случае его попытки наладить отношения с Россией были пресечены, поскольку борьба за власть внутри страны диктует ему стратегию конфронтации. Еще менее разумно обострять отношения сразу со многими странами, как делает Трамп. Но и для него главное – предвыборные обязательства и надежда, что, исполнив их, он переизберется на второй срок. А как это повлияет на будущее Америки, нынешний президент не понимает.

Мы, как и многие другие, неоднократно указывали, что США все заметнее теряют свои лидерские функции [см., например: Валлерстайн 2001; Капхен 2004; Тодд 2004; Грей 2008; Мир... 2009; Закария 2009; Гринин 2009; 2015; 2016а; 2016б]¹. Мы также отмечали, что в результате этого ослабления в последние годы усиливается «беспорядок» в мире, причем особенно заметный вклад в него вносят действия США [Гринин 2015: 14]. С приходом Трампа к власти и из-за его стремления изменить многие устоявшиеся отношения «беспорядок» еще больше усилился. Это свидетельствует об усилении указанного противоречия.

«Сделать Америку снова великой» – этот лозунг Трампа откровенно говорит о потере прежнего уровня лидерства и о том, что ситуация в мире будет обостряться. В этой связи важно увидеть, какова материальная база могущества современной Америки, позволяет ли она «сделать Америку снова великой» или нет. Настоящая статья посвящена анализу данной проблемы.

¹ Более полный список литературы см.: Гринин 2015; 2016а; 2016б.

Слабости Америки: предварительный обзор

Можно говорить о целом ряде потенциальных слабостей США, часть из которых, однако, в настоящее время как раз поддерживает их могущество. Но рано или поздно эти слабости станут причиной глубокого кризиса и не позволят Союзенным Штатам сохранить влияние.

Условно мы сформулировали эти слабости в семи пунктах, хотя их может быть и больше, и меньше.

1. Огромный и хронический дефицит внешней торговли (в целом счета платежного баланса), который имеет тенденцию к росту.

2. Огромный и хронический дефицит бюджета, который к тому же растет. *Существенно снизить и тем более ликвидировать его представляется малореальной задачей.*

3. Огромный государственный долг, размер которого постоянно увеличиваетс; общая закредитованность бизнеса и населения.

4. Особая роль доллара и огромная зависимость от этого американской экономики и внешней политики. *Ослабление роли доллара и доверия к нему могут привести к колоссальному и системному кризису в США.*

5. Особенности системы здравоохранения. *Непомерно высокие цены на медицинские услуги и лекарства подрывают бюджет, являются источником роста госдолга (особенно в условиях старения населения).*

6. Уменьшение доли белого населения. *Эта и другие социально-демографические тенденции могут привести к ослаблению единства нации и усилению внутренних конфликтов.*

7. Слабость политической системы в условиях глобализации и необходимости удерживать лидерство. *Американская политическая система в современном период недостаточна подходит для глобальных внешнеполитических задач, связанных с удержанием американской гегемонии.*

В следующем разделе мы подробно проанализируем эти слабости. Вновь подчеркнем, что некоторые моменты в настоящее время являются сильными сторонами США, их внешнеполитическим и геополитическим оружием, но потенциально они несут угрозу всей системе. Такова диалектика: сила переходит в слабость и наоборот, а масштабы проявления этих слабостей с учетом масштабов американской экономики – огромны. Также важно понимать, что эти проблемы появились не вчера: истоки одних прослеживаются начиная с 1960–1970-х гг., других – даже ранее.

Слабости Америки: анализ

1. **Постоянный дефицит внешней торговли.** Длительное время после Второй мировой войны экспорт США превышал импорт. Но война во Вьетнаме, отказ от привязки доллара к золоту в результате валютного кризиса 1971–1973 гг., взрывной рост цен на нефть и подъем экономик других стран изменили ситуацию. С конца 1970-х гг. импорт начал превышать экспорт, и торговое сальдо стало отрицательным. С этого времени дефицит торгового баланса является хроническим. Он несколько уменьшился в 1990-е гг., но затем снова стал расти. В 1970–1980-е гг. США периодически и не без успеха вынуждали к различным уступкам (открытию рынков, ревальвации валют) Японию, Германию и другие страны, чтобы сократить этот дефицит. Но, несмотря на это, дефицит постоянно рос, особенно увеличившись в связи с заключением экономического соглашения с Мек-

сикой и Канадой (НАФТА) и ростом Китая. Сегодня он достиг огромной цифры, приближающейся к 600 млрд долларов (точнее, 566 млрд долларов)². Правда, Д. Трамп, объясняя причины введения тарифов, для усиления эффекта говорит о 800 млрд долларов (813 млрд, такая цифра есть и в онлайн-счетчике долга).

Что означает этот дефицит? Ежемесячно американцы получают от своих торговых партнеров (прежде всего Китая, Канады, Мексики, Германии) товаров в среднем на 45–50 млрд долларов больше, чем продают. Именно огромный дефицит торгового баланса (с учетом того, что потребительские товары производятся в странах с низкой заработной платой) является одной из причин низкой инфляции в США. В целом такой дефицит выгоден американцам. Они получают от торговли значительно больше, чем отдают. И все же такая ситуация ослабляет и без того во многом деиндустриализованную экономику США, делая ее все более зависимой от указанного дефицита, все менее конкурентной. Также она местами продолжает способствовать выводу производств за рубеж. Это беспокоит многих в Америке и является причиной экстравагантных действий Трампа в области введения тарифов на импорт и давления на торговых партнеров. С точки зрения же долгосрочных перспектив в случае возникновения недоверия к доллару или государственному долгу США (что более чем реально) обеспечить такой объем импорта в страну будет невозможно. Последствия нетрудно вообразить.

В принципе, сегодня политика Д. Трампа во многом просто повторяет политику Р. Никсона или Р. Рейгана в отношении Японии и Германии, но, если не принимать во внимание саму экстравагантность Трампа, огромное различие состоит в том, что сегодня эта политика уже стала одиозной и архаичной. В самом деле, США десятилетиями выступали за свободную торговлю, «продавливая» этот принцип всегда и везде, и вдруг стали резко от него отказываться, демонстрируя свою беспринципность. Главное, что не хочет принимать во внимание Трамп, это то, что сегодня Америка не в состоянии жить по средствам, не в состоянии отказаться от дефицита торгового баланса, от дарового импорта³. Действительно, за 33 года (с 1985 г.) накопленный дефицит торгового баланса составил примерно 13 трлн долларов.

Интересно, что при Буше-младшем в 2007 и 2008 гг. дефицит торгового баланса был еще больше (731 млрд долларов в 2007 г.)⁴. Но столь агрессивных попыток ввести импортные пошлины и разорвать договоренности все же не было. Делая скидку на личностные характеристики Трампа, его стремление устраивать из любого решения шоу и стараться работать на публику, тем не менее можно прийти к выводу, что *сегодняшние действия США являются показателем нарастающего кризиса*.

2. Постоянный и растущий дефицит бюджета. Бюджетный дефицит – еще более серьезная проблема, чем дефицит торгового баланса. Это также не новое явление, он рос в периоды войн, потом сокращался. При У. Дж. Клинтоне даже пару раз наблюдался профицит бюджета. Но в последние 15 лет дефицит бюджета «вырвался на свободу». При этом если в период рецессии 2008–2010 гг. он был

² Дефицит счета текущих операций, правда, на 100 млрд меньше (466 млрд долларов), но все равно огромен. США получают часть платежей за лицензии, услуги и кредиты от других стран, что несколько уменьшает проблемы дефицита торгового баланса.

³ Существенно, что при нынешнем дефиците трудовых ресурсов американская экономика вряд ли произвела бы товаров на экспорт на 600 млрд долларов.

⁴ Дефицит удалось снизить за счет развития сланцевой нефтедобычи и снижения объема импорта нефти.

морально оправдан, то в удачные годы – уже нет. Размер дефицита колеблется от 500 млрд до 1 трлн долларов в год (а в некоторые годы и больше). При этом в рамках десятилетнего планирования бюджета (принятого не так давно в США) 1 трлн рассматривается уже почти как норма, а фактический размер дефицита все чаще превышает планируемый. В 2017 финансовом году он составил 665 млрд долларов. В 2018 финансовом году вместо ранее планируемых 563 млрд долларов дефицит бюджета составит 804 млрд долларов, а в 2019 финансовом году достигнет почти 1 трлн (981 млрд) долларов вместо ранее ожидавшихся 689 млрд долларов.

Важно отметить, что основные статьи расходов – социальные, которые рассматриваются как защищенные статьи. Это более 60 % бюджета (последний уже значительно превышает 4 трлн долларов), в первую очередь пенсии (Social security) и здравоохранение (Medicare), соответственно где-то 33 % и 28 % бюджета (вместе около 2,5 трлн долларов). Расходы на оборону огромны – при Трампе они стали превышать 700 млрд долларов⁵. Но все же важно понимать, что именно социальные, защищенные расходы (Mandatory spending) – на пенсии по старости и по инвалидности и медицинское обслуживание, которые нельзя сокращать ни при каких условиях, – дают основной дефицит. *Именно это делает невозможным его радикальное сокращение.*

Другие значительные статьи – это расходы на образование, инфраструктуру, науку, поддержку сельского хозяйства и т. д. Наконец, расходы на выплаты процентов по государственному долгу составляют сейчас 7–9 % от всех расходов бюджета. В перспективе они будут увеличиваться в связи с ростом как самого долга, так и процентных ставок. Последние сейчас низки (хотя уже начали расти), что позволяет обслуживать долг без чрезмерного напряжения, но так будет, разумеется, не всегда. Например, по проекту десятилетнего планирования бюджета в 2026 г. расходы на обслуживание госдолга (планируется выплачивать проценты, а тело долга замещать новым долгом) должны будут составить уже не 7 % от всех расходов бюджета, а 15 %. Если же ставки подрастут – и того больше. Такие суммы лягут непосильным бременем на страну (по некоторым данным, процентные выплаты уже в 2022 г. вырастут до 16 % бюджета).

Те тенденции, которые закладывались в перспективное планирование бюджета при Б. Обаме, новый президент и республиканцы пытаются менять. Во-первых, предполагалось постепенное сокращение доли военных расходов в ВВП страны (с 3,3 % ВВП в 2015 г. до 2,3 % в 2026 г.). Однако первое, что сделал Д. Трамп, – резко нарастил эти расходы. И в 2017 г. они поднялись до 3,8 % от ВВП⁶. Зато некоторые социальные расходы Трамп пытается урезать⁷, особенно он ополчился на программу медицинской помощи, введенную при Обаме – Obamacare (см. о ней ниже). Однако даже усиленный натиск не смог закрыть данную программу. И это показывает, что радикально сократить социальные статьи в настоящих условиях невозможно. Напротив, так или иначе (в связи со старением населения) они будут расти.

⁵ Но с учетом бюджета министерства по делам ветеранов (180 млрд), ряда секретных статей и прочего совокупные военные расходы уже значительно превосходят 1 трлн долларов.

⁶ Правда, в 1970-е гг. расходы на оборону в США в среднем составляли 7 %, а в 1980-е – в среднем 5,5 % ВВП. Но тогда не требовалось столько расходов на социальные нужды.

⁷ В частности, на программу талонов на питание для малоимущих (SNAP), которой пользуются десятки миллионов человек [см.: Ричардсон 2018].

Трамп также добивается увеличения расходов на инфраструктурные проекты и провел налоговую реформу. Это может положительно сказаться на экономике, хотя и не даст какого-либо мощного подъема. Но сокращение налогов – это и сокращение доходов. Последние и без того существенно отстают от расходов (от 15 до 25 % и более, или 3–6 % ВВП).

Интересно отметить, что нынешний президент США не борется и не собирается бороться с дефицитом⁸, и тем более, в отличие от введения импортных тарифов или строительства стены на границе с Мексикой, не делает из него политическое шоу. Это еще раз показывает зависимость внешней политики от внутреннего расклада. Ведь сокращение дефицита бюджета – борьба с собственными избирателями, а кому из политиков хочется это делать? Кроме того, изменения в бюджете требуют одобрения Конгресса, чего зачастую бывает невозможно достичь.

Таким образом, *постоянный дефицит бюджета стал неотъемлемой чертой жизни современных США. Он позволяет стране жить не по средствам, служит важнейшим социальным амортизатором, давая возможность осуществлять крупнейшие социальные программы (пенсионные, медицинские и др.), а также поддерживать важные институты страны. В случае приведения бюджетных расходов в соответствие с доходами социальные отношения в обществе резко обострились бы, уровень жизни резко снизился, а важнейшие отрасли экономики (такие как медицина, фармацевтика, сельское хозяйство) оказались бы в кризисе.* Сокращение дефицита и тем более отказ от него могли бы случиться при резком увеличении темпов экономического роста (например, 5 % в год), но для этого в США нет сегодня ни демографических, ни технологических, ни иных ресурсов и потенциалов. Однако и бесконечным дефицит бюджета быть не может. *Можно предполагать, что дефицит бюджета, причем увеличивающийся, станет одной из важнейших причин будущего глубокого кризиса.*

3. Огромный государственный долг и общая закредитованность бизнеса и населения. Постоянный дефицит бюджета является причиной роста государственного долга. На федеральном уровне долг составляет уже около 21 трлн долларов. Какую-то часть элиты это пугает, но многих еще нет. Президент Трамп, в частности, не слишком об этом беспокоится. Мало того, принятое решение по снижению налогов только увеличит размер государственного долга. До кризиса 2008 г. отношение долга к ВВП составляло примерно 60 %. В настоящее время – более 105 %. На каком уровне проблема долга станет неподъемной, сказать трудно. Но рано или поздно она непременно станет таковой.

Очевидно, что в связи с постоянным дефицитом бюджета долг будет увеличиваться. Потенциально высокая стоимость его обслуживания будет также расти и превратится в существенно более тяжелое бремя. В настоящее время она составляет заметно более 300 млрд долларов в год. Однако ФРС повышает ставки, а значит, и стоимость обслуживания долга может расти. Каждые 0,25 %, которые ФРС добавляет к ставке, могут означать, что стоимость обслуживания долга вырастет на 50 млрд долларов в год (то есть на 1,2 % от всего бюджета).

Внешние кредиторы (Китай, Япония и многие другие) держат порядка 30 % американского долга (гособлигаций, трежерис). Это, с одной стороны, вливает в сумму долга как бы реальную стоимость. Но с другой – в случае каких-то колебаний и сомнений в прочности американской денежной системы внешние кредито-

⁸ Хотя во время предвыборной кампании Трамп и критиковал дефицит, борьба с последним не была среди его главных предвыборных обещаний.

ры могут попытаться избавиться от этих долгов, что потенциально способно обвалить трейдерис и всю финансовую систему. Чем выше долг, тем больше инвесторы и кредиторы рискуют, поэтому любые сомнения в надежности гособлигаций способны вызвать резкий рост их доходности, что осложняет исполнение бюджета и приведет к наращиванию долга.

Именно для того, чтобы не было сомнений в надежности американских гособлигаций, ФРС старается уменьшить размер долга на своих балансах, так как она скупила гособлигаций на 4,5 трлн долларов.

Многие американские финансовые и социальные институты (в том числе пенсионные и социальные фонды) в той или иной степени вложились в государственный долг. И потенциально здесь могут возникнуть большие проблемы. Во-первых, низкие доходности по гособлигациям усложняют возможности повышения пенсий на инфляцию. Уже сейчас немало случаев, когда пенсионные фонды не могут этого делать, в будущем число таких случаев возрастет. Но если доходность облигаций будет высокой, то окончательно «затрещит» бюджет. Во-вторых, в случае дефолта по госдолгу пенсионная система может обвалиться, что приведет к социальной катастрофе.

Старение населения является проблемой не только Соединенных Штатов, но и многих других стран. И во всех из них обостряется проблема обеспечения пенсионного и медицинского финансирования. Но в США есть существенные особенности (см. ниже). Так или иначе старение и болезни старости не позволят значительно уменьшить эти тяготы американского бюджета. Поскольку пенсионеры и пожилые становятся все более значимой частью электората, ни один политик, ни одна партия не смогут не учитывать их требования. В итоге проблемы дефицита бюджета и государственного долга могут обостряться, а государство вынуждено будет как-то решать и проблемы индексации пенсий⁹.

Долговая нагрузка в США очень существенна не только на федеральном, но и на местном уровне, также высока закредитованность корпораций и жителей. В США создан онлайн-счетчик долга и других экономических параметров. В апреле 2018 г. он показывал общий долг США (включая корпорации и граждан) почти в 70 трлн долларов (в среднем по 213 тыс. долларов на человека или 836 тыс. на одну семью). При этом только процентов по общему долгу набегает 2 трлн 623 млрд долларов, и это составляет 13,4 % от ВВП (19,9 трлн). В целом одна седьмая часть американского ВВП – это доходы от обслуживания долгов, сектор в значительной мере паразитический. А чем сильнее паразитически-кредитный сектор, тем больше капиталов отвлекается от реального сектора, и в целом экономика начинает ослабевать.

Имеется и большой долг штатов и территорий¹⁰. Его возможности роста ограничены (так как ограничены и возможности эмиссии в рамках штатов), отсюда периодически возникают кризисы и деградация ряда муниципальных образова-

⁹ К примеру, Чикаго должен действовать в соответствии с законом штата, который требует, чтобы город отменил увеличение финансирования по пенсионным обязательствам (основная причина недавнего понижения рейтинга города агентством *Moody's*), но он не может сократить выплаты ушедшим на пенсию. Среди американских городов с высокими затратами на пенсии *Moody's* выделяет Санта-Фе (Нью-Мексико), у которого чистые пенсионные обязательства в 6 раз больше его операционного дохода; Вирджинию (Миннесота), где это превышение составляет 5,9 раза; Лас-Вегас (Нью-Мексико) с превышением в 5,5 раза; Чикаго с показателем 5,4 раза.

¹⁰ Согласно данным сайта US Government Debts (https://www.usgovernmentdebt.us/compare_state_debt), в начале 2018 г. он составлял более 3,1 трлн долларов, что равняется почти годовым тратам всех штатов.

ний, вынужденных повышать местные налоги. По некоторым данным, имеется свыше 400 городов, состояние финансов которых делает их кандидатами на банкротство [Роджерс 2017]. В 2017 г., в частности, обострился бюджетный кризис в штате Иллинойс (где находится город Чикаго).

Таким образом, *проблема роста задолженности как на федеральном, так и на местном уровне, как у фирм, так и у населения, становится все серьезнее. Каких-то радикальных способов ее решения не видно. Попытки решить ее кардинально приведут к краху социальной и политической системы, а отказ от ее решения – к неизбежным финансовым долговым кризисам и, возможно, дефолтам.*

4. Особая роль доллара в поддержании могущества финансово-экономической мощи США. Роль доллара подчеркивается всеми, и действительно, ее трудно переоценить. Доллар рассматривается как ведущая валюта мира, главное средство расчетов и в большинстве случаев – платежа. Именно доллар позволяет Соединенным Штатам чувствовать себя вольготно в торговых отношениях с партнерами, оказывать помощь в собственной валюте, не держать валютных резервов (которые отвлекают огромные капиталы у многих ЦБ). Но, помимо этого, США, их финансовые агенты и импортеры получают большую выгоду от того, что большая часть платежей проходит именно в долларах. Кроме того, они аккумулируют гигантские чужие капиталы, тем самым имея возможность контролировать многие страны, корпорации и людей. Соединенные Штаты также получают огромные выгоды от того, что доллар является средством накопления во многих странах, значительная часть (до 100 млрд долларов в год) накапливается в наличном виде, то есть, по сути, тезаврируется. Также стоит упомянуть, что ряд стран привязывают свои валюты к стоимости доллара. Словом, без особого положения доллара американская финансовая система, рынок акций и прочее чувствовали бы себя существенно хуже, а их объемы были бы меньше. Сейчас же США живут как рантье во многом за счет особого положения доллара в мировой валютной системе. Большие доходы от зарубежных активов мало способствуют экономической активности внутри страны и росту ВВП.

Важный момент – отношение доллара по стоимости к другим валютам. С точки зрения экспортеров (а также и удобства выплаты госдолга) выгоднее иметь более дешевый доллар. Но для привлечения капиталов (в том числе иностранных) в госдолг и на биржи желателен, наоборот, дорогой доллар. *Таким образом, существует противоречие между производительным (который сегодня в меньшем почете, чем раньше) и финансовым капиталом.* Поскольку доллар принимается без ограничений, его стоимость регулируется не размером дефицита платежного баланса (как в странах с другими валютами), а спросом на него как на средство платежа, резервов и накоплений¹¹. При этом США искусственно и силой поддерживают такой спрос на доллар (наиболее известный пример – обязательство продавать нефть Ближнего Востока и из других регионов только за доллары). Но и валютные резервы многих стран в основной своей массе хранятся в долларах, при этом физически также во многих банках США. Существуют и манипуляции с ценами на золото, чтобы контролировать стоимость доллара.

В связи со сказанным можно подчеркнуть следующее важное изменение. Идет своего рода «перетягивание каната» между долларом как национальной

¹¹ С 1973 г. рассчитывается индекс отношения доллара к шести другим валютам мира, включая швейцарский франк (индекс USDX), который имеет циклы изменений, иногда поднимаясь выше 100 %, иногда опускаясь значительно ниже 90 %. В 2017 г. произошло самое резкое падение индекса с 2003 г. (в предыдущие годы индекс рос), почти на 10 пунктов, и оно продолжалось в первые месяцы 2018 г.

валютой, которая должна подчиняться внутреннему законодательству, и долларом как мировой валютой. Для того чтобы доллар оставался незаменимой мировой валютой, нужно, чтобы он все сильнее растекался по миру, заменяя внутренние валюты стран. Но в связи с проблемами указанных дефицитов государственных финансов Соединенные Штаты теперь взяли курс на репатриацию капиталов. С этим связаны описанные попытки вернуть прибыль американских ТНК в свою страну, а также «прижать» зарубежные офшоры (при оставлении таковых внутри страны) и оказывать давление на банки других стран в отношении вкладов американских граждан. Этим объясняются и попытки повысить учетные ставки и индекс доллара, что будет привлекать в Америку капиталы из-за рубежа. И такая политика притягивания доллара в США в итоге будет ослаблять его как мировую валюту.

Но, так или иначе, доллар давал, дает и в течение какого-то времени будет давать огромные преимущества Соединенным Штатам, а также вместе с другими преимуществами позволяет им ограничивать финансовые возможности многих развивающихся стран и стран полупериферии в отношении эмиссии валют последних, заставляя их накапливать доллары для такой эмиссии.

Однако финансовые диспропорции, рост дефицитов и долга, а также злоупотребление властью рано или поздно должны завершиться серьезным кризисом доверия к доллару и способности США обеспечить его ценность.

5. Особенности системы здравоохранения. По доле здравоохранения в ВВП США занимают первое место в мире. Эта доля составляет более 17 %, то есть каждый шестой доллар создается в системе здравоохранения. Население этой страны тратит больше всех денег на медицину, правда, это не означает, что там лучшая в мире система здравоохранения. Ситуация противоречивая. С одной стороны, столь огромные суммы, которые обращаются в этой отрасли, дают стимул для развития медицины и фармакологии, внедрения новых технологий. С другой стороны, стоимость медицинских услуг просто запредельная. Эти услуги большинство населения может оплачивать только с помощью страховых компаний. В медицинском страховании огромная роль принадлежит государству¹². Как уже сказано, доля расходов на медицину в федеральном бюджете намного превышает расходы на оборону. Значительна эта доля и в бюджетах штатов и округов. Остальная часть населения приобретает страховки с помощью работодателя, что является одной из форм привязки к нему работников, особенно уже зрелого возраста [Макаров 2017]. Но при этом довольно значительная часть населения (включая молодежь) не желает платить за страховки, тем самым подвергая себя большому риску, поскольку в случае возникновения серьезных проблем эти люди не получают необходимую медицинскую помощь либо получают ее в недостаточных размерах. До начала в 2010 г. реформы Б. Обамы, который ввел обязательное медицинское страхование, таких было более 40 млн. Обама стремился вовлечь многих из этих людей в систему страхования с помощью новой программы (Obamacare)¹³. Число людей без страховки резко уменьшилось. Однако, не-

¹² В широких масштабах это началось с президента Л. Джонсона в 1965 г. Программа *Medicaid* направлена на оказание медицинской помощи малообеспеченным слоям населения, программа *Medicare* – на оказание медпомощи пожилым людям и инвалидам. С учетом увеличения числа пожилых их стоимость для государства постоянно растет.

¹³ Она предполагала введение обязательного медицинского страхования граждан, расширение федеральной программы помощи малообеспеченным гражданам *Medicaid*, а также введение штрафов для граждан за отказ от покупки медстраховки и для крупных работодателей за отказ страховать своих сотрудников.

смотря на заверения Б. Обамы в том, что реформа приведет к прекращению роста стоимости страховых взносов, наблюдалась диаметрально противоположная ситуация. Страховка оказалась более выгодной пожилым людям, чем молодежи, которая болеет меньше; она также тяжким бременем легла на плечи корпораций. С приходом Д. Трампа начались атаки на эту дорогостоящую для государства систему (так как государству приходится доплачивать за страховки), попытки создать менее дорогостоящую систему. Пока это не удалось.

Несмотря на все переипетии, вполне очевидно, что американское государство не в состоянии урегулировать проблему обеспечения стареющего населения медицинскими услугами. Напротив, она будет только нарастать. В самом деле, какие варианты здесь имеются? Если предположить, что государство заморозит расходы на здравоохранение, это неизбежно приведет к росту смертности населения. В США и так уже два или три года отсутствует увеличение ожидаемой продолжительности жизни, она даже несколько снизилась. Наблюдается рост смертности среди отдельных групп населения. Вряд ли такая тенденция может продолжаться без нарастания социально-политических проблем, учитывая, что пожилые избиратели составляют большую и, главное, растущую долю электората. Но и существенно увеличивать расходы государства на медицинское обслуживание населения становится все сложнее.

Таким образом, США попали в этом случае в очень серьезную ловушку. Их политическая система будет все заметнее зависеть от пожилого электората и его требований в отношении расходов на здравоохранение, а это наряду с другими социальными расходами будет усугублять проблемы бюджета, государственного долга и налогов.

Остается еще возможность начать регулировать цены на медицинские услуги, чтобы снизить финансовую нагрузку. Но это было бы очень сложно, потребовалось бы изменить всю систему организации здравоохранения, которая жестко нацелена на получение прибыли. По-видимому, в условиях роста числа пенсионеров и пожилых людей эти проблемы будут накапливаться, не получая радикального решения.

6. Уменьшение доли белого населения и другие негативные социально-демографические тенденции. Речь пойдет о постепенно усиливающемся расколе населения США на стареющее белое население, пока составляющее большинство, и молодое, но иного расово-этнического состава; а также об усиливающемся разделении штатов на политико-демографические группы. Все это влияет и в дальнейшем будет еще больше влиять на политическую ситуацию.

Соединенные Штаты справедливо называют «плавильным котлом», в котором разные нации и национальности, этнические и культурные группы сплавлялись в единую нацию. Однако в последние пятьдесят лет ситуация в этом плане стала меняться. За эти полвека число иммигрантов по сравнению с предыдущим полувеком, пожалуй, даже возросло (что связано и с падением рождаемости в США, особенно среди белого населения). Во-первых, основное их число стало прибывать из латиноамериканских и азиатских стран, а не из стран с белым населением, как ранее. Во-вторых, в связи с ростом социальных гарантий, льготами в отношении членов семей иммигрантов вместе с молодыми и работоспособными мигрантами приехало много иждивенцев старшего поколения. В-третьих, огромное количество мексиканских мигрантов предпочитало селиться в южных штатах, где и ранее было немало испаноговорящих людей. В-четвертых, нехватка рабочей силы привела в страну многие миллионы нелегальных (прежде всего мексикан-

ских) мигрантов в эти же штаты. Сегодня они составляют огромную политическую проблему, раскалывающую партии, усиливающую противостояние между центральной властью и штатами и т. п. Добавьте к этому еще и то, что иммиграция использовалась как решение политических задач (и смягчение военно-политических неудач на Кубе, во Вьетнаме и т. д.¹⁴). В результате огромные общины кубинцев, вьетнамцев, пуэрториканцев и представителей других этносов расселились в США, анклавность расселения различных групп мигрантов значительно усилилась. В свою очередь, белое население (в целом более образованное, культурное и богатое) также стремится к сегрегации, предпочитая создавать районы, населенные только белыми. В итоге межрасовое смешение идет слабее процесса расово-этнической сегрегации. И в целом население становится в этническом плане более пестрым, что может увеличить нагрузку на целый ряд правительственных программ – от медицинского страхования пенсионеров до образования.

Но и помимо этого возникают очень серьезные проблемы. Белое население в США (также весьма неоднородное по своему этническому составу) по-прежнему составляет большинство. Однако доли латиноамериканцев (выходцы из Мексики, других стран Латинской Америки и Пуэрто-Рико) и азиатов растут. Но главное, что в связи со старением белого населения и падением рождаемости в этом сегменте в настоящее время среди родившихся детей представителей белой расы уже меньше половины. Эта тенденция продолжается уже около десяти лет, поэтому и в младших классах школ небелые дети также составляют большинство. Разумеется, не слишком значимое, но, так или иначе, тенденция нарастает, и через десять лет небелая часть будет составлять большинство и среди молодежи. А уже их дети, скорее всего, станут явным большинством¹⁵. Доля небелых (с учетом миллиона иностранных, в основном небелой расы) студентов в вузах США также быстро растет, особенно благодаря специальным программам (правда, качество подготовки американских студентов из-за этого снижается).

«Голос Америки» опубликовал очень показательные цифры. Так, за год (период с 2015 по 2016 г.) белое население увеличилось всего на 5 тыс. человек (то есть практически не возросло), так и не достигнув 200 млн человек (198 млн), зато испаноязычное население увеличилось на 2 % (то есть на 1 млн 127 тыс. человек) – до 57,5 млн. А азиатская диаспора выросла на 3 % (более чем на 600 тыс. человек), достигая в настоящий момент примерно 22 млн человек. Все это усугубляется целым букетом других проблем. Неравномерность расселения способствовала тому, что появились штаты, где небелое население составляет очень значительную часть или даже большинство. При этом среди небелого населения явно лидирует латиноамериканское (в том числе в таких крупнейших штатах, как Калифорния и Техас). В итоге наблюдаются падение уровня усвоения английского языка и культуры и фактическое двуязычие. Растет число семей, в которых не говорят по-английски, что, естественно, затрудняет усвоение этого языка детьми¹⁶. Отсюда размывание типично американской культуры, которая была основой процветания США.

¹⁴ США открывали возможность противникам коммунистических режимов в этих странах в упрощенном порядке уезжать в Америку.

¹⁵ Разумеется, следует принимать во внимание имеющуюся тенденцию сокращения рождаемости у представителей небелых рас. Но скорее всего, несмотря на это, рождаемость у них все же достаточно долгое время будет выше, чем у белых.

¹⁶ По словам аналитиков центра, из-за притока иммигрантов многократно увеличилось количество школьников, не знающих английского языка, и это затрудняет преподавание в школах. По данным на

Одновременно наблюдается и неблагоприятное положение черного/цветного населения. Его численность растет быстрее белого населения: так, за указанный период она увеличилась на 1,2 % (примерно на 464 тыс. человек) и в настоящий момент едва не достигает 50 млн человек. Однако численность чернокожего населения растет существенно медленнее испаноязычного и азиатского. При этом оно наиболее зависимо от помощи государства и представляет собой наиболее «бунташный» элемент американской нации, имеющий также наибольший процент правонарушителей. Кроме того, существующее неблагоприятное положение чернокожей/цветной семьи, где две трети детей рождаются вне брака (в том числе потому, что выгоднее быть матерью-одиночкой и получать от государства пособие на детей), будет способствовать воспроизведению этих проблем и в новых поколениях.

При этом в плане образования и культуры данная часть населения значительно отстает. Наиболее высок образовательный уровень у азиатского населения (в ряде отношений он выше, чем у белого). С одной стороны, оно достаточно конформистское, но с другой – его исходная культура во многом принципиально отличается от протестантской. Поэтому рост численности азиатских общин также ведет к размыванию культуры, поскольку возникают анклавные сообщества такого населения.

Итак, весь прирост населения в США, по сути, обеспечивают расовые группы и меньшинства (за счет как естественного прироста, так и иммиграции)¹⁷, а численность белого населения практически не увеличивается.

Отсюда не за горами ситуация, когда страна может разделиться по расово-возрастному признаку: белое население будет преимущественно зрелого и пожилого возраста, а испаноязычное, азиатское и прочее – гораздо более молодым. Несложно представить характер будущих социальных конфликтов на этой почве: неясно, насколько данная более молодая группа будет способна обеспечить пенсии и медицинские услуги для белого пожилого населения и насколько она готова будет это сделать.

Следует еще учитывать, что граничащие с Мексикой южные штаты изначально населяли мексиканцы, которые в настоящий момент нередко рассматривают себя как коренных жителей, считая иногда эти штаты чем-то вроде Новой Мексики. Отсюда налицо рост самосознания латиноамериканского и испаноязычного населения, которого насчитывается порядка 60 млн человек (из общего населения почти в 330 млн человек). Как следствие, возрастает ориентация политиков на это население. Пока оно еще чувствует себя недостаточно уверенно, но постепенно эта уверенность крепнет.

Таким образом, американская нация становится не прочнее, а, напротив, более рыхлой, пропорции расово-этнического и языкового состава меняются с каждым годом не в пользу белого населения, впереди поляризация расовых противоречий, которая зримо выразится в возрастной структуре населения. Все это ведет к тому, что воспроизводство населения в плане уровня образования, культуры, владения английским языком, деловой этики и хватки, стремления к экономической независимости, законопослушности, гражданской позиции и прочего происходит в худших условиях. И хотя многие люди из расовых меньшинств

2015 г., доля детей, в семье которых говорят на иностранном языке, составила 23 % от общего числа учащихся. Для сравнения, в 1990 г. она не превышала 14 %, а в 1980-м – 9 %.

¹⁷ Число прибывших за год в США на постоянное место жительства достигает 1 млн человек, а в отдельные годы – даже более. Правда, политика Трампа в настоящий момент направлена на затруднение иммиграции.

стремятся к образованию и карьере, в целом (за частичным исключением азиатской диаспоры) остальные расовые меньшинства не способны заменить в полной мере выбывающие (в связи со старостью) когорты специалистов и бизнесменов. А именно люди определенного склада и мировоззрения и составляли главный капитал Америки в течение прошедших столетий. Здесь еще стоит иметь в виду особенности американской образовательной системы. Она не подчиняется одному центру, в США нет министерства образования. Образованием управляют на местном уровне. Это имеет и плюсы, и минусы. Поскольку школы содержатся на местные налоги, то чем беднее и ниже по культуре районы (а в целом белые сэттльменты имеют более высокий уровень доходов, чем небелые), тем ниже уровень образования. Этот порочный круг разорвать очень непросто. В итоге он усилит естественную сегрегацию населения по расовому признаку, противоречия между штатами (и внутри штатов), где преобладает белое и небелое население, также и в связи с тем, что численность населения одних штатов будет расти, а других – уменьшаться.

7. Слабость политической системы в условиях глобализации. Политическая система США создавалась для управления не слишком централизованной федерацией достаточно автономных штатов. При этом не предполагалось, что страна будет вести экспансионистскую внешнюю политику. Изоляционизм действительно был ведущей линией внешней политики США на протяжении длительного времени. И по сей день большинство населения традиционно мало интересуется внешними событиями, а средства коммуникации посвящают им относительно немного места.

До Гражданской войны страна не обладала сколько-нибудь серьезной армией. Рост экономического могущества США, вовлечение их в мировые войны, необходимость управлять побежденными и оккупированными странами и противостоять СССР, а также развитие налоговой системы и рост социальных программ – все это и многое другое вызвало к жизни невиданный по мощи ВПК и резко усилило роль и могущество государственной машины. Соединенные Штаты Америки фактически стали гигантской мировой империей, имеющей сотни военных баз по всему миру, в той или иной степени контролирующей десятки стран и ведущие мировые организации, держащей на «крючке» многие тысячи политиков и активистов, журналистов, бизнесменов и т. д. Однако их политическая система не перестроилась в достаточной степени (да и не могла перестроиться) под эти задачи. Не случайно Дж. Фридман в своей книге «Следующие 10 лет», посвященной прогнозу на 2011–2021 гг., назвал Америку «нечаянно возникшей империей» [Фридман 2010: гл. 1] и предсказал, что в это десятилетие США столкнутся с последствиями своего превращения в империю. Хотя многие предсказания этого политического аналитика не сбываются, однако проблемы он ставит глубокие и неординарные. Суть их в том, что Соединенные Штаты по факту являются империей, и управление этой империей – важнейшая задача, стоящая перед этой страной. Но их политическое устройство архаично и не предназначено для того, чтобы рационально управлять миром. В итоге «стремление США к мировому господству подрывает республику» [Там же: 10]. Фридман ставит важные вопросы: можно ли управление империей совместить с требованиями республики? Сможет ли сохраниться республика в условиях имперской ситуации? Сможет ли республика пережить ошибки управления империей? [Там же: 10–11].

Отсюда мы можем сделать вывод, что *Республика и демократия, лежащие в основе политической системы США, противоречат их имперской позиции. И это*

противоречие не поверхностно, а системно, Республика и демократические ценности будут все сильнее вступать в конфронтацию с Империей, а поскольку ни от Республики, ни от Империи Соединенные Штаты отказаться не смогут, все это будет очень сильно и неожиданно влиять на политические процессы в США и болезненно отражаться в мире.

С одной стороны, во внутренней политике президент «упирается» в созданную 250 лет назад систему сдержек и противовесов и конституцию, которую практически невозможно изменить, а также в особенности партийной системы. Но зато внешняя политика большей частью является прерогативой института президента. И, кроме этого института, почти нет законодательно оформленных правил, которые регулировали бы внешнюю политику. А ведь США претендуют на почти абсолютную власть в мире. В итоге управление Империей определяется пониманием президента, влиянием ВПК и лоббистов, а также различных секретных служб вроде ЦРУ и АНБ и, как уже сказано, в огромной степени зависит от внутреннего расклада политических сил на данный момент. Вот и получается, что с каждым новым президентом внешняя политика может меняться и, как показал пример Д. Трампа, меняться круто и даже непредсказуемо, а договоренности с другими странами – отбрасываться за ненадобностью. Дж. Фридман, который призывал усилить внешнее могущество США, тем не менее признавал, что в нынешней ситуации президент должен управлять американской империей так, чтобы скрывать от населения реальные направления американской гегемонии. Именно так поступает президент Трамп, оправдывая все свои внешнеполитические действия попытками решить внутренние проблемы и задачи. А в итоге хаос и напряженность в мировой системе нарастают.

Таким образом, налицо диспропорции между имперскими амбициями и обязательствами, с одной стороны, и уязвимостью способности выполнять эти обязательства вследствие особенностей политической системы и американской демократии – с другой.

Иными словами, гигантская власть США над миром и объективно вытекающая отсюда ответственность за мировой порядок вступает в жесткое противоречие с архаичной политической системой и фактической безответственностью политического американского истеблишмента, не просчитывающего последствия внешнеполитического курса, который опирается прежде всего на действия разведок и силу (политику, которую давно окрестили «политикой большой дубинки»), но не годится для рационального управления Империей.

Фридман полагал, что новые президенты усилят внешнеполитический аспект, но вышло как раз наоборот – приход к власти Трампа этот аспект ослабил¹⁸. С одной стороны, новый президент стал рассматривать союзников, партнеров, контрагентов США как вассалов, которые должны только платить, ничего не требовать и знать свое место. С другой – он резко принизил влияние даже тех мировых организаций, которые в известной мере институционально осуществляли контроль над многими странами, как то: ВТО, МВФ, частично ООН, а также сократил приток американской помощи НПО и государствам. Такой поворот очевидно наносит сильный удар по выстроенной системе глобального управления.

¹⁸ Создается впечатление, что Б. Обама пользовался рядом идей, которые излагает Дж. Фридман, в частности, в отношении ослабления связей с Израилем и налаживания диалога с Ираном. Однако Д. Трамп перекроил многое из внешней политики Обамы.

США очень часто сравнивают с Римской империей, но, видимо, корректнее говорить о сравнении с Римской республикой. Политическая система последней была создана для городской общины, а по факту она к I в. до н. э. захватила весь западный мир. Возникло разделение на архаичную республику и покоренную римлянами территорию, по факту – Империю. В итоге римский сенат оказался не способен эффективно управлять этой империей, поскольку в самом Риме борьба за власть приняла самые жесткие формы. Начались гражданские войны, которые закончились созданием ранней империи во главе с императором. Современная демократическая система США, где сенаторы ответственны перед своими избирателями и партиями, но не перед народами стран, в дела которых США вмешиваются, так же мало способна эффективно управлять мировой империей, как и Римская республика. Но и трансформироваться в реальную империю во главе с президентом-императором она не способна. Отсюда можно прогнозировать усиление кризиса в политической системе Америки, что будет болезненно и неожиданно отражаться на самых разных странах и мировых процессах. Дело в том, что если главный приз в политической борьбе лежит в рамках внутренней политики США (с учетом архаичности их выборной системы президента), то все внешнеполитические проблемы могут быть подчинены этой борьбе, а все союзнические и иные обязательства могут быть легко отброшены. Последнее, собственно, и подтвердил Д. Трамп, показав, что президент может пожертвовать многими имперскими интересами ради поддержания собственной популярности. Такой поворот, такой уход в изоляционизм может быть полезен политике, но так нельзя управлять империей.

Как сама необычная президентская кампания 2016 г., во время которой политическая машина США дала сбой, позволив прийти к власти человеку со стороны, так и резкие повороты внешней политики Трампа со всей очевидностью показывают, что *политическая система и политическая машина США являются наиболее устарелой и уязвимой частью системы*. И при этом, как показывает пример того же Трампа, изменить ее крайне сложно.

Как усугубить слабости?

Все описанные характеристики имеют тенденцию к усугублению, причем весьма заметную. В последние годы наблюдается зримый рост дефицита внешне-торгового баланса и бюджета, а также увеличение госдолга. Бурный подъем добычи сланцевых энергоносителей при Обаме уменьшил зависимость США от импорта нефти (что было одной из главных статей импорта). Однако то, что дефицит внешней торговли продолжает расти, свидетельствует о неспособности современной Америки жить по средствам. То же касается роста дефицита бюджета и национального долга. В последние годы президентства Б. Обамы он стал замедляться (оставаясь огромным), но при Д. Трампе эти тенденции вновь усилились. Таким образом, если два-три года назад общий объем «подкормки» США составлял 1 трлн долларов (примерно 500 млрд – дефицит внешней торговли и 500 млрд – дефицит бюджета), то сейчас он уже приближается к 1,5 трлн (примерно 600 млрд долларов – дефицит внешней торговли и 800 млрд – дефицит бюджета). Это составляет около 8 % от ВВП. Очень вероятно, что в ближайшие годы он достигнет 2 трлн (до 10 % ВВП). Фактически весь рост американской экономики после 2009 г. обеспечивался этими вливаниями, а также количественными смягчениями и подешевевшим кредитом.

Столь огромная сумма, требующаяся для сохранения на плаву американской экономики и общества, становится уже непосильной ни для Соединенных Штатов, ни для мира. Ведь эти деньги берутся не просто из воздуха, это долги, которые придется в той или иной форме отдавать будущим поколениям. Довольно долго часть этих экстрадоходов США обеспечивалась ростом развивающихся экономик, которым нужны рынки сбыта. Постоянный активный баланс торговых операций и огромные накопления долларовых резервов были в некотором роде их добровольной данью США. Но теперь Империи стало недостаточно добровольной дани. Она все чаще требует принудительных жертв (например, в виде уплаты торговых тарифов, увеличения военных расходов, идущих на закупку американского вооружения, штрафов, налагаемых на банки и корпорации, конфискаций вкладов и т. п.). А это снижает возможности роста экономик и ведет к обострению отношений в мире. Соединенные Штаты не желают признавать законные интересы своих торговых и иных партнеров и союзников, а также их корпораций, рассматривая все страны как в той или иной мере своих подданных и «данников».

Таким образом, рост потребности американского общества в дополнительных средствах наталкивается на ограничения и сопротивление; все это ведет к попыткам уйти от американской, в том числе долларовой, зависимости. А рост рисков каких-либо санкций или недружественных действий со стороны США может побудить те или иные страны выйти из американских облигаций или, по крайней мере, не увеличивать их число в портфелях, что может повлиять на доверие к ним и в целом к доллару¹⁹.

Сила американской финансовой системы, как уже было сказано, во многом держится на притоке капиталов, а это напрямую связано с доверием к доллару и ценным бумагам. Именно поэтому ослабление доллара, выгодное экспортерам, может спровоцировать проблемы.

При любом раскладе, однако, рост развивающихся экономик в дальнейшем будет в целом сильнее роста развитых экономик и США, тем более что число таких поднимающихся экономик увеличивается, а население в этих странах растет быстрее, чем в Соединенных Штатах, и оно заметно моложе стареющего американского. А это значит, что ослабление влияния американской экономики на мировую неизбежно. Ситуация в финансовой системе для США более благоприятна, но и с ней, как мы видели, далеко не все в порядке.

Все указанные слабости объективны, сделать с ними что-либо радикальное в плане положительном – трудно. С такими, как изменение расового и этнического состава, по-видимому, даже невозможно. А вот ухудшить ситуацию, усугубить их – вполне возможно. И думается, что Д. Трамп способен усугубить большинство из этих слабостей.

В частности, рост американской экономики в существенной мере связан с постоянным притоком рабочей силы в виде иммигрантов, включая и нелегальных (без которых определенные отрасли, особенно сельское хозяйство и садоводство, вряд ли смогут обойтись). Поэтому любые меры, которые усложняют иммиграцию в США – а именно такие меры активно применяет Трамп, включая активную депортацию нелегалов и попытки отменить для них меры защиты в ряде крупных

¹⁹ Как прекращение количественных смягчений, повышение учетных ставок, так и курс на уменьшение объема трейдерис на балансе ФРС связаны именно с тем, что американский регулятор опасается уменьшения доверия к этим бумагам и доллару. Но такой курс сталкивается с ростом дефицитов и долга, с агрессивным внешнеполитическим курсом.

американских городов (так называемые убежища), – будут негативно влиять и на рост американской экономики (в которой сегодня уже существует дефицит рабочей силы из-за старения населения).

Д. Трамп отказался подписывать соглашение о Транстихоокеанском партнерстве. Но оно формируется без США. Нынешний американский президент пытается подорвать устойчивость НАФТА, отказаться от правил ВТО и т. д. В итоге это значит, что роль США потенциально будет снижаться, а роль других стран – расти.

Трамп начал борьбу с дефицитом внешней торговли. Но, кроме усугубления ситуации, это вряд ли даст что-то серьезное экономике или бюджету США. «Обиженные» страны будут вводить пошлины на американские товары, а компании, которые это затронет, станут либо искать новые рынки сбыта вне США, либо повышать цены²⁰. Да, это может заменить часть китайских товаров на американском рынке на вьетнамские, бангладешские, лаосские и др., но не решит проблему дефицита торгового баланса, а в целом создаст дополнительные препятствия для роста экономики.

То же касается дефицита бюджета и роста национального долга, если усилятся попытки их снизить. Сохранить социальные расходы без постоянного роста долга невозможно, их сокращение ведет в потенции к серьезнейшему социальному кризису. Вот почему рост социальных проблем способен только усугубить все слабости, поскольку политическая борьба требует потакать избирателям, а не ужесточать социальную политику. Старение и болезни нельзя игнорировать ни одному политическому деятелю. Недаром социалистические лозунги становятся все популярнее в США. Нужно также учитывать особенности избирательной системы (президента) в Америке, где все голоса в отдельных штатах передаются победителю. В этом случае идет поляризация штатов (в частности, с преобладанием небелого и белого, иммигрантского и коренного населения и т. п.), что способно усугубить процесс дезинтеграции.

* * *

Таким образом, все указанные особенности и проблемы в перспективе будут только обостряться, а в связи со слабопредсказуемой политикой Трампа, которая резко усугубляет противоречия между США и множеством стран, включая их ведущих торгово-экономических партнеров, могут проявиться критически уже в обозримом будущем.

В ближайшие годы почти неизбежен экономический кризис в США, который резко усложнит все проблемы. Но даже без учета возможных экономических кризисов и рецессий в последующие двадцать лет Соединенные Штаты ждут весьма радикальные и в целом негативные изменения. Только новая технологическая революция (в ближайшие 7–10 лет) со стоящими во главе ее США могла бы переломить ситуацию, однако за это время полноценной технологической революции не случится, она произойдет существенно позже и вовсе не обязательно в США [см. подробнее: Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015]. Поэтому обострение экономических, политических и социальных проблем с большой долей вероятности при-

²⁰ Компания «Puma», треть производственных мощностей которой расположена в Китае, планирует, например, делать и то и другое [У Юнью 2018]. Этот же материал лишний раз доказывает, что перенос производств обратно в США выглядит утопией.

ведет к глубокому и системному кризису в Америке, кризису, который, конечно, заметно отразится на «самочувствии» всего мира, но в итоге ускорит процесс изменения политического и экономического порядка в мире.

Литература

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб. : Университетская книга, 2001.

Грей Д. Величие Америки рухнуло и раскололось на куски // ИноСМИ. 2008. 1 октября [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/world/20081001/244365.html>.

Гринин Л. Е. Глобализация и национальный суверенитет // История и современность. 2005. № 1. С. 6–31.

Гринин Л. Е. Приведет ли глобальный кризис к глобальным изменениям? // Век глобализации. 2009. № 2. С. 117–140.

Гринин Л. Е. Новый мировой порядок и эпоха глобализации. Ст. 1. Американская гегемония: апогей и ослабление. Что дальше? // Век глобализации. 2015. № 2. С. 2–17.

Гринин Л. Е. Мировой порядок, Арабская весна и наступающий период глобальной турбулентности // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна в глобальном контексте / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина. Волгоград : Учитель, 2016а. С. 191–239.

Гринин Л. Е. Мировой порядок в прошлом, настоящем и будущем // История и современность. 2016б. № 1. С. 20–63.

Гринин Л. Е., Гринин А. Л. От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (история технологий и описание их будущего). М. : Моск. ред. изд-ва «Учитель», 2015.

Закария Ф. Постамериканский мир будущего. М. : Европа, 2009.

Капхен Ч. Закат Америки. Уже скоро. М. : АСТ; Люкс, 2004.

Макаров Б. Здоровье нации: настоящее и будущее американской системы здравоохранения // ТАСС. 2017. 3 августа [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4459894>.

Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США. М. : Европа, 2009.

Ричардсон Дж. Очередные нападки на продуктовые карточки для малоимущих // ПолиСМИ. 2018. 28 апреля [Электронный ресурс]. URL: <http://polismi.ru/politika/obratnaya-storona-zemli/2026-ocherednye-napadki-na-produktovye-kartochki-dlya-maloimushchikh.html>

Роджерс А. Банкротство штата Иллинойс и его последствия // Новостной Фронт. 2017. 29 июня [Электронный ресурс]. URL: https://news-front.info/2017/06/29/aleksandr-rodzhers-bankrotstvo-shtata-illinojs-i-ego-posledstviya/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.ru%2f.

Тодд Э. После империи. Рах Americana – начало конца. М. : Международные отношения, 2004.

У Якунь. Рима обдумывает вывод производства из Китая, но не будет переносить его в США // ИноСМИ. 2018. 1 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/economic/20180501/242121484.html>.

Фридман Дж. Следующие 10 лет. М. : Эксмо, 2010.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ УСТОЙЧИВОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ*

Билюга С. Э.**

В современной политической теории понятие «политическая стабильность» не имеет определенно сложившегося унифицированного определения в связи с тем, что разные точки зрения зависят от различных факторов (начиная с анализа устойчивости и заканчивая многофакторностью представлений, наряду с изучением реакции системы на различного рода внутренние и внешние кризисы). В данной статье сделана попытка обозначить некоторые рамки этого понятия путем анализа и систематического описания основных подходов к данному определению.

Ключевые слова: политическая стабильность, стабилизация, устойчивость, социально-политическая стабильность, система, политическая система.

In modern political theory, the concept of political stability is definitely not existing uniform definitions due to the fact that different points of view depending on various factors (starting with an analysis of the stability and ending multifactor representations together with the study of the system response to various types of internal and external crises). This paper attempts to identify some of the scope of this concept through the analysis and systematic description of the basic approaches to this definition.

Keywords: political stability, stabilization, resistance, social and political stability, system, political system.

В политической теории принято считать, что в качестве основы для создания системной теории послужила кибернетика – наука об исследовании систем, которые «представляют собой множество взаимосвязанных элементов, способных воспринимать, запоминать, перерабатывать информацию, а также обмениваться ею» [Мельвиль и др. 2008: 101].

Под «системой» понимают сложноорганизованную целостность (в греческом языке – «соединенное в одно целое») элементов, например, Солнечную систему (совокупность небесных тел), философскую систему (совокупность идей) и т. д.

Наиболее удачное определение было сформулировано родоначальником общей теории систем *Людвигом фон Берталанфи*, который определил ее как «*сочетание элементов во взаимосвязи*», причем это сочетание порождает новое каче-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект «Математическое моделирование дестабилизации социально-политических систем в условиях глобализации» № 15-06-03655).

** Билюга Станислав Эдуардович – аспирант факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, младший научный сотрудник Центра долгосрочного прогнозирования и стратегического планирования при ФГП МГУ, младший научный сотрудник Научно-учебной лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации НИУ ВШЭ. E-mail: sbilyuga@gmail.com.

ство. Отсюда можно сделать вывод, что система не может быть замещена суммой или перестановкой своих элементов.

Понятия из общей теории систем стали использоваться в политической науке с 1950-х гг. в работах *Т. Парсонса*, *Д. Истона*, *Г. Алмонда* и ряда других ученых.

Впервые системный подход к изучению политики применил *Т. Парсонс*. Основываясь на методологии Берталанфи, он рассмотрел общество в качестве сложной системы, состоящей из нескольких частей: экономической, политической, духовной и интегративной (термин, обозначающий государство).

Приложение системного подхода к политике продолжил *Д. Истон*. В отличие от стремления *Т. Парсонса* создать комплексную теорию социального действия, анализ *Истона* был сфокусирован на изучении политической системы [Easton 1953; 1965].

По его мнению, политическая система – совокупность взаимодействий, посредством которых ценности властвующим способом передаются в общество; именно этим политическая система отличается от других взаимодействующих с ней систем.

Другая интерпретация систем в рамках структурно-функционального подхода была предложена американским политологом *Г. Алмондом* [Almond 1956; 1960; 1966a; 1966b; Comparative... 1996].

Политическая система, по мнению *Алмонда*, это различные формы поведения государственных и негосударственных структур, обусловленных природой их взаимодействия в политике.

В качестве последнего родоначальника теории политической системы следует упомянуть *К. Дойча*, который известен своей «информационно-кибернетической моделью» [Deutsch 1953; 1963; 1974]. В своем главном труде [*Idem* 1974] он определяет политическую систему как сеть коммуникаций и информационных потоков между системой и средой.

Согласно *А. Ю. Мельвилю* [Мельвиль и др. 2008: 116–117], до середины 1970-х гг. в советской науке аналогом термина «политическая система» служило понятие политической организации общества. «При этом политическую систему видели как совокупность институтов и организаций (государство, партии и т. д.), а за ее пределами оставался значительный спектр неинституционализированных взаимодействий и отношений по поводу политики, властного распределения ресурсов, который складывается в каждом обществе. С начала 1980-х гг. термин политическая система стал шире употребляться в отечественной научной литературе, хотя спор о том, является ли политическая организация частью политической системы общества или же, напротив, последняя выступает сегментом данной организации, продолжался до недавнего времени».

В конце 1990-х гг. политическую систему считали «целостной, упорядоченной совокупностью политических институтов, политических ролей, отношений, процессов, принципов политической организации общества».

Подводя итог рассмотренным теориям, под политической системой можно подразумевать целостную и динамичную совокупность однотипных, дополняющих друг друга ролей, отношений и институтов власти, взаимодействующих на основе единых норм и ценностей, задаваемых интересами доминирующих в обществе социальных групп и позволяющих последним реализовывать свои цели и намерения.

Таким образом, под социально-политическими системами в силу отсутствия определения мы будем понимать взаимодействие институтов власти с обществом в различных формах политического режима.

Одним из главных условий существования социально-политической системы является сохранение ее устойчивости или стабильности.

В современной политической теории понятие «политическая стабильность», как и понятие «политическая устойчивость», только начинает складываться, о чем свидетельствуют многочисленные работы [Hurwitz 1973; Батраева 2012; Бондаренко, Ефанова 2012; Колесников 2010; Логинов 2008а; Макарычев 1998; Семченко 2015; Семченков 2007; Семченков и др. 2013].

В данной ситуации возникает необходимость в систематическом анализе существующих подходов к определению «политическая стабильность» на предмет выявления существенных различий в трактовках исследователей, чтобы понять, с помощью каких инструментов предлагается добиваться устойчивого или неустойчивого состояния государства как основного политического института.

Прежде всего необходимо привести трактовку с латинского языка смежного понятия «стабилизация» (от лат. *stabilitis*), под которым понимается «упрочение, приведение в постоянное устойчивое состояние или поддержание этого состояния, например обеспечение постоянства каких-либо процессов» [БСЭ 1976]. В этой связи под стабильностью понимают следующее, вытекающее из вышеописанного определение: «устойчивое развитие общества, равновесное состояние его систем (экономической, политической, социальной, культурной) и равновесие внутри каждой из них» [Основы... 2001: 4].

Однако более традиционное и вместе с тем обобщенное определение стабильности принадлежит крупнейшему американскому теоретику-структуралисту, политологу К. Уолтцу: «Стабильность – это состояние, при котором система просто способна продолжать свое существование, не разрушаясь» [Waltz 1979: 174].

Как видно из приведенных выше примеров, несмотря на наличие общих определений в политической теории, они не имеют понятного сущностного содержания «стабильности», тем самым открывая неизученные области для теоретиков в данной сфере.

Некоторые ученые в рамках институционального и неинституционального подходов связывают стабильность с понятием государства [Cohen *et al.* 1972; March, Olsen 1983; 2006], которое представляет собой универсальный политический институт. В качестве цели такого института выступает сохранение власти правящего режима, независимости и территориальной целостности страны.

Развивая этот тезис, Л. Н. Тимофеева приходит к выводу, что под политической стабильностью следует понимать «состояние политической жизни общества, проявляющееся в устойчивом функционировании всех имеющихся в обществе политических институтов, связанное с сохранением и совершенствованием структур, с устойчивым уровнем поддержки властных институтов со стороны общества» [Тимофеева 2008: 20].

Фактически не разделяют понятие «стабильность» и «устойчивость» в политической сфере А. С. Семченков [2007], А. В. Кругов [2000: 22–23], А. С. Макарычев [1998], Н. Н. Лапин [2007] и др. Под политической стабильностью в данных работах понимается «многомерное явление, характеризующее устойчивость функционирования политической системы общества к разнообразным опасностям

и угрозам» [Семченков 2007: 31]. При этом А. С. Семченков выделяет несколько характерных условий для обеспечения политической стабильности/устойчивости, например, «поддержка обществом целей проводимого политического курса, поддержка проводимой политики со стороны основных политических групп, основанная на балансе государственных и частных интересов, наличии общего интереса для сотрудничества и на реальной выгоде от его результатов, способность административного аппарата управления выполнить поставленные политические задачи» [Там же: 34–35] и «способность государства защитить основы конституционного строя от такой угрозы, как политический экстремизм» [Там же: 37].

Тем не менее существует отдельное направление политической мысли, которое различает устойчивость и стабильность в политике [Политический... 1995: 146]. Стабильность относят к ситуативным и оперативным характеристикам политической динамики, а устойчивость – к стратегическим, историческим ее изменениям. Развивая это направление, К. И. Бабошин предполагает, что стабильность в той или иной стране можно обеспечить за счет достижения тактических и временных соглашений между основными политическими силами, однако при такой ситуации о стратегической устойчивости речь может вовсе не идти [Бабошин 2005: 16].

Отдельную попытку определить разницу между двумя понятиями предпринимает В. Н. Колесников. Под политической стабильностью он понимает «состояние политической динамики, при котором достигнуто временное равновесие (или баланс) сил основных политических акторов, после которого возможна и последующая дестабилизация, нарушение данного баланса», в то время как социально-политическая устойчивость является для него «спецификой социально-политической динамики, когда возникновение политического кризиса, т. е. ослабления или потери равновесия между политическими акторами, сопровождающегося снижением уровня или даже утратой управляемости страной со стороны государственных властных институтов, невозможно» [Колесников 2010: 10].

На следующем этапе исследователи пытаются построить определение политической стабильности с помощью выявления зависимостей от каких-то конкретных факторов, которые, по их мнению, являются ключевыми.

Одной из самых распространенных концепций на данном этапе является описание политической стабильности как ситуации, при которой отсутствуют очаги внутренних конфликтных ситуаций, а также отсутствует агрессивное насильственное поведение в обществе при смене власти. Такое стабильное государственное устройство рассматривается в качестве мирного, законопослушного общества, где процесс принятия решений и политико-экономико-социальные изменения являются результатом институционализированных процедур, а не результатом решенных вопросов и проблем путем применения насилия.

При всем многообразии подходов данной концепции К. Иво и Р. Л. Фейерабэнд придерживаются следующего определения политической стабильности/нестабильности, а именно: «...степень или количество агрессии, направленной отдельными лицами или группами в рамках политической системы против других групп или против комплекса чиновников государственного аппарата... [а также] количество агрессии, направленной на чиновников государственного аппарата против других лиц и группы» [Feierabend I. K., Feierabend R. L. 1966].

Согласно второй точке зрения на проблему нелегитимного насилия, политическая стабильность понимается как отсутствие в обществе очагов внутренних конфликтных ситуаций и реальных угроз нелегитимного насилия, а также обладание ресурсами, способными нейтрализовать насильственные угрозы текущей политической системе при возникновении кризисных ситуаций.

Ключевыми представителями данного подхода являются Ф. Били [Bealey 1987], К. Даудинг и Р. Кимбер [Dowding, Kimber 1983]. Обобщая их взгляды, можно сделать вывод, что политическая стабильность синонимична способности государства/политического организма к самосохранению при реальной угрозе устранения общественной системы.

Второй по степени распространенности концепцией является тезис о том, что политическую стабильность следует приравнять к продолжительности власти правительственного кабинета [Banks, Textor 1963; Goldberg 1968; Russett *et al.* 1964; Zimmermann 1987]. Так, предполагается, что страна А считается более стабильной, чем страна В, если первая имеет государственную администрацию, которая остается в офисе в среднем в течение более длительного промежутка времени, чем у второй. В качестве доказательства данной гипотезы обычно рассматривают случаи с итальянскими, финскими и французскими правительствами (особенно для Четвертой республики) [Hurwitz 1973]. Однако продолжительность можно рассмотреть и как статическое сопротивление изменениям, которые, с другой точки зрения, вовсе представляют собой антитезу стабильности. В данном случае необходимо отметить, что продолжительность пребывания в должности является одним из основных наиболее легко понимаемых и количественно оцениваемых видов политической стабильности, что, в принципе, в какой-то степени нивелирует скепсис относительно данной точки зрения.

Проверяя эту гипотезу, Б. Рассетт приходит к заключению, что каждое изменение главы исполнительной власти интерпретируется как свидетельство нестабильности [Russett 1977]. А. С. Голдберг представляет пример математического подхода к политической стабильности через призму правительственного долголетия [Goldberg 1968].

Кроме того, в вышеприведенных работах предпринимается попытка выявления основных закономерностей для достижения стабильности в рамках данного подхода.

От тезиса о продолжительности правящего режима политологи перешли к рассмотрению политической стабильности как отсутствия структурных изменений [Ake 1967; Venne, Virnbaum 1973]. Система при таком подходе оказывается «стабильной», если она в состоянии избежать изменений в своей основной структурной конфигурации на протяжении многих лет.

Тем не менее данный подход также не лишен критических точек зрения, связанных, во-первых, с номинальными различиями между странами и, во-вторых, с трактовкой «структурных изменений» (например, переход Франции от Четвертой к Пятой республике или Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии).

Следующей часто встречающейся концепцией является рассмотрение политической стабильности через призму существования легитимного конституционного порядка. Согласно этой точке зрения, «законность» помогает определить само понятие стабильности и не следует рассматривать его как следствие или ре-

зультат стабильной системы. Такой подход рассматривает стабильность не только как отсутствие негативных явлений, но и как наличие положительной поддержки и принятия [Green 1985; Lipset, Man 1960; Needler 1968].

Процесс стабилизации жестко определяется фактором легитимности [Макарычев 1998]. В данном случае на первый план выходит стремление поддержать сложившийся порядок, ограждая общество от возможных войн, конфликтов и революций.

Постепенно категория «легитимность» переходит в категорию «порядок». Под политическим порядком понимаются «организованность (упорядоченность и согласованность), функциональность и устойчивость (стабильность) политических отношений. Порядок проявляется в легитимности и определенности направлений деятельности властных структур, в постоянстве нормативов, привычности типов поведения» [Белов 1999: 247].

На следующем этапе развития данного подхода политологи переходят от порядка к поддержке населением данной политической системы [Searing 1986; Постникова 1996: 49; Яценко 1999] и ее ценностей [Chong *et al.* 1983]. Так, недовольство масс политикой правящих властей может выразиться в форме системного кризиса во всех сферах общественной деятельности. На следующем этапе такое недовольство перерастает в противоречия между народом и властью, которые в свою очередь становятся основой нестабильности. В итоге кризис может привести к окончательной смене власти в политической системе [Бабошин 2005: 8].

Одним из путей по преодолению такого типа политической нестабильности могут послужить «согласования интересов основных социальных групп, субъектов политики, своевременным разрешением и профилактикой проблем и конфликтов, консолидацией общества, всех политических сил, социальных групп и классов на основе признанной народом цели» [Ключина 2000: 19; Searing 1986; Зелетдинова 2013: 11].

Стоит отметить, что в зависимости от того или иного типа режима набор характеристик по обеспечению политической стабильности будет различаться, на что ссылаются некоторые исследователи [Lipset 1960; Ключина 2000; Савин 2003; Сокольский 1991]. Стабильность при таком рассмотрении обеспечивается диаметрально противоположными средствами: если для демократии одними из факторов могут быть высокая мобильность населения, открытая конкуренция, демократические принципы выборности власти, разделение властей и т. д., то для авторитарного режима – это репрессии, принуждение, абсолютная власть одного органа и т. д.

Из рассмотрения различных факторов для разных типов режима следует, что политическая стабильность может быть утеряна при переходах, например, от демократического режима к авторитарному (примером может послужить Египет в период правления «Братьев-мусульман» и др.) или наоборот (тот же Египет, только под руководством Х. Мубарака). Отсюда можно сделать вывод, что представители правящей группы того или иного типа режима со временем могут терять способность эффективно управлять государством либо старая система управления перестает быть в достаточной степени продуктивной. В таких случаях демократиям в начале 2000-х гг. был свойственен процесс демократических выборов, а автократиям в большинстве случаев угрожал процесс социальных пертурбаций при неспособности властей адекватно отреагировать на социальные волнения.

Таким образом, на основе вышеописанного можно выделить циклический процесс смены стадий политической стабильности, о чем свидетельствует целый ряд работ [Арон 1993; Банс 1993; Моска 1994], основную мысль которых можно свести к следующему: первому этапу цикла характерно достижение равновесия, на втором происходит дестабилизация, на третьем – теряется равновесие, на последнем – достигается новое равновесие.

Ряд исследователей политической мысли в силу многофакторности подходов к анализу политической стабильности выделяют группы социально-экономических показателей/переменных/критериев, которые, согласно этим ученым, могут так или иначе оказать существенное влияние на процессы потери социально-политической стабильности. Необходимо отметить, что некоторые показатели/переменные/критерии угрозы потери политической стабильности можно использовать в качестве системы мониторинга дестабилизации, варьируя интервальные значения на предмет поиска критичности системы [Duff, McCamant 1968; Ersson, Lane 1983; Анохин 1996; Логинов 2008б; Макарычев 1998; Основы... 2001; Савин 2003; Сокольский 1991; Старцев 2010].

В качестве последнего направления стоит выделить анализ политической стабильности через способность реагировать на внутренние и внешние изменения системы [Almond 1966a; 1966b; 1974; 1975; Easton 1953; 1965; 1990; 1991; Easton *et al.* 1995; Parsons 1966; 1969; 1977a; 1977b; Бондырева, Колесов 2009; Ивлев 1999; Логинов 2008б; Медведев 2003]. Так, например, Т. Парсонс, изучая вопросы стабильности социальных систем, полагал, что «система стабильна или находится в относительном равновесии, если отношение между ее структурой и процессами, происходящими внутри нее, и между ней и ее окружением таково, что свойство и отношения, названные нами структурой, оказываются неизменными» [Парсонс 1996: 465].

В открытых системах поддержание устойчивого равновесного состояния зависит от адаптации механизмов системы как к экзогенным (вызванным внешними причинами), так и эндогенным (вызываемым внутренними причинами) реакциям внешней среды. Устойчивость таких систем может зависеть от адаптации системы к новым реалиям, изменениям внешней среды, повышая или понижая пороги синхронизации между акторами в системе.

В заключение необходимо подытожить, что единого унифицированного понятия «политическая стабильность» в политических науках не существует: разные точки зрения зависят от различных факторов (будь то роль государства; схожесть/разница между устойчивостью и стабильностью в политике; отсутствие агрессии и конфликтных ситуаций; продолжительность власти правительственного кабинета; отсутствие структурных изменений; легитимный конституционный порядок; поддержка населением политической системы и ее ценностей; многофакторность социально-экономических показателей или способность реагировать на внутренние и внешние изменения системы).

В этой связи можно остановиться на разносторонней позиции А. А. Жирикова, который приводит целый набор определений политической стабильности, в частности такое: «...система связей между различными политическими субъектами, характеризующаяся определенной целостностью и эффективностью функционирования; упорядоченными процессами в политике, противоречивость и конфликтность которых регулируются с помощью политических институтов

и процессов; согласием основных социально-политических сил по поводу целей и методов общественного развития; состоянием политической жизни общества, проявляющимся в устойчивом функционировании всех имеющихся в обществе политических институтов, связанных с сохранением и совершенствованием структур, с их качественной определенностью; состоянием стабильности государства» [Жириков 1996: 7], или на емкой содержательной трактовке А. С. Семченкова: «...система мер и действий государственных органов, органов местного самоуправления и общественных организаций, направленная на обеспечение легитимности власти, сохранение внутреннего гражданского, межнационального и межконфессионального мира, территориальной целостности и защиту суверенитета на уровне регионов и в масштабе всей страны от внешних, внутренних и трансграничных угроз» [Семченков 2012: 30].

Литература

Анохин М. Г. Политические системы: адаптация, динамика, устойчивость. Теоретико-прикладной аспект. М. : Информат, 1996.

Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М. : Прогресс, 1993.

Бабошин К. И. Социально-политическая стабильность в современной России: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2005.

Банс Б. В. Элементы неопределенности в переходный период // Полис. Политические исследования. 1993. Т. 1. № 1. С. 44–48.

Батраева О. Б. Политическая стабильность как проблема современной российской модернизации // Вестник Поволжского института управления. 2012. № 1. С. 49–53.

Белов Г. А. Власть и человек. Политология: курс лекций. М., 1999.

Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. Т. 24 / под ред. А. М. Прохорова. 3-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1976.

Бондаренко В. Ф., Ефанова Е. В. Политическая стабильность в современной России: факторы, уровни, противоречия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 4–2. С. 37–40.

Бондырева С. К., Колесов Д. В. Традиции: стабильность и преемственность в жизни общества. М. : МОДЭК, МПСИ, 2009.

Жириков А. А. Политическая стабильность российского государства (Этнополитический анализ). М. : Ин-т массовых коммуникаций, 1996.

Зелетдинова Э. Оппозиция и стабильность политического процесса в России // Власть. 2013. № 11. С. 11.

Ивлев С. В. Общественная стабильность и политические условия ее достижения: дис. ... канд. полит. наук. М., 1999.

Клюшина Е. В. Политическая стабильность постсоветской России: основания, возможности, решения: дис. ... канд. социол. наук. Казань, 2000.

Колесников В. Н. Парламентаризм и политическая стабильность в современной России. СПб. : Гердо, 2010.

Кругов А. В. Взаимодействие гражданского общества и государства как фактор политической стабилизации российского общества: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2000.

Лапин Н. Н. Тревожная стабилизация // *Общественные науки и современность*. 2007. № 6. С. 39–53.

Логинов А. В. Социальная политика государства как механизм обеспечения и поддержания политической стабильности // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2008а. № 1. С. 82–88.

Логинов А. В. Стабильность политической системы и факторы, ее определяющие // *Гуманитарий*. 2008б. № 7. С. 50–55.

Макарычев А. С. Стабильность и нестабильность при демократии: методологические подходы и оценки // *Полис*. 1998. № 1. С. 147–159.

Медведев И. Г. Политическая стабильность как фактор национальной безопасности России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Кемерово : Кемер. гос. ун-т, 2003.

Мельвиль А. Ю., Алексеева Т. А., Боришполец К. П. Политология: учебник. М. : МГИМО (У) МИД России; ТК Велби; Проспект, 2008.

Моска Г. Правящий класс // *Социологические исследования*. 1994. № 12. С. 97–117.

Основы стабильности общества: теория и практика / под общ. ред. Я. А. Пляйса, Г. В. Полуниной. М. : ФА, 2001.

Парсонс Т. Функциональная теория изменения. Американская социологическая мысль: Тексты / под ред. В. И. Добренкова. М. : Изд-во МГУ, 1996.

Политический словарь / под ред. В. Халипова. М. : Высшая школа, 1995.

Постникова Л. Политическая стабильность: взгляд на современность. М., 1996.

Савин С. Д. Политическая стабильность в изменяющемся обществе: дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2003.

Семченко О. Р. Политическая стабильность: сущность, понятие, информационные механизмы // *Вопросы управления*. 2015. № 1(13). С. 53–59.

Семченков А. С. Управление внутригосударственными конфликтами и обеспечение политической стабильности в России. М. : Социально-политическая мысль, 2007.

Семченков А. С. Противодействие современным угрозам политической стабильности в системе обеспечения национальной безопасности России. М. : МГУ имени М. В. Ломоносова, 2012.

Семченков А. С., Албаков М. М., Андреев А. В. Обеспечение политической стабильности России: современные проблемы и пути их решения: монография. М. : МАКС Пресс, 2013.

Сокольский С. О. Политическая стабильность системы // *Мировая экономика и международные отношения*. 1991. № 5. С. 72–77.

Старцев А. В. Стабильность в современной России: состояние и факторы динамики // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация»*. 2010. № 1. С. 166–168.

Тимофеева Л. Н. Политический конфликт: лекция. М., 2008.

Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб. : Лань, 1999.

Ake C. *A Theory of Political Integration*. Homewood, Ill. : Dorsey Press, 1967.

Almond G. *Comparative Political Systems* // *Journal of Politics*. 1956. No. 18.

Almond G. *Introduction: A Functional Approach to Comparative Politics. The Politics of Developing Areas* / Ed. by G. Almond, J. Coleman. Princeton, 1960.

Almond G. *Comparative Politics: A Developmental Approach*. New York : Little, Brown, 1966a.

Almond G. *Political Theory and Political Science // American Political Science Review*. 1966b. No. 60(4). Pp. 869–879.

Almond G. *Comparative Politics Today: A World View*. New York : Little, Brown, 1974.

Almond G. *Crisis, Choice, and Change: Historical Studies of Political Development*. New York : Little, Brown, 1975.

Banks A. S., Textor R. B. *A Cross-Polity Survey*. Cambridge : MIT Press, 1963.

Bealey F. *Stability and Crisis: Fears About Threats to Democracy // European Journal of Political Research*. 1987. Vol. 15. No. 6. Pp. 687–715.

Benne K., Birnbaum M. *Principles of Changing. The Planning of Change*. London; New York; Sydney; Toronto, 1973. Pp. 330–334.

Chong D., McClosky H., Zaller J. *Patterns of Support for Democratic and Capitalist Values in the United States // British Journal of Political Science*. 1983. Vol. 13. No. 4. Pp. 401–440.

Cohen M. D., March J. G., Olsen J. P. *A Garbage Can Model of Organizational Choice // Administrative Science Quarterly*. 1972. Vol. 17. Pp. 1–25.

Comparative Politics Today: A World View / Ed. by G. Almond, G. Powell. New York, 1996.

Deutsch K. *Nationalism and Social Communication*. New York : R. Emerson, From Empire to Nation, 1953.

Deutsch K. *The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control*. New York, 1963.

Deutsch K. *Politics and Government: How People Decide Their Fate*. Atlanta, 1974.

Dowding K. M., Kimber R. *The Meaning and Use of 'Political Stability' // European Journal of Political Research*. 1983. Vol. 11. No. 3. Pp. 229–243.

Duff E. A., McCamant J. F. *Measuring Social and Political Requirements for System Stability in Latin America // American Political Science Review*. 1968. Vol. 62. No. 4. Pp. 1125–1143.

Easton D. *The Political System. An Inquiry into the State of Political Science*. New York : Knopf, 1953.

Easton D. *A Systems Analysis of Political Life*. New York : Wiley, 1965.

Easton D. *The Analysis of Political Structure*. New York : Routledge, 1990.

Easton D. *The Development of Political Science: A Comparative Survey*. New York : Routledge, 1991.

Easton D., Gunnell J. G., Stein M. B. *Regime and Discipline: Democracy and the Development of Political Science*. Ann Arbor : University of Michigan Press, 1995.

Ersson S., Lane J. E. *Political Stability in European Democracies // European Journal of Political Research*. 1983. Vol. 11. No. 3. Pp. 245–264.

Feierabend I. K., Feierabend R. L. *Aggressive Behaviors within Polities, 1948–1962: a Cross-National Study // Journal of Conflict Resolution*. 1966. Pp. 249–271.

Goldberg A. S. *A Theoretical Approach to Political Stability*. 64th Annual Meeting of the American Political Science Association. Washington, DC, 1968.

Green L. Support for the System // *British Journal of Political Science*. 1985. Vol. 15. P. 2.

Hurwitz L. Contemporary Approaches to Political Stability // *Comparative Politics*. 1973. Vol. 5. No. 3. Pp. 449–463.

Lipset S. M. *Political Man: The Social Bases of Politics*. New York : Anchor Books, 1960.

Lipset S. M., Man P. *The Social Bases of Politics*. Baltimore : The Johns Hopkins University Press, 1960.

March J. G., Olsen J. P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // *American Political Science Review*. 1983. Vol. 78. No. 3. Pp. 734–749.

March J. G., Olsen J. P. Elaborating the “New Institutionalism” // *The Oxford Handbook of Political Institutions*. 2006. Vol. 5. Pp. 3–20.

Needler M. C. Political Development and Socioeconomic Development: the Case of Latin America // *American Political Science Review*. 1968. Vol. 62. No. 3. Pp. 889–897.

Parsons N. *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*. New Jersey : Prentice Hall, 1966.

Parsons T. *Politics and Social Structure*. New York : Free Press, 1969.

Parsons T. *Social Systems and the Evolution of Action Theory*. Wales : Dorsey Press, 1977a.

Parsons T. *The Evolution of Societies*. New Jersey : Prentice Hall, 1977b.

Russett B. M. *et al.* *World Handbook of Political and Social Indicators*. New Haven : Yale University Press, 1964.

Russett B. M. *World Handbook of Political and Social Indicators*. Westport : Greenwood Pub Group, 1977.

Searing D. D. A Theory of Political Socialization: Institutional Support and Deradicalization in Britain // *British Journal of Political Science*. 1986. Vol. 16. No. 3. Pp. 341–376.

Waltz K. N. *Theory of International Politics*. Reading : Addison-Wesley, 1979.

Zimmermann E. Government Stability in Six European Countries During the World Economic Crisis of the 1930s: Some Preliminary Considerations // *European Journal of Political Research*. 1987. Vol. 15. Vol. 1. Pp. 23–52.

ИГРОВАЯ ГЕОПОЛИТИКА: «УПРАВЛЕНИЕ ХАОСОМ» ВЕЛИКОЙ ШАХМАТНОЙ ДОСКИ ПРОТИВ «ПОСТРОЕНИЯ ПОРЯДКА» ВЕЛИКОЙ ДОСКИ ВЭЙЦИ

Кочеров О. С.*

В статье анализируются концептуальные различия в стратегических культурах Китая и США при помощи игр в шахматы и вэйци, рассматриваемых в качестве аналоговых моделей геополитических воззрений той цивилизации, в рамках которой они функционируют. Выделяются различия в следующих параметрах игровой стратегической традиции: воспринимаемый характер антагонизма, относительность выигрыша, представление о границах, специфика тактики окружения, понятие контроля над территорией. Проводится анализ подходов США и КНР к корейской дилемме сквозь призму статус-кво положений «цугцванг» и «гунхо». Делается вывод о потенциальной пользе применения стратегии вэйци в мировой политике как для расширения возможностей акторов, так и для оздоровления международных отношений и отхода от ментальности игр с нулевой суммой.

Ключевые слова: геополитика, вэйци, шахматы, стратегическая культура, аналоговая модель, антагонистическая игра, корейская дилемма.

The article analyzes conceptual differences in Chinese and American strategic cultures on the basis of games of weiqi and chess, viewed as analogical models of geopolitical worldviews found in corresponding civilizations. The following aspects of the said strategic game traditions are taken into consideration: the perceived nature of antagonism, the relativeness of victory, the notion of boundaries, particularities of encirclement tactics, and the idea of territorial control. The article researches into American and Chinese approaches to the Korean dilemma through the lens of status-quo game patterns of zugzwang and gonghuo. The author concludes that application of weiqi strategy to world politics will be beneficial for diversification of political actors' capabilities, as well as for invigoration of international relations and abandonment of zero-sum thinking.

Keywords: geopolitics, weiqi, chess, strategic culture, analogical model, antagonistic game, Korean dilemma.

Введение

Игры имеют важнейшее значение в человеческой культуре. Как отмечал философ Й. Хейзинга, «культура возникает в форме игры, культура изначально разыгрывается» [Хейзинга 2011: 80]. Игра служит и для осознания окружающего мира, его структурирования и упорядочивания, и для кристаллизации социальных отношений в порождающей культуре, и для передачи тех или иных смыслов и ценностей. Согласно Р. Кайуа, «игра, которую почитает тот или иной народ, может одновременно служить для определения некоторых его моральных или ин-

* Кочеров Олег Сергеевич – аспирант, м. н. с. Института философии РАН. E-mail: netherdead@yandex.ru.

теллектуальных черт» [Кайуа 2007: 103]. Игры, которые перестают служить нуждам общества, отвечать его духовным запросам и моральным ориентирам, исчезают (как произошло, например, со скандинавской настольной игрой хнефатафл, вытесненной шахматами). Игры могут переходить и в другие культуры, при этом адаптируясь к их ценностям и соответствующим образом видоизменяясь.

Если игры несут в себе наиважнейшие смыслы, то они свидетельствуют и о социальных и геополитических представлениях той культуры, в которой они существуют. Игровая метафора становится весьма плодотворным инструментом для толкования тех или иных идей: уже Платон [2015: 141] и Аристотель [1983: 378] упоминают древнегреческую игру «полис» в своих ключевых политических произведениях. В XX в. к играм обращаются теоретики международных отношений. Так, Р. Арон сравнивает международные отношения с футболом и борьбой без правил [Цыганков 2003: 22], в то время как А. Волферс говорит о взаимодействии государств как о столкновении шаров на бильярдном столе [Wolfers 1962: 19]. Игровая метафора не только придает тексту большую образность, но и приводит к рассмотрению политической сферы сквозь призму игрового бытия с его смыслами и ценностями, что, в свою очередь, означает конкретное «игровое» восприятие политики. Крайне вероятно, что игры составляют значительный пласт стратегической культуры тех или иных цивилизаций и под влиянием «игровой стратегии» принимаются важные политические решения. В связи с этим представляется целесообразным проанализировать то, насколько стратегическое содержание тех или иных игр соотносится со стратегиями и действиями соответствующих акторов на международной арене, и изучить, насколько отличия игр разных цивилизаций влияют на различия в их стратегических культурах. В настоящей статье предпринята попытка такого анализа на примере двух игр: шахмат как важной части западной (конкретно – американской) стратегической культуры и китайской игры вэйци. Актуальность данного подхода обусловлена, с одной стороны, критическим переосмыслением международных отношений в постбиполярном мире и поиском новых форматов международных взаимодействий, становлением китайской школы геополитики и международных отношений при все более значимой роли Китая на политической арене и, с другой стороны, общей тенденцией к игрофикации социальных процессов.

Методологические основания работы

Работа выполнена в русле заложенного в рамках конструктивизма подхода к международным отношениям, который постулирует влияние культуры на поведение политических акторов.

Под стратегической культурой понимается, вслед за К. Греем, некий «источник влияния», который воздействует на принимаемые решения, но не обязательно определяет его [Gray 1999: 50]. При этом, как отмечает Дж. Линн, практически во всех культурах существует несколько стратегических дискурсов или парадигм, способных оказывать влияние на принимаемые решения, что обусловлено обратным воздействием реалий на культуру [Lynn 2004: 360]. В американском стратегическом дискурсе К. Даек выделяет 4 таких дискурса, или «субкультуры»: интернационалисты, националисты, прогрессисты и реалисты [Duesck 2006: 21]. В свою очередь, А. Джонстон заявил, что в китайской стратегии взаимодействуют две традиции: конфуцианская парадигма, отдающая предпочтение ненасильственным методам, и реалистская парадигма, к которой, по мнению исследовате-

ля, Китай обращается чаще [Johnston 1995]. Можно предположить, что разные традиционные для той или иной цивилизации игры оказывают влияние на различные традиции в рамках стратегической культуры.

Выбор игр для анализа обусловлен следующими соображениями:

1. Для анализа геостратегической культуры наиболее предпочтительны игры с игровым полем, поскольку в них заключены определенные культурные представления о пространстве и манипуляциях с ним. Такие игры, как, например, мацзян и покер, также могут содержать в себе определенную информацию о стратегических предпочтениях Китая и США, но вряд ли сообщают что-либо о геополитическом видении.

2. Поскольку игры в данном контексте представляют некую аналоговую модель стратегической культуры, наиболее подходят те игры, в которых роль случая сведена к минимуму. В связи с этим едва ли можно согласиться с автором критического эссе о влиянии китайской культуры на китайскую стратегию, который ставит вэйци в один ряд с такими западными настольными играми, как «Риск» или «Колонизаторы», в которых игровой процесс сопряжен с бросками кубика [Dickey].

3. Наконец, игры должны обладать определенным возрастом для того, чтобы вместить в себя ценности той или иной культуры и пройти своеобразную проверку временем.

Первоначальный анализ игр, проводимый в настоящей работе, представляет собой осмысление их концептуальных различий на онтологическом, стратегическом и тактическом уровнях.

Мондиализм Великой шахматной доски

Шахматы с самого своего появления в Древней Индии (V–VI вв.) в своей первоначальной форме под названием *чатуранга* тесно ассоциировались с военным делом. Примерно в VI в. игра проникает в Китай и Персию, где модифицируется, подстраиваясь под мировидение принимающих культур, и становится соответственно *сянци* и *шатранджем*. В результате арабского завоевания Персии в VII в. шахматы начинают пользоваться популярностью в мусульманском мире, а в VIII в. после распространения власти Арабского халифата на Пиренейский полуостров попадают в Европу, где постепенно приобретают свою нынешнюю форму.

Одно из наиболее радикальных последствий вестернизации игрового пространства шахмат – превращение советника-визиря в ферзя, которое было обусловлено, с одной стороны, поклонением Прекрасной Даме, а с другой – культом Девы Марии (мариолатрия). Остальные фигуры также испытывают влияние европейских реалий: боевой слон становится епископом, колесница заменяется на осадную башню (туру), а конь приобретает черты европейского рыцаря. Таким образом, как отмечает Р. Илс, «древняя восточная военная игра превратилась в сражение между двумя миниатюрными феодальными государствами, каждое из которых представлено в виде иерархических отношений между королем, слоном (епископом или судьей), рыцарем, ладьей (посол или королевский представитель) и пешкой (простолудин или пехотинец)» [Eales 1985: 64].

В XIII в. Якобус де Цессолес, развивая идеи богослова Иоанна Солсберийского, сравнивает общество с набором шахматных фигур: каждая фигура, как и каж-

дый член общества, имеет свои права и обязанности¹. К схожим с де Цессолесом выводам уже в XVI в. приходит Луиджи Гвиччардини, утверждавший в своем трактате «Сравнение игры в шахматы и военного искусства», что шахматы ближе не к военному делу, а к искусству управления и их изучение может быть полезно для будущей политической элиты [Goethals 2013: 198].

Тем не менее на Западе предпринимались попытки использовать шахматы в качестве аналоговой модели войны. В конце XVIII в. Фридрих II посылал к известному прусскому военачальнику Карлу Брауншвейгскому юношей для обучения военному искусству. Один из наставников этих юношей применял игровую форму обучения: он создал шахматную доску из 1666 квадратов, обладающую определенными географическими особенностями, а используемые фигуры моделировались на основе типов войск в современной ему прусской армии [Cockburn 1975: 157]. В 2000-х гг. группа исследователей из Организации оборонной науки и техники Австралии провела компьютерный анализ шахмат, выделив в них ряд ключевых переменных и поэкспериментировав с их значениями, а затем применила полученные результаты в области военной теории. Одним из выводов стало то, что сторона, обладающая большей глубиной поиска (возможность просчитывать дальнейшие ходы соперника) и скоростью (возможность совершать больше действий за один ход), решительно выигрывает у стороны, имеющей численное преимущество [Shenk 2007: 108].

В XX в. шахматы начинают использоваться в развивающихся теориях международных отношений и геополитике. Самый известный образец такого применения – классическая работа З. Бжезинского «Великая шахматная доска», в которой автор уподобляет Евразию игровому пространству, где США необходимо играть в соответствии с англосаксонской геополитической стратегией контроля над Хартлендом Х. Маккиндера. В целом Бжезинский не выходит за рамки метафоры и лишь однажды замечает, что американские стратеги, как и шахматисты, «должны думать на несколько ходов вперед, предвидя возможные ответные ходы», поэтому любая американская внешнеполитическая стратегия должна быть сориентирована на краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективы – три стадии, которые должны плавно перетекать друг в друга [Бжезинский 2014: 233]. Но важен сам факт того, что автор счел уместным говорить о геополитике как об игре, причем игре конкретной, глубоко укоренившейся в западной культуре. Ведь в геополитическом пространстве Евразии важнейшее значение имели такие процессы, как «Большая игра» (англ. Grand game). Так англичане именовали геополитическое соперничество между Британской и Российской империями за господство в Южной и Центральной Азии в XIX – начале XX в. Русское название указанного феномена – «Война теней». То же наименование использовалось по отношению к соперничеству между двумя сверхдержавами XX в. Кстати, последнее могло проявляться даже в такой специфической форме, как борьба за звание чемпиона мира по шахматам. В 1972 г. после почти пятидесяти лет советского доминирования этот титул завоевал американский шахматист Роберт Фишер, в США данное событие символизировало интеллектуальную победу над СССР.

К шахматам обращается и Джозеф Най в своей работе «Мягкая сила». По мнению политолога, мировая политика в ее нынешнем состоянии подобна «трех-

¹ Идеи Цессолеса были в дальнейшем изложены в книге английского первопечатника У. Кэпстона «The Game and Playe of the Chesse» в 1470-х гг. Эта книга стала одной из первых печатных на английском языке, что свидетельствует о значительной популярности шахмат в средневековом обществе.

мерной шахматной игре, в которой можно победить, только играя как по горизонтали, так и по вертикали» [Nye 2004: 4]. Верхняя доска в этой структуре отведена военным вопросам, средняя – экономическим, а нижняя – транснациональным угрозам (терроризм, международная преступность и т. д.). Играть на одной доске и использовать лишь ее ресурсы для поиска ответов на новые вызовы означает поражение; для того же, чтобы получить преимущество на других досках, зачастую необходимо обращаться к «мягкой силе». В 2013 г. Най в авторской колонке «Лос-Анджелес Таймс» вновь использует свою шахматную аналогию, утверждая, что американо-китайские отношения разворачиваются на трех уровнях, поэтому их будущее нельзя свести ни к конфликту, как предсказывает политический реализм, ни к сотрудничеству по всем вопросам, на что надеются либералы, ведь оба эти прогноза учитывают лишь происходящее на одной из досок [*Idem* 2013].

Прибегает к шахматам и американское руководство. Так, заядлым игроком был Бенджамин Франклин, который не только посвятил шахматам эссе «Нравственность игры в шахматы», но и применял их в своей дипломатической деятельности, например в переговорах с Британией об американских колониях [Franklin 1904: 443]. В 2009 г. президент Барак Обама во время своего выступления в московской Высшей школе экономики заявил, что «позади те дни, когда империи могли обращаться с суверенными государствами как с пешками на шахматной доске» [Obama 2009]. А Дональд Трамп, комментируя возможный ответ на действия Пхеньяна, сравнил взаимоотношения стран с шахматной партией [Трамп...].

Таким образом, шахматы, не будучи порождением западной культурной традиции, стали ее неотъемлемой частью, в том числе и в культуре политической. Появляясь в западном политическом дискурсе и теории международных отношений, шахматы привносят в эту сферу заключенные в них ценности и смыслы. В связи с этим довольно примечательно, что игра в западные шахматы ожидается и от Китая: «Геополитика – это игра в шахматы на многих разных уровнях... Пекину нужно научиться играть в эти игры, если он хочет реализовать свои великие замыслы» [Pantucci]. Таким образом, геополитика трактуется как хорошо знакомая Западу игра, и Пекину нужно играть именно в западный вариант шахмат, а не в традиционный китайский – *сянци*.

Какую же альтернативу Великой шахматной доске предлагает Китай?

Геостратегия Великой доски вэйци

Правила игры вэйци (более известной под японским названием *го*) довольно просты. Игроки поочередно ставят на пересечения расчерченного игрового поля (доски) свои фишки (камни). Цель игры заключается в том, чтобы отгородить построениями из своих камней как можно большую часть игрового пространства. Остроты противоборству добавляет правило, согласно которому камни противника можно «брать в плен»: у каждого камня или группы камней есть определенное число так называемых «степеней свободы», и если камни противника занимают их, то окруженные камни снимаются с доски.

Первые упоминания о вэйци встречаются уже в древнекитайских философских памятниках. Так, в трактате Цзо-чжуань один из министров государя царства Вэй, протестуя против возвращения ранее изгнанного тирана, утверждает, что «если игрок в *и*, взяв в руки шашку, не знает, куда ее поставить, то не одержит победу» [Legge 1872: 517]. В эпоху Троецарствия (220–280 гг.) стратегическую

глубину игры оценили известные полководцы: Сунь Цэ, Лу Сюнь, знаменитый Цао Цао и его сыновья Цао Пи и Цао Чжан. В коммунистическом Китае партийное руководство проявляло значительный интерес к популяризации игры. Еще в мае 1938 г. в работе «О затяжной войне» Мао Цзэдун использовал вэйци для описания видов окружения и контрокружения [Мао Цзэдун 1968: 85]. Маршал Чэнь И, один из главных популяризаторов вэйци в стране, проводил в 60-е гг. XX в. политику нормализации отношений с Японией, в дальнейшем получившую название «дипломатия вэйци». Значительный интерес к игре проявляет Си Цзиньпин: один из его близких друзей, китайский профессиональный игрок в вэйци Не Вэйпин, утверждает, что китайский генсек очень рано изучил правила игры [Сюн Цзе 2016: 112].

Начало применению вэйци в анализе китайской внешней политики было положено в 1969 г. в работе С. Бурмана «О затяжной игре: вэйци как интерпретация маоистской революционной стратегии». Предвосхищая аналогию Дж. Ная, Бурман представил Китай времен Гражданской войны в качестве ряда досок вэйци, которые являют собой либо конкретные участки театра военных действий (географическая доска), либо население этих территорий (социально-политическая доска). На географических досках вэйци центральная часть соответствует крупным городам, а края доски – небольшим поселениям; на социально-политических же досках линии представляют собой классовое деление общества – от элиты в центре до крестьянства на периферии. Главной причиной успеха коммунистов, по мнению Бурмана, стало то, что на всех досках Мао Цзэдун делал ставку на стороны игрового поля, действуя, как опытный игрок в вэйци, в то время как Гоминьдан считал наиболее важным контроль над центром [Boorman 1969].

Идеи С. Бурмана были развиты Д. Лаем, экспертом Института стратегических исследований армии США, в ряде публикаций. В одной из статей исследователь анализирует взаимоотношения КНР и США в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) с точки зрения теории передачи власти и применяет инструментарий вэйци для описания китайских геополитических намерений [Lai 2014].

Интерес к вэйци наблюдается и в работах китайских исследователей. К вэйци обращается один из крупнейших в Китае экспертов в области международных отношений и геополитики Чжунци Пань: он исследует связь между вэйци и китайской концепцией *гуаньси* (социального капитала) как китайской модели мирозидения и с их помощью объясняет китайский внешнеполитический курс [Zhongqi Pan 2016]. Другой китайский теоретик международных отношений Янь Сюэтунь использует ключевое для вэйци понятие «влияние» в анализе китайской стратегии в Южно-Китайском море [Янь Сюэтунь].

Таким образом, хотя вэйци до сих пор остается на периферии академического дискурса, для описания китайского взгляда на мировую политику и китайской геополитической стратегии как зарубежными, так и китайскими исследователями ощущается определенная необходимость использовать терминологию вэйци в качестве противовеса шахматному «мондиализму», наблюдаемому в американском политическом нарративе.

«Управление хаосом» шахмат против «построения порядка» вэйци

Первое из концептуальных отличий касается **характера антагонизма в играх**. В шахматах игрок выигрывает в том случае, если ставит мат королю противника (действие, символически означающее пленение или убийство); обычно это-

му сопутствует уничтожение большинства остальных фигур соперника. Таким образом, один игрок получает все, а другой лишается всего; шахматный антагонизм **абсолютен**. В то же время в вэйци единственное условие выигрыша – получение преимущества в очках. Как отмечает анонимный автор работы «Восстание камней», «подсчет очков предваряет идею победы, поэтому при интерпретации игры можно отойти от бинарной идеи победы/проигрыша и рассмотреть результат игры под другим углом» [The Go'ing... 2013]. Антагонизм вэйци **относительен**: игроку не имеет никакого смысла пытаться уничтожить своего противника (рис. 1).

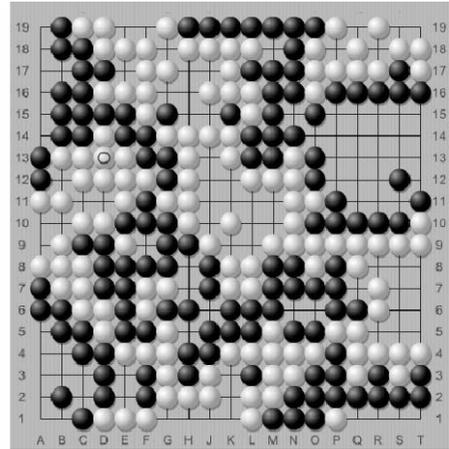

Рис. 1. Характер антагонизма. Опустевшая шахматная доска в конце 13-й партии между Р. Фишером и Б. Спасским за звание чемпиона мира и раздел доски в конце партии вэйци между Не Вэйпином и Кобаяси Коичи.

Как отмечает советский шахматист Ю. Авербах, изобретение шахмат было вызвано угрозой в лице среднеазиатских кочевых племен, начавших вторгаться на территорию современной Индии в начале 1-го тысячелетия: политической элите необходимо было в совершенстве овладеть военным искусством для отражения нападений [Averbakh 2012: 8]. Заимствование антагонистической игры Арабским халифатом произошло в то же время, когда начало формироваться представление о мире, разделенном на две части: дар аль-ислам и дар аль-харб. В Европе шахматы встречаются с местной версией геокультурного антагонизма: священной войной против неверных, Крестовыми походами, которые, начавшись ради освобождения некогда принадлежавших христианам земель, постепенно меняют свою направленность, и их целью становится обращение язычников в истинную веру [Матузова, Назарова 2002: 20]. Дальнейшие западные представления о мироустройстве продолжают иметь антагонистический характер в его абсолютной форме. Цивилизованность Запада противопоставляется отсталости и ущербности незападных народов, из чего вытекает мессианство в виде «бремени белого человека». Запад также противопоставляется Востоку – искусственному конструкту из множества различных цивилизаций, единственная общая черта которых – «незападность». Абсолютно антагонистичный характер носят и традиционные геополитические теории, сводящиеся к исторической борьбе «суши» и «моря», теллурократии и талассократии, Бегемота и Левиафана. Одним из наиболее грандиоз-

ных проявлений этой борьбы стало противостояние двух сверхдержав, победитель которой, впрочем, так и не добился того, чтобы эта шахматная партия стала последней.

Взаимовлияние западной культуры и шахмат привело к появлению сюжета об игре против дьявола или смерти. Так, в одном из средневековых произведений с дьяволом играет благочестивая дама, чьи фигуры олицетворяют добродетели, а фигуры ее противника – грехи [Chess... 2012: 90]. В то же время мотив противостояния злу четко прослеживается и в американском политическом дискурсе. В 1983 г. Рональд Рейган назвал СССР «империей зла» и «центром зла в современном мире». В 2002 г. Джордж Буш употребил термин «ось зла» по отношению к Ираку, Ирану и КНДР. А в 2017 г. Дональд Трамп, выступая с изложением стратегии США в Афганистане и Южной Азии, отметил, что каждое новое поколение американцев «сталкивалось со злом, но всегда одерживало победу» [Trump]. Эту тенденцию в политике США наблюдает и З. Бжезинский: в «Великой шахматной доске» он ссылается на работу своего коллеги по Центру международных стратегических исследований Энтони Г. Кордесмана, который отмечает, что «США существуют в морально сером мире, и им не удастся добиться успеха, разделяя его на черное и белое» [Бжезинский 2014: 241]. Пол Пиллар, эксперт Центра исследований проблем безопасности, утверждает, что во внешнеполитическом дискурсе США заметна тенденция к такому пространственному мышлению, которое «ассоциирует плохих ребят и хороших парней с определенными территориями на карте» [Pillar].

Вэйци, в свою очередь, вписывается в китайскую картину мира, где деление на цивилизованный Китай и варварскую периферию не носит столь антагонистического мессианского характера. В отличие от Запада Китай не занимался колонизаторством, когда имел такие возможности (например, во время путешествий Чжан Хэ в начале XV в.), а его территориальная экспансия за редким исключением не выходила за рамки Восточно-Азиатского региона. Убежденность китайцев в собственной исключительности проявляется в иной форме: китайская система вассальных отношений представляла собой не межгосударственную систему, а особое пространство – Поднебесную (*Тянься*), где не могло быть никаких других властителей, кроме императора – Сына Неба, в связи с чем «периферия существовала как единое целое с центром, а не как его дуалистическое противопоставление» [Грачиков 2015: 87]. Отсюда в китайском мировидении и особое отношение к границе как к «водоразделу между государством и некоей промежуточной зоной, между собственной территорией и всем остальным, не контролируемым пространством» [Там же: 109]. Такое представление о **расплывчатых границах** воплощается и в вэйци, где линии раздела между владениями игроков, проводимые в ходе партии, прозрачны, проницаемы и динамичны. Даже после окончания партии, когда игровое поле расчлняют рубежи, принимающие самые невероятные формы, они не являются статичными и часто меняют свое положение для удобства подсчета очков. В шахматах же **четко выражена изначальная граница** в виде демаркационной линии между четвертой и пятой горизонталями, разделяющей доску на две половины, где ведется позиционная война между игроками; после победы одного из игроков граница сдвигается и охватывает владения бывшего соперника. Таким образом, в то время как вэйци несет в себе китайские представления о динамических рубежах, шахматы в ходе своего внедрения в США никак не отразили этот важнейший социокультурный концепт, а продолжи-

ли выступать в роли символа европейского политического наследия – противостояния вестфальских национальных государств с фиксированными границами.

По мнению Ясуюки Миуры, японского бизнесмена и игрока в го, процессы, происходящие на доске, схожи с разработанной японским биологом Иманиси Киндзи теорией о сегментации среды обитания (*суми вакэ*) – разделении экологического пространства разнообразными формами жизни. В терминах вэйци «это означает, что черные и белые камни состязаются только за то, чтобы сосуществовать посредством сохранения баланса при разделении пространства доски» [Миура Ясуюки 2005: 109]. В свою очередь, чемпион мира по шахматам Эмануэль Ласкер в работе «Борьба» видит в шахматах отражение дарвиновской борьбы за существование [Ласкер 2007: 109]. По мнению Ласкера, «теория борьбы, освященная именами Макиавелли, Наполеона, Клаузевица, на шахматной доске в мельчайших подробностях воспроизведенная Стейницем, столь желаемая некоторыми философами... однажды будет управлять людскими жизнями» [Lasker 1947: 249].

Прямым продолжением абсолютного антагонизма и фиксированности границ является еще одна характерная особенность шахмат – **тотальность победы**. В древней чатуранге с четырьмя игроками взятие неприятельского короля (раджи) означало, что его фигуры переходят под управление победителя. Если в вэйци по окончании партии на поле остаются владения обоих игроков, то в шахматах мат символически означает автоматическое установление контроля над чужим пространством. Вполне возможно, что именно шахматное мировидение объясняет некую наивность США в ходе Иракской войны, которая велась в рамках концепции «безупречного уничтожения», основанной на информационном господстве, высокой технологичности применяемых средств, предсказуемости действий противника и минимизации потерь. Как отмечает Б. Були, иракский «режим действительно был обезглавлен с невиданной эффективностью, но последовавший за этим переход [Ирака] к демократии, провозглашавшийся главной целью интервенции, был далеко не безупречным» [Buley 2008: 113]. Уничтожение неприятельского командования и основных его сил в американской шахматной стратегии приравнивалось к победе, которая автоматически вела к формированию в подконтрольном США Ираке демократических институтов западного типа, которым была бы обеспечена массовая поддержка со стороны населения. Вашингтон оказался совершенно не готов к последовавшей за свержением режима С. Хусейна партизанской войне.

Согласно картине мира вэйци, после партии на доске-Поднебесной остаются владения обоих соперников. В связи с этим главной целью игры становится не окончательная победа над противником, а создание наиболее выгодных для себя условий в результате каждой конкретной партии. Как отмечает Ф. Бийе, «различия между “Собой” и “Другим” часто воспринимаются не как что-то твердое и неизблемое, а как объект для ведения диалога и переговоров» [Бийе 2012: 156]. Каждая новая партия представляет собой предложение к пересмотру существующих условий, в ходе которого можно получить **относительный выигрыш**. Точно так же китайская большая стратегия склонна к проведению краткосрочных военных операций для получения определенных преимуществ. Так, по мнению Г. Киссинджера, китайско-вьетнамская война стала отнюдь не поражением для Пекина, поскольку были достигнуты именно те цели, которые были поставлены перед ее началом: Вьетнам так и не создал Индокитайскую федерацию, а СССР не получил стратегическое преимущество в регионе [Киссинджер 2014: 398].

В шахматной партии любая стратегия базируется на трех составляющих: **мобильности, развитии и материале**. Мобильность означает, что игрок контролирует определенную часть игрового пространства и его фигуры могут свободно в нем перемещаться; таким образом, мобильность равна контролю над территорией. Развитие означает эффективное использование фигур для сковывания соперника, то есть удержание инициативы. Материал – качественное превосходство над войсками соперника: так, например, известно, что ладья оценивается дороже, чем легкая фигура (конь или слон). Соответственно, перед каждым игроком стоят три задачи:

- 1) получение контроля над наибольшей частью игрового пространства;
- 2) недопущение контригры противника, ведущей к утере инициативы;
- 3) уничтожение наиболее ценных фигур противника при сохранении своих.

Все эти задачи реализуются США и в их геостратегии. Начиная с внутриконтинентальной экспансии, затем включая в свою сферу влияния и Южную Америку в рамках доктрины Монро, формируя военный блок НАТО, Вашингтон постепенно расширял контролируемое им игровое пространство, сжимая соответствующее пространство игрока Суши. Зоны ответственности оперативных флотов США обеспечивают контроль над океанами, а многочисленные военные базы за рубежом свидетельствуют о значительной мобильности американских фигур. Стратегия лишения пространства реализуется и в «кольцах анаконды», сжимающихся вокруг Китая в стратегически важных для Пекина морских пространствах, и в восточном расширении НАТО, а ранее – в концепции сдерживания Дж. Кеннана. Недопущение контригры ярко проявилось во время холодной войны, когда две «шахматные» сверхдержавы вступали в схватку в различных регионах в стремлении не дать сопернику обрести там преимущество (например, поддержка США переворота в Чили в 1973 г. или операция в заливе Свиней 1961 г.). Что же касается уничтожения, то уже Рассел Вейгли в своей классической работе об американской стратегической культуре отметил, что Вашингтон склонен к использованию «стратегии сокрушения», то есть уничтожения вражеской силы, а не «стратегии измора»², которая «обычно применяется стратегом, который не обладает соответствующими возможностями для нанесения прямого удара врагу и в связи с этим вынужден обратиться к непрямому воздействию» [Weigley 1977: XXII].

В эйци несколько иные стратегические акценты. Как и в шахматах, контроль над пространством играет важную роль, но в эйци он выражен в двух категориях: **территории** и **влиянии**. Первая – непосредственные владения игрока, которые с большой вероятностью сохранятся за ним к концу партии. Влияние (*ши*, тот же иероглиф, что и у Сунь-цзы) же представляет собой воздействие уже поставленных камней как на игровое пространство, обозначая в нем потенциальную территорию, так и на камни соперника. Как и в шахматах, постепенное лишение соперника пространства – окружение его камней своими камнями – является краеугольным камнем стратегии, однако его отличает ряд особенностей. Во-первых, в эйци лишение пространства направлено в первую очередь на уничтожение вражеского влияния, а не территории (рис. 2). Во-вторых, целью окружения не становится получение контроля над всем игровым пространством, что в эйци практически невозможно. В то время как шахматная стратегия использует

² Разделение на эти две стратегии было предложено немецким военным историком Хансом Дельбрюком в работе «Стратегия Перикла, описанная через стратегию Фридриха Великого».

ся для постепенного «сжимания» жизненного пространства соперника, окружение в вэйци применяется для расширения собственных возможностей в насыщенном потенциальными участке игрового поля и максимизации своей прибыли. Примером такого окружения в китайской геополитической стратегии является «нить жемчуга», расширяющая возможности Пекина в Индийском океане и сдерживающая влияние индийского игрока.

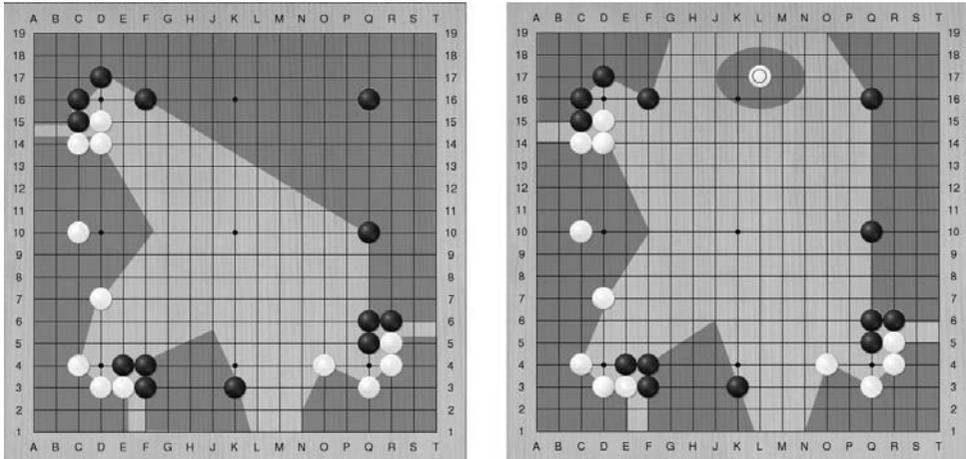

Рис. 2. Демонстрация концепта влияния в вэйци. Зоны влияния игроков (закрашены темным цветом) меняются после отмеченного кругом хода белых

Категория **развития-инициативы** в вэйци в целом близка к шахматной. Отличие заключается в том, что в шахматах весь имеющийся у игрока ресурс изначально выставлен на доску, в то время как в вэйци доска в начале игры пуста, и игроки выбирают, в какой из участков доски в каждый момент времени нужно вкладывать ресурсы и развивать в нем свои построения для достижения инициативы. Камни в одном участке игрового пространства могут быть пожертвованы для развития в другом, более важном, или получения глобальной инициативы. В дальнейшем же игрок может вернуться и к брошенным камням, если сочтет их обладающими **потенциалом**.

Наконец, качественный **материал** шахмат с их четко выраженной иерархией и идеалом социального лифта (пешка, превращающаяся в любую фигуру по достижении последней линии) не имеет никакого значения в вэйци, где все камни изначально равны и получают отличие друг от друга только будучи поставленными на доску относительно других камней. Уничтожение материала противника само по себе мало что дает: в то время как один из игроков занят «поеданием» камней противника, другой в это же время может завладевать значительной территорией. С другой стороны, игрок может чрезмерно вкладываться в защиту тех или иных камней, добавляя к ним все новые и делая общее построение тяжеловесным и малофункциональным. Таким образом, в вэйци важны не качество и не количество материала, а его конфигурация: расположение камней относительно друг друга.

Различия в стратегических культурах шахмат и вэйци касаются не только онтологических посылок и тактических задач, но и взглядов на определенные поло-

жения, возникающие в партиях. Наиболее характерны в этом отношении проблемные точки во взаимоотношениях США и КНР – прежде всего тайваньский вопрос и корейский конфликт. Вполне вероятно, что стороны рассматривают эти ситуации в духе соответственно положений цугцванг и *гунхо*.

Цугцванг – такое положение в шахматах, в котором любой ход игрока ведет к ухудшению его позиции; одна из распространенных тактик в шахматах – заманить соперника в эту ловушку. Именно в такое положение Вашингтон и стремится поставить Пхеньян: организует экономическую и политическую блокаду страны, оказывает давление на другие государства, стремящиеся наладить отношения с КНДР (например, неудавшаяся сделка Кореи с Израилем 1993 г.), демонирует ее руководство и угрожает ему, устанавливает противоракетный комплекс ТНААД и проводит регулярные учения с южнокорейскими вооруженными силами, а порой посылает стратегические бомбардировщики В-52 к корейской границе. Тем не менее с учетом многофакторности ситуации – вероятное обладание КНДР ядерным оружием, возможное вмешательство Китая в случае начала вооруженного конфликта, угроза бомбардировки Сеула, расположенного недалеко от 38-й параллели, – в цугцванге оказались обе стороны. Ни одной из них не выгодно развязывать войну: если агрессором станет Пхеньян, то режиму Кимов придет конец; если прибегнет к силе Вашингтон, то это грозит столкновением с Китаем и значительными жертвами среди американских союзников. В поисках выхода из этого положения США могут пытаться ставить в цугцванг другие силы в регионе, стремясь оказать через них давление на КНДР. Так, Эндрю Ма утверждает, что США, играющие против КНР в шахматы, поставили своего противника в цугцванг: отношения между Пекином и Пхеньяном все сильнее охлаждаются, и Китай был бы весьма рад денуклеаризации Корейского полуострова, но опасается расширения американского присутствия и дестабилизации региона. По мнению Ма, для Вашингтона выгоднее всего выжидать, наблюдая за тем, какую стратегию Китай выберет в своих отношениях с КНДР [Ма]. Но наивно полагать, что Пекин, хоть и недовольный чрезмерной активностью Пхеньяна, с готовностью примется вычищать авгиевы конюшни, созданные неудачами американской дипломатии. Даже если Китай и окажет определенное давление на Корею, предпосылки американской стратегии в отношении КНДР останутся теми же самыми, и ситуация едва ли изменится. По мнению А. Кортунова, Пхеньян победил в корейском цугцванге в партии, касающейся ядерного оружия, и теперь проигравшим сторонам приходится вести диалог «не с позиции силы, а с позиции слабости», что необходимо учитывать для отыгрывания в следующих партиях [Кортунов].

Вэйци предлагает иной взгляд на корейскую дилемму сквозь призму позиции *гунхо*. *Гунхо* – такая ситуация, при которой две или более групп противников обладают общими «степенями свободы», и если какая-либо из этих групп попытается напасть на другую, то займет свою же предпоследнюю степень свободы и следующим ходом будет уничтожена. Игроки оставляют эту позицию нетронутой до конца игры. В *гунхо* (дословно переводится как «общая жизнь») существование обеих групп становится более важным, чем потенциальные выгоды от уничтожения одной из них. Согласно логике *гунхо*, мир на Корейском полуострове важнее ядерного разоружения. США же своим давлением на КНДР привели лишь к эскалации напряженности при неизменности паттерна, поскольку пытались играть в шахматы со страной, чья культура тесно связана с мышлением в стиле вэйци.

Заключение

В 1949 г. во Франции были запатентованы «атомные шахматы»: игровое пространство было расширено, к набору фигур добавлены танки и самолеты, а когда пешка достигала последней линии, то превращалась в атомную бомбу, уничтожающую все фигуры вокруг себя. Вместо мата целью игры было полное истребление фигур неприятеля. За четыре года до этого японские игроки в го Каору Ивамото и Хасимото Утаро, встретившиеся за партией за престижный титул в пригороде Хиросимы, были сбиты взрывной волной от сброшенной атомной бомбы. Придя в себя, игроки восстановили партию по памяти и завершили ее в тот же день. Эта игра получила название «партия атомной бомбы». Синтаксис вэйци, олицетворяющий человеческую культуру, устоял перед наиболее разрушительным оружием человечества.

Как у шахматной стратегии, так и в стратегической культуре вэйци есть свои сильные и слабые стороны. Шахматная стратегия позволила Западу добиться мировой гегемонии: в то же время в геополитическом плане шахматы представляют собой игру жесткого антагонизма, который ограничивает возможные тактики и стилевые отличия игроков. Вэйци может уступать шахматам в тактическом плане, но предоставляет в распоряжение игроков гораздо более разнообразные возможности для взаимодействия и диалога в игровом пространстве. По всей вероятности, в наиболее выгодном положении на мировой арене оказывается тот актер, в чьем стратегическом арсенале присутствуют элементы как культуры вэйци, так и шахматной борьбы. Китай, играющий и в вэйци, и в китайские шахматы сянци, способен превзойти США, не обладающие аналогами вэйци. С другой стороны, знакомство ведущих акторов с вэйци и применение ими принципов этой игры в своей политике не только расширит их стратегические возможности в эпоху постгеополитики и мировой многополярности, но и может оздоровить сами международные отношения, позволив сделать шаг от традиционной ментальности антагонистических игр к укреплению международного сотрудничества.

Литература

- Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983.
- Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. М.: АСТ, 2014.
- Бийе Ф. Представления о границе в Китае и России: попытка концептуализации проблемы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XV. № 3(62). С. 155–172.
- Грачиков Е. Геополитика Китая: эгоцентризм и пространство сетей. М.: Русайнс, 2015.
- Кайуа Р. Игры и люди. М.: ОГИ, 2007.
- Киссинджер Г. О Китае. М.: АСТ, 2014.
- Кортунов А. Пхеньян начинает и выигрывает. Что делать проигравшим? [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pkhenyan-nachinaet-i-vyigrivaet-cto-delat-proigravshim/> (дата обращения: 21.12.2017).
- Ласкер Э. Борьба. М.: Европа, 2007.
- Мао Цзэдун. Избранные произведения: в 4 т. Т. II. Пекин: Изд-во лит-ры на иностранных языках, 1968.

Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестonosцы и Русь: Конец XII в. – 1270 г. М. : Индрик, 2002.

Миура Ясуюки. Го и восточная бизнес-стратегия. М. : София, 2005.

Платон. Государство. М. : Академический проект, 2015.

Сюн Цзе. Си Цзиньпин шидай (Эпоха Си Цзиньпина). 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://eecd.org/App_Upload/file/20170725/20170725092753_1240.pdf (дата обращения: 21.12.2017).

Трамп «счел бы за честь» встречу с Ким Чен Ыном [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bbc.com/russian/news-39774704> (дата обращения: 21.12.2017).

Хэйзинга Й. Homo Ludens: опыт определения игрового элемента культуры. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011.

Цыганков П. А. Теория международных отношений. М. : Гардарики, 2003.

Янь Сюэтуан. Юэнань гань цзай наньхай тяосинь чжиинь дуаньдин чжунго бу хуэй дунву (Вьетнам осмеливается провоцировать конфликт в Южно-Китайском море лишь потому, что уверен, что Китай не прибегнет к силе) [Электронный ресурс]. URL: http://news.china.com/focus/nhctsj/11101498/20110620/16604423_1.html (дата обращения: 21.12.2017).

Averbakh Y. A History of Chess from Chaturanga to the Present Day. Milford : Russel Enterprises Inc, 2012.

Boorman S. The Protracted Game: A Wei-ch'i Interpretation of Maoist Revolutionary Strategy. New York : Oxford University Press, 1969.

Buley B. The New American Way of War: Military Culture and the Political Utility of Force. Abingdon : Routledge, 2008.

Chess in the Middle Ages and Early Modern Age: A Fundamental Thought Paradigm of the Premodern World / Ed. by D. E. O'Sullivan. Berlin : Walter de Gruyter GmbH & Co, 2012.

Cockburn A. Idle Passion: Chess and the Dance of Death. New York : Plume, 1975.

Dickey L. Wei Qi or Won't Xi [Электронный ресурс]. URL: https://www.realclearfense.com/articles/2017/09/26/wei_qi_or_wont_xi__112376.html (дата обращения: 21.12.2017).

Dueck C. Reluctant Crusaders: Power, Culture, and Change in American Grand Strategy. Princeton : Princeton University Press, 2006.

Eales R. Chess: the History of a Game. London : Batsford, 1985.

Franklin B. The Works of Benjamin Franklin. Vol. VI. Letters and Misc. Writings 1772–1775. New York : G.P. Putnam's Sons, 1904.

Goethals J. Spectators of the Sack: Rhetorical 'Particularity' and Graphic Violence in Luigi Guicciardini's *Historia del sacco di Roma* // *Italian Studies*. 2013. Vol. 68. No. 2. Pp. 175–201.

Gray C. Strategic Culture as Context: The First Generation of Theory Strikes Back // *Review of International Studies*. 1999. Vol. 25. No. 1. Pp. 49–69.

Johnston A. Cultural Realism: Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese History. Princeton : Princeton University Press, 1995.

Lai D. China's Strategic Moves and Counter-Moves // *The US Army War College Quarterly Parameters*. 2014. No. 44(4). Pp. 11–25.

- Lasker E. *Lasker's Manual of Chess*. Philadelphia : David McKay Company, 1947.
- Legge J. *The Chinese Classics*. Vol. 5. Part 1. Hong Kong : Lane, Crawford & CO, 1872.
- Lynn J. *Battle: A History of Combat and Culture*. New York : Basic Books, 2004.
- Ma A. *Zugzwang: The Chess Game of North Korea* [Электронный ресурс]. URL: <https://pensivepost.com/zugzwang-the-chess-game-of-north-korea-c3a0967709fc> (дата обращения: 21.12.2017).
- Nye J. *Soft Power: the Means to Success in World Politics*. New York : Public Affairs, 2004.
- Нье J. *A Smarter Way to Deal with China* [Электронный ресурс]. 2013. URL: <http://articles.latimes.com/2013/jun/12/opinion/la-oe-nye-china-conflict-cooperation-20130612> (дата обращения: 21.12.2017).
- Obama B. *Obama's Speech at the New Economic School* [Электронный ресурс]. 2009. URL: <http://www.nytimes.com/2009/07/07/world/europe/07prexy.text.html> (дата обращения: 21.12.2017).
- Pantucci R. *China Must Get Along with Regional Powers to Make its New Silk Road Plan Work* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scmp.com/comment/insight-opinion/article/2107122/china-must-get-along-regional-powers-make-its-new-silk-road> (дата обращения: 21.12.2017).
- Pillar P. *The Safe Haven Notion* [Электронный ресурс]. URL: <http://nationalinterest.org/blog/paul-pillar/the-safe-haven-notion-22099> (дата обращения: 21.12.2017).
- Shenk D. *The Immortal Game: a History of Chess*. New York : Anchor, 2007.
- The Go'ing Insurrection: Thought on Social Revolt and the Game of Go*. 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://raphael.lopezaltuna.com/wp-content/uploads/2014/01/going-insurrection-read.pdf> (дата обращения: 21.12.2017).
- Trump D. *Remarks by President Trump on the Strategy in Afghanistan and South Asia*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-strategy-afghanistan-south-asia/> (дата обращения: 21.12.2017).
- Weigley R. *The American Way of War: A History of United States Military Strategy and Policy*. Bloomington : Indiana University Press, 1977.
- Wolfers A. *Discord and Collaboration: Essays on International Politics*. Baltimore : The Johns Hopkins Press, 1962.
- Zhongqi Pan. *Guanxi, Weiqi and Chinese Strategic Thinking // Chinese Political Science Review*. 2016. Vol. 1. Is. 2. Pp. 303–321.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ЭНЕРГОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: опыт количественного анализа*

Малков С. Ю., Билюга С. Э., Власова А. Ю.**

В статье рассмотрены энергоэкологические проблемы современного глобального развития. Показано, что в настоящее время возникла противоречивая ситуация, поскольку развивающиеся страны нуждаются в увеличении темпов экономического роста и повышении доходов населения, но их усилия в этом направлении объективно приводят к увеличению выбросов CO₂ и нарастанию экологических проблем. В свою очередь, развитые страны, используя передовые технологии, активно внедряют экологичные производства на своей территории, переводя «грязные» производства в периферийные страны. Поэтому введение жестких экологических стандартов объективно играет на руку развитым странам, так как создаст дополнительные ограничения для развивающихся стран. Это ставит перед последними важную и сложную задачу освоения, внедрения и развития современных технологий, обеспечивающих энергосбережение и снижающих экологическую нагрузку на окружающую среду, при сохранении высоких темпов экономического роста.

Ключевые слова: энергоэкологические проблемы, экология, глобальная проблема, количественный анализ, статистический анализ данных.

In the article the energy-ecological problems of the contemporary global development are discussed. It is shown that there was now a contradictory situation, since developing countries need to increase economic growth and raise incomes, but their efforts in this direction objectively lead to increased CO₂ emissions and increasing ecological problems. In turn, the developed countries, using advanced technology, actively develop eco-friendly production on its territory, transferring dirty production in peripheral countries. Therefore, the introduction of stringent ecological standards objectively plays in favor of developed countries, because it creates additional constraints for developing countries. This poses a challenge for developing countries is an important and difficult task for the development and implementation of advanced technologies for energy saving and reducing the ecological burden on the natural environment, while maintaining high rates of economic growth.

Keywords: energy-ecological problems, ecology, global problem, quantitative analysis, statistical data analysis.

* Исследование выполнено при поддержке РФФ (проект № 14-11-00634).

** Малков Сергей Юрьевич – д. т. н., профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: s@malkov.org.

Билюга Станислав Эдуардович – аспирант факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: sbilyuga@gmail.com.

Власова Анна Юрьевна – бакалавр факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: deanventure94@gmail.com.

Введение

Развитие мировой экономики, ставшее в современную эпоху глобальным, сопряжено с серьезными рисками. Основные из них – истощение невозобновляемых природных ресурсов и экологические катастрофы, которые в первую очередь связаны с увеличением частоты ураганов, засухи, наводнений, затоплений ряда прибрежных территорий за счет подъема уровня океана, снижением урожайности. Изучение энергоэкологических ограничений на глобальном уровне началось с первых исследований Римского клуба и создания моделей глобального развития. Данные модели включали в себя ресурсные и экологические показатели. Из предложенных возможных сценариев наиболее верным оказался инерционный сценарий, то есть за почти полвека после публикации первых докладов Римского клуба глобальное развитие продолжает идти в рамках намеченного тренда, а усилия мирового сообщества не привели к сколько-нибудь заметным улучшениям. Однако с этого времени появляется осознание необходимости экологического мышления для выживания всего человечества.

Глобализация, которая происходит в таких сферах мировой общественной жизни, как политика, экономика и финансы, в полной мере затрагивает и энергетику.

Одна из приоритетных задач, стоящих перед мировым сообществом, – создать систему глобальной энергетики, позволяющую без перебоев снабжать энергетическими ресурсами широкие слои населения во всем мире по ценам, которые будут экономически обоснованы; в долгосрочной перспективе обеспечивать стабильность мировых и региональных энергетических рынков; стремиться к полной экологической безопасности.

Активное энергопотребление является неотъемлемой частью развития мировой экономики. Растет потребность мирового хозяйства как в природных энергетических ресурсах, так и в нетрадиционных видах энергии.

Масштабы производств в отраслях энергетики ряда стран выросли в середине XX в., причем сохранилось неравномерное размещение основных производителей и потребителей энергетических ресурсов. Все это привело к тому, что международная торговля энергоресурсами резко выросла, сформировались межстрановые, региональные энергетические рынки, а по нефти – и мировой рынок [Коржубаев и др. 2006].

1970–1990-е гг. стали кризисными для мировой экономики и ее энергетического сектора в части перестройки сложившихся энергетических рынков. Первым был трансформирован нефтяной рынок с его монопольной структурой. Из-за масштабов его развития и диверсификации, интернационализации и последующей глобализации нефтяных операций произошел переход от монополии к конкурентной структуре в нефтяном бизнесе. Эта трансформация потребовала новых эффективных инструментов по его регулированию и современных механизмов по снижению рисков (включая инвестиционную деятельность в условиях роста капиталоемкости новых проектов).

Характер этих инструментов и механизмов стал менее политизированным и более соответствующим международным нормам хозяйственного права. Схожий сценарий наблюдается и на рынках других энергоресурсов (правда, с соответствующим запаздыванием).

Цель этих процессов – создать единый мировой энергетический рынок, существующий по единым правилам игры, основанный на принципах экономической конкуренции. Единая мировая система газоснабжения пока не сформирована.

Так как единая мировая система энергоснабжения отдельными энергоресурсами отсутствует, сроки, в которые региональные системы энергоснабжения откажутся от монопольной структуры организации рынка и перейдут к конкурентной, могут быть абсолютно разными [Байков, Безмельницына 2003: 44–52].

Сейчас мировую систему энергоснабжения формирует только нефтяной рынок. Рынки газа (в том числе рынок сжиженного природного газа) развиваются только в пределах региональных систем, они пока не достигли уровня интеграции региональных газовых сетей. В основном сейчас их развитие базируется (кроме стран Юго-Восточной Азии) на сетевом газе.

При этом у газового рынка достаточно мобильный характер, он отличается высокими темпами развития. Рынки газа США, Великобритании уже перешли к конкурентной структуре, аналогичные рынки формируются в Евросоюзе на базе «Европейской директивы по газу».

Развитие энергетики в США регулирует рынок, работа частных компаний всячески поощряется [Коржубаев 1998: 127–135]. Это позволяет развивать альтернативные источники энергии и чистые технологии. Благодаря расширению партнерства между частными компаниями появляются условия для новых прорывов на рынке.

Рынки отдельных энергоресурсов формируются различными темпами и с разными масштабами. Но существуют единые тренды в формировании энергетических рынков.

Основа одного из определяющих трендов – конкурентная организация в рыночном энергетическом пространстве. В 2000–2010-х гг. стало понятно, что невозможно выйти на современные уровни в энергопотреблении и энергопроизводстве (а это значит – обеспечить надежный, бесперебойный и эффективный уровень энергоснабжения), используя инструменты монопольного рынка.

Это привело к тому, что стратегия развития рынков, в основе которой лежит «энергетическая независимость», уступила место стратегии, базирующейся на «энергетической взаимозависимости» между основными игроками энергетических рынков.

Основные игроки: государства-потребители, страны-производители, крупнейшие энергетические и финансовые компании, различные международные институты – пришли к смене стратегических интересов и стратегии поведения.

По мере того как возрастало количество субъектов энергетического рынка, начала расти роль коллективных договоренностей между группами игроков. Цель таких соглашений – коллективный баланс интересов всех участников международных энергетических рынков, их основа – международное право.

Обострение конкуренции внутри энергетических рынков в условиях глобализации способствует тому, что расширяются международное взаимодействие и межгосударственное регулирование. Развитие единого энергетического рынка требует унификации правовых механизмов его регулирования (поскольку ВТО не действует на энергетических рынках).

В деле формирования общих «правил игры» возросла роль не только двусторонних договоров и соглашений, но и главным образом многосторонних догово-

ров. Пока они действуют в основном в отдельных регионах из-за технологических и экономических ограничений в развитии рынка одного из видов энергоресурсов. С выходом России на мировые энергетические рынки связано ускорение их структурных преобразований и правил, особенно это коснулось нефтяных рынков, газовых и нефтеперерабатывающих.

Европейский энергетический рынок особенно подвергся этим преобразованиям. Россией был активно обозначен стратегический курс, направленный на развитие широкой интеграции в энергетике, и фактически заданы тренды ее развития в различных направлениях. Цель российского бизнеса в сфере энергетики заключается в том, чтобы РФ стала глобальным игроком на энергетическом рынке. Россия должна больше уделять внимания долгосрочным вопросам своего присутствия на внешних рынках в условиях глобализации мировой экономики и энергетики.

В таких условиях наша страна может выступить как стабилизатор мирового энергетического рынка, так как другие нефтедобывающие регионы планеты слишком нестабильны. Для того чтобы выполнить эту функцию, Россия должна содействовать выработке мировой системы взаимных гарантий (речь идет как о поставках энергоносителей, так и о спросе на них).

Сейчас глобальная энергетическая безопасность сталкивается с угрозой роста энергопотребления, превосходящего предложение [Шохин 2006]. Для устранения этой угрозы на национальном уровне должна быть создана система, поощряющая инвестиции в ТЭК, которая стала бы стимулом иностранного инвестирования в области мировой энергетики.

Глобальная энергетика сталкивается с проблемами системного характера [Глобальная... 1985]. Среди них следующие проблемы:

а) расширяется масштаб энергетической системы, глобализируются энергетические рынки;

б) возникает угроза возникновения дисбаланса между растущим спросом и предложением, главным образом в нефтяной отрасли;

в) мировые нефтяные цены неустойчивы, завершается эпоха дешевых нефти и газа;

г) мировая энергетическая инфраструктура непропорциональна в связи с тем, что ресурсная база углеводородов сконцентрирована в районах, которые удалены от основных центров потребления (90 % мирового ВВП приходится на страны, импортирующие энергоресурсы);

д) растет риск природных и техногенных катастроф и аварий, причиной которых могут быть террористические акции и диверсии;

е) топливно-энергетический сектор экономики негативно влияет на окружающую среду;

ж) широкая энергетическая бедность (около 2 млрд человек на планете не могут пользоваться энергетическими ресурсами по техническим и экономическим причинам).

В 1972 г. в Стокгольме под эгидой ООН прошла Первая международная конференция по проблемам окружающей среды под девизом «Мыслить глобально, действовать локально». Итогом первой конференции послужила Программа ООН по окружающей среде [Программа ООН...], в рамках которой были реализованы проекты, связанные с исследованием ряда глобальных проблем.

В 1987 г. был опубликован доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее» [Доклад...], который положил начало

формированию концепции устойчивого развития. Позднее на этой базе была сформулирована и одобрена на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992 г.) общемировая (глобальная) стратегия развития цивилизации. Конференция способствовала превращению концепции устойчивого развития в приоритетный тренд разработки глобальных исследований.

Однако, несмотря на эти и последующие конференции, до сих пор не выработано единой стратегии или единого подхода к данной проблематике. Это означает, что энергоэкологические проблемы с каждым годом будут только усиливаться, а международная координация по их решению фактически не работает. Это связано с тем, что в мире есть как минимум две группы государств с разнонаправленными интересами – развитые и развивающиеся страны. В развитых странах ведется активная дискуссия о необходимости введения экологических стандартов, об энергоэффективных технологиях и альтернативной энергетике. В развивающихся главным на повестке дня стоит вопрос экономического развития с целью попасть в группу развитых, при этом энергоэкологическая проблематика отодвигается на второй план.

Так, например, Киотским протоколом установлено, что совокупный средний уровень 6 типов газов должен снизиться на 5,2 % [Пискулова 2006]. Самым действенным инструментом в рамках этого протокола является торговля эмиссионными квотами. То есть государства, обладающие лишними квотами на выброс парниковых газов, могут продавать их тем странам, которые превысили лимит выбросов. Так, квоты Украины купила Япония. Россия не стала в этом участвовать и продавать свои квоты, отложив данный вопрос на будущее.

Итак, экологический фактор в мировой энергетике играет сегодня важную роль. Но несмотря на то, что проблема экологии обсуждается и на международном, и на национальном уровнях, действия государств не являются достаточно эффективными. В рамках международного сообщества необходимо разработать новый документ о сотрудничестве стран в этой сфере, а национальным правительствам эффективнее реализовывать на практике принципы энергоснабжения и энергоэффективности: энергопотребление неуклонно растет, а доля альтернативных видов энергии остается невелика.

Мировая нефтяная и газовая промышленность обеспечены доказанными запасами до 2030 г. с перспективой продления этого срока до 2050 г. Извлекаемые ресурсы обеспечивают возможность значительного роста добычи природного газа в перспективе 50–60 лет, а для нефти – выхода на длительное плато. Положение с запасами и ресурсами нефти является существенно более напряженным, чем для природного газа. Переход к добыче неконвенциональных видов нефти приведет к существенному росту издержек, в то время как для природного газа рост будет более медленным, а в некоторых случаях издержки могут даже снижаться. Между тем для мировой нефтяной промышленности переход к неконвенциональным запасам является более близкой и острой проблемой. Следовательно, для мировой нефтегазовой промышленности действительно актуальной является не проблема физической нехватки ресурсов, а проблема роста издержек на их добычу из-за исчерпания легкоизвлекаемых и удобно расположенных запасов. Этот фактор будет усиливать напряженность в отрасли и стимулировать развитие других видов энергетике. Угольная отрасль не сталкивается с ресурсной проблемой. В атомной энергетике перспективы использования ресурсного потенциала решающим образом зависят от создания реакторов на быстрых нейтронах, позволяющих

щих использовать уран-238. Такой переход позволит использовать 99 % природных ресурсов урана и радикально поднять обеспеченность запасами с современного достаточно низкого уровня, но пока приходится сталкиваться со значительными техническими сложностями. Ресурсный потенциал возобновляемой энергетики очень велик, но возможности его использования ограничены существующим уровнем технологий. По мере их развития современная крайне низкая доля экономических ресурсов в общем потенциале будет быстро расти. Таким образом, все отрасли энергетики на современном технологическом уровне сталкиваются с определенными ресурсными проблемами. Технологический фактор является решающим для преодоления этих трудностей, особенно в возобновляемой энергетике.

На современном этапе потенциал развития государств и цивилизаций в значительной степени зависит от природно-экологических факторов:

- наличия и уровня использования важнейших видов природных ресурсов, необходимых для производства и жизнеобеспечения людей, прежде всего энергоресурсов;

- уровня и динамики загрязнения окружающей среды, вредных выбросов, включая парниковые газы и твердые бытовые и производственные отходы;

- природно-климатических условий, подверженности природным и антропогенным бедствиям, уровня экологической безопасности для жизни людей.

В течение тысячелетий природный фактор был одним из двигателей прогресса цивилизаций. Каждая новая его ступень опиралась на вовлечение в производство новых естественных производительных сил, обеспечивающих рост производительности труда. Но в современную эпоху природно-экологический фактор все более становится ограничителем экономического роста и социального прогресса:

- исчерпываются запасы многих видов природных ресурсов – минеральных, земельных, водных, лесных, их вовлечение в воспроизводство требует растущей массы и доли затрат труда;

- загрязнение окружающей среды в ряде стран и регионов достигло критического уровня, растут экологические угрозы;

- учащаются природные и техногенные катастрофы, увеличивая число жертв и приводя к растущим материальным потерям.

В условиях глобализации, с одной стороны, усиливается объем взаимной торговли продукцией добывающих отраслей и их влияние на жизнеобеспечение и экологию, с другой – становится все более очевидной дифференциация природно-экологических условий развития разных стран и цивилизаций.

Динамичный рост мировой экономики в XX столетии был обеспечен возможностью использовать легкодоступную и дешевую энергию органического ископаемого топлива – угля, нефти и газа.

Нефть стала кровью современной экономики, основой функционирования транспортной системы, обеспечивающей непрерывный рост мировой торговли. Каменный уголь и природный газ используются для выработки электричества и тепла, а также для приготовления пищи. Все это так же важно для жизни современной цивилизации, как и глобальная транспортная сеть.

В книге Р. Хейнберга «Конец роста» [Хейнберг 2013: 228] указывается, что начиная с 1970 г. рецессии в экономике случаются, когда цены на нефть достигают интервала 80–85 долларов за баррель с учетом инфляции или когда совокупная стоимость нефти для государства становится равна 5,5 % от ВВП. В фундаменталь-

ной работе «Цены на нефть: анализ, тенденции, прогноз» [Бушуев и др. 2013: 256] также отмечается, что допустимая доля затрат на покупку нефти в мировом ВВП должна быть в пределах 5 %. С другой стороны, нефтеемкость мировой экономики стабильно снижается как в развитых, так и в развивающихся странах. А это приводит к тому, что экономика легче приспосабливается к высоким ценам. Действительно, в настоящее время затраты мировой экономики на нефть находятся на уровне 5 % при ценах 100–110 долларов/баррель, тогда как в 1980 г. при таких же сравнительных ценах затраты были на уровне 7 % мирового ВВП [Там же: 50–51]. Утверждается также, что «возможности роста цен нефти» иссякают, как только доля расходов на энергию в ВВП превышает 10–11 % [Там же: 255].

С учетом уникальной роли нефтяного ресурса в экономике высокие цены на нефть не только сбивают спрос, они подрывают экономику в целом. Так было, например, в ходе первого нефтяного ценового шока 1973–1974 гг., вызванного четырехкратным повышением цен. Тогда доля затрат на потребление нефти в мировом ВВП выросла с 1 % до 4 %. Но в то время даже развитые государства не были готовы к перестройке своих экономик с расточительной модели энергопотребления к энергоэффективной модели. Результатом стал мировой экономический кризис 1975–1976 гг.

Именно в это время в развитых странах была запущена масштабная программа по разработке и применению энергосберегающих технологий, а также повышению эффективности использования энергии конечными потребителями. Она дала очень быстрый и масштабный результат. Действительно, когда в 1979–1980 гг. произошел второй нефтяной ценовой шок, вызванный пятикратным повышением цен до 41 долларов/баррель, и доля затрат на потребление нефти подскочила до исторического максимума, превышающего 7 % от ВВП, мировая экономика выстояла. Спрос на нефть и соответственно цены на нее начали снижаться, и последующие два десятилетия (1982–2002 гг.) цены на нефть колебались в комфортных для экономики пределах – 15–25 долларов/баррель, а доля затрат на нефть в мировом ВВП сохранялась на уровне 2 %. Однако в 2003 г. начался спекулятивный рост цен, что привело в 2008 г. к новому историческому максимуму – 147 долларов/баррель, а доля нефти в ВВП снова поднялась до 5 %. Тогда практически все развитые экономики стран ОЭСР рухнули. Спрос на нефть упал, что привело к резкому падению цен до 32 долларов/баррель уже к концу 2008 г. Затем цены на нефть поднялись и с середины 2009 г. по конец октября 2010 г. цена нефти марки Brent колебалась в диапазоне 70–90 долларов/баррель, который считался комфортным как для производителей, так и для потребителей нефти.

После мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. страны – члены ОЭСР интенсифицировали практические меры по внедрению технологий, способствующих энергосбережению и повышению энергоэффективности производства. Так, например, с 2007 по 2010 г. они снизили потребление жидкого топлива с 49,5 до 45,4 млн баррелей в день. Но эта тенденция компенсируется ростом спроса со стороны развивающихся стран. В результате спрос на нефть стабилизировался. Последовавший в 2011 г. спекулятивный всплеск цен до 115–120 долларов/баррель показал, что это уже ложится неподъемным грузом на экономики большинства развитых и развивающихся стран, сдерживая экономический рост.

Что же касается добычи нефти, она достигнет своего пика предположительно в 2020–2030-е гг. [Плаkitкин 2012: 80–83], а затем будет медленно снижаться

в течение всего XXI в. Доказанные запасы нефти составляют 150–180 млрд т, притом что к 2006 г. уже было добыто около 152 млрд т [Велихов и др. 2008: 12]. Доказанные мировые запасы угля превышают 900 млрд т. При нынешнем уровне добычи человечеству их хватит более чем на 200 лет. Доказанные запасы газа составляют 180 трлн м³, тогда как до сегодняшнего времени во всем мире добыто около 90 трлн м³. Имеющихся запасов газа хватит на 100 лет [Там же].

Смогут ли другие источники энергии заменить ископаемое органическое топливо? Вот какой ответ на этот вопрос дает уже упомянутый Р. Хейнберг: «Полная замена энергии, в настоящее время вырабатываемой из ископаемого топлива, энергией альтернативных источников, вероятно, невозможна в краткосрочной перспективе. Нереально ожидать этого даже в долгосрочной перспективе» [Хейнберг 2013: 162]. Действительно, эффективных заменителей нефтепродуктам сегодня и в ближайшие десятилетия не предвидится. Для того чтобы индустриальное общество могло успешно развиваться, ему нужны первичные источники энергии с минимальной энергетической рентабельностью 10:1. В свои лучшие времена нефть давала энергетическую рентабельность порядка 100:1, а, например, такой заменитель нефти, как биотопливо, имеет энергетическую рентабельность порядка 1:1 [Там же: 214]; поэтому оно может заменять нефть только в экстренных случаях, но не систематически.

Таким образом, ожидать падения спроса на нефть в обозримом будущем не приходится. Скорее всего, уровень потребления стабилизируется, вероятен даже локальный рост в случае ускорения экономического роста в ряде растущих экономик.

Глобальной тенденцией является рост потребления энергии – как абсолютно, так и на душу населения. За 21 год потребление энергии в мире выросло на 48 %, на душу населения – на 14 %. Это сопровождалось опережающим ростом выбросов двуоксида углерода (CO₂) в атмосферу – на 51 %, на душу населения – на 17 %. Лидерами здесь являются Китай и Индия, увеличившие выбросы CO₂ соответственно в 3,4 раза и в 2,9 раза. В то же время Германия сумела снизить выбросы CO₂ за тот же период на 20 %.

Учитывая, что ископаемое топливо (а оно занимает более 80 % в мировом балансе потребления энергии) невозобновляемо, его добыча, переработка и транспортировка обходятся все дороже, в перспективе (до середины XXI в.) вырисовываются контуры глобальной энергетической катастрофы: истощение извлекаемых запасов нефти и истощение наиболее богатых месторождений газа, сокращение добычи и потребления энергоресурсов, их дальнейшее удорожание, энергетический голод во все большем числе стран и цивилизаций.

Энергетическая катастрофа дополнится экологической. В результате роста выбросов парниковых газов, освоения энергоресурсов Арктики и шельфа морей, изменения климата и таяния ледников в Арктике и Антарктиде нарастает опасность повышения до критического уровня температуры, подъем уровня Мирового океана и затопление прибрежных городов.

Все это свидетельствует о необходимости выработки и реализации глобальной долгосрочной энергоэкологической стратегии, способной переломить крайне опасные тенденции.

В странах БРИКС объем потребления энергии (4620 млн т н. э.) несколько меньше объема производства (4700 млн т н. э.), что дает возможность самообес-

печения энергией за счет внутренних взаимных поставок. В то же время по «Группе семи» объем потребления энергии (3625 млн т н. э.) на 36 % превышает объем производства (2667 млн т н. э.), что требует значительного объема импорта энергии. В результате закрытия АЭС Германии и Японии дефицит энергии возрастет. Перекрыть его за счет увеличения добычи сланцевого газа вряд ли реально, тем более что это связано с нарастанием экологических угроз. Поэтому позиции БРИКС на мировом энергетическом рынке будут укрепляться.

Восходящая дюжина выступает как чистый экспортер энергии, особенно Россия (80 % к собственному потреблению энергии), Индонезия (89 %), Иран (67 %), Вьетнам (9 %) и Мексика (23 %). В то же время некоторые страны являются чистыми импортерами энергии (Индия – 28 %, Китай – 11 %, Республика Корея – 82 %, Турция – 71 %), причем импорт будет нарастать. Сейчас эта группа стран лучше обеспечена энергетическими ресурсами. Значительные объемы мировой природной ренты получают Россия, Индонезия, Иран, Вьетнам. Однако в перспективе, при опережающих темпах экономического роста и исчерпанию лучших месторождений, масштабы экспорта энергии и ренты будут сокращаться, а потребность в импорте – нарастать. Поэтому данные страны не меньше, чем страны первой группы, заинтересованы в освоении энергосберегающих, экологически чистых технологий, в разработке и реализации направленной на это долгосрочной энергоэкологической стратегии, в том числе при освоении энергоресурсов Арктики. В этом основа для глобального энергоэкологического партнерства двух групп стран.

Международная торговля природными ресурсами является источником мировой природной ренты, которая в 2012 г., по расчетам Всемирного банка, достигла 5,1 % мирового ВВП (3 трлн 718 млрд долларов), в том числе нефтяная рента – 3,2 %, газовая – 0,4 %, угольная – 0,4 %, горнорудная – 0,7 %, лесная – 0,3 %. Россия, Бразилия и ЮАР получают значительный ресурс развития за счет поступлений мировой ренты. В то же время нужно учитывать, что запасы минеральных ресурсов невозобновляемы и необходимо проводить более активную политику ресурсосбережения и сокращения загрязнения окружающей среды с учетом интересов будущих поколений.

Итак, развитие мировой энергетики порождает комплекс экологических проблем, которые могут носить как глобальный, так и локальный характер. Они оказывают все возрастающее воздействие на развитие мировой энергетики. В 2020–2050-х гг. экологические проблемы могут стать центральными в системе государственного регулирования энергетики.

По нашему мнению, при анализе и моделировании энергоэкологических проблем целесообразно разделять страны на развитые и развивающиеся. Использование современных статистических данных позволит выявить связи между различными показателями, связанными с энергоресурсами и экологией, а также найти возможные пути решения энергоэкологических проблем глобального развития.

Прежде всего необходимо рассмотреть общие тенденции динамики выбросов CO₂ по категориям стран, которые использует Всемирный Банк: страны с низким средним уровнем доходов, страны с высоким средним уровнем доходов, страны с высоким доходом, но не члены ОЭСР, страны с высоким доходом – члены ОЭСР и мир в целом (см. рис. 1).

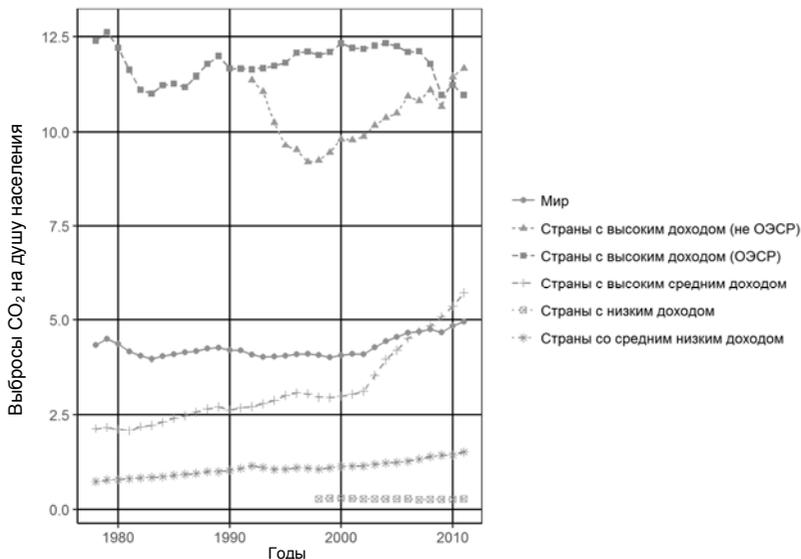

Рис. 1. Динамика выбросов CO_2 на душу населения в год (отн. ед.) по различным категориям стран (по базе данных World Bank), 1978–2011 гг.

Как видно на рис. 1, на протяжении всего рассматриваемого периода самый большой вклад в загрязнение нашей планеты делают страны с высоким доходом. Однако на протяжении последних 7 лет страны со средним доходом сделали существенный скачок по этому показателю (рост 130 % за 7 лет).

На рис. 2 и 3 в дополнение к данным, представленным на рис. 1, приведены данные по отдельным странам.

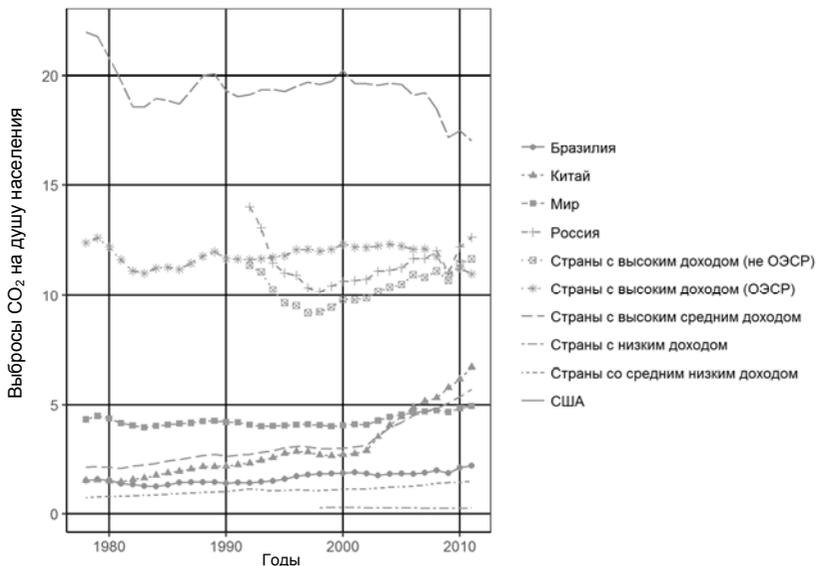

Рис. 2. Динамика выбросов CO_2 на душу населения в год (отн. ед.) по отдельным странам и категориям стран (по базе данных World Bank), 1978–2011 гг.

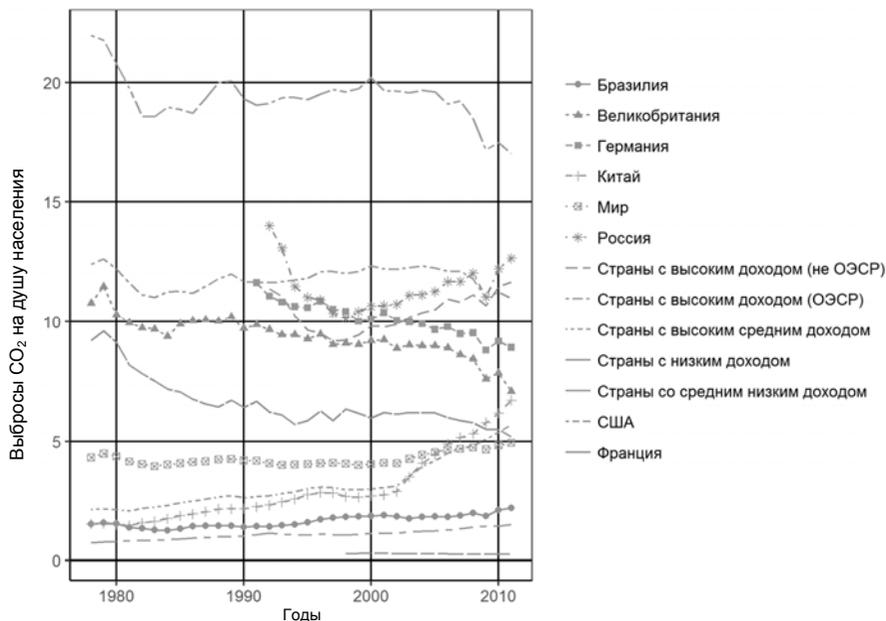

Рис. 3. Динамика выбросов CO₂ на душу населения в год (отн. ед.) по отдельным странам и категориям стран (по базе данных World Bank), 1978–2011 гг.

Примечательно, что США и Великобритания, судя по графикам, уже начали переход на энергосберегающие и экологичные производства, в то время как другие страны, например КНР и РФ, продолжают осуществлять экономический рост экстенсивными методами, что прямым образом влияет на загрязнение планеты.

На следующем шаге было проверено, какие из следующих факторов: ВВП на душу населения¹, энергопотребление на душу населения², электропотребление на душу населения³, численность населения⁴, конечные расходы домашних хозяйств⁵ – непосредственно влияют на выбросы углекислого газа⁶ по различным категориям стран. В качестве основного метода тестирования использовался классический линейный корреляционный анализ. Анализировались данные за 1978–2011 гг. Результаты анализа представлены на рис. 4–7.

¹ World Bank. World Development Indicators Online. Washington, DC: World Bank [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/GDP.per.capita> (дата обращения: 24.03.2016).

² World Bank. World Development Indicators Online. Washington, DC: World Bank [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/EG.USE.PCAP.KG.OE> (дата обращения: 24.03.2016).

³ World Bank. World Development Indicators Online. Washington, DC: World Bank [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/EG.USE.ELEC.KH.PC> (дата обращения: 24.03.2016).

⁴ World Bank. World Development Indicators Online. Washington, DC: World Bank [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL> (дата обращения: 24.03.2016).

⁵ World Bank. World Development Indicators Online. Washington, DC: World Bank [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NE.CON.PRVT.PC.KD> (дата обращения: 24.03.2016).

⁶ World Bank. World Development Indicators Online. Washington, DC: World Bank [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/EN.ATM.CO2E.PC> (дата обращения: 24.03.2016).

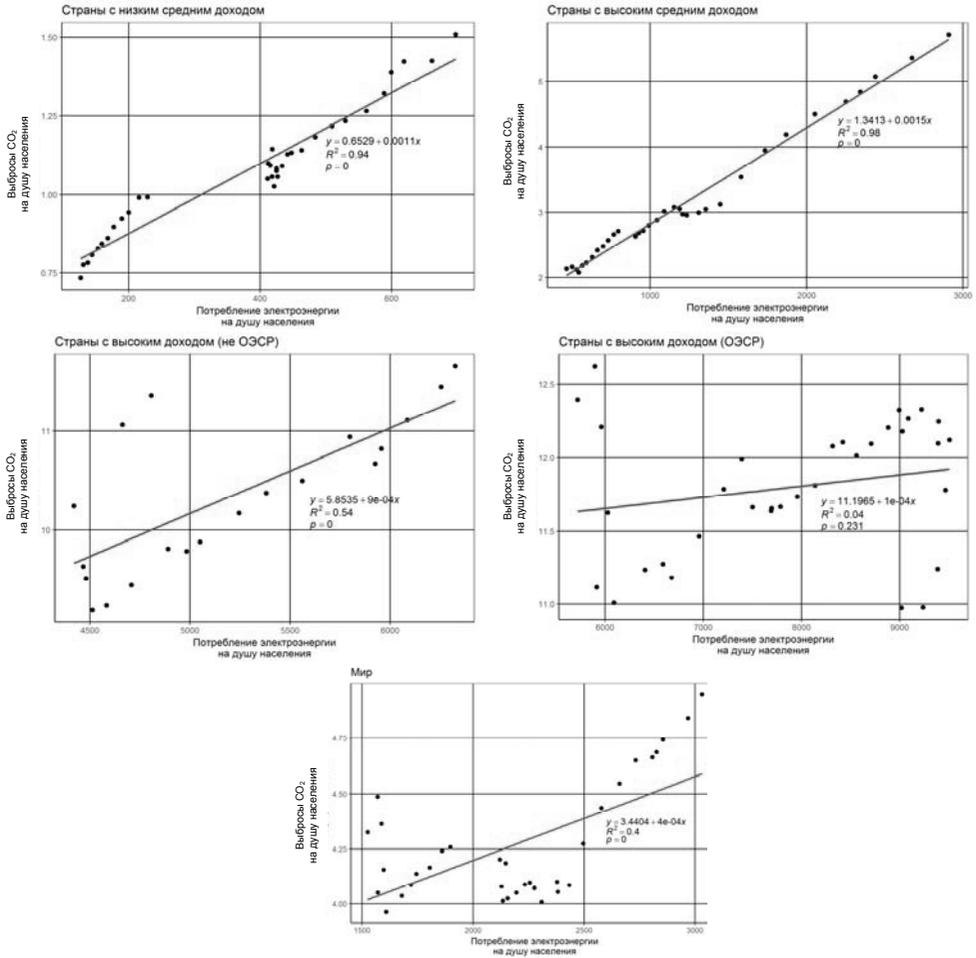

Рис. 4. Корреляции между средним значением потребления электроэнергии на душу населения в год (кВт·ч) и средним значением выбросов CO₂ на душу населения в год (тонн) по странам с различным уровнем доходов (по базе данных World Bank, 1978–2011 гг.). Диаграмма рассеивания с наложенной линией регрессии

Из рис. 4 видно, что зависимость между потреблением электроэнергии и выбросами CO₂ увеличивается по нарастающей до категории стран со средним уровнем дохода, включая ($R^2 = 0,98$), и постепенно снижается, доходя до уровня статистически незначимого влияния ($R^2 = 0,04$).

Аналогичная ситуация при рассмотрении потребления энергии на душу населения как фактора, оказывающего влияние на выбросы CO₂ (рис. 5).

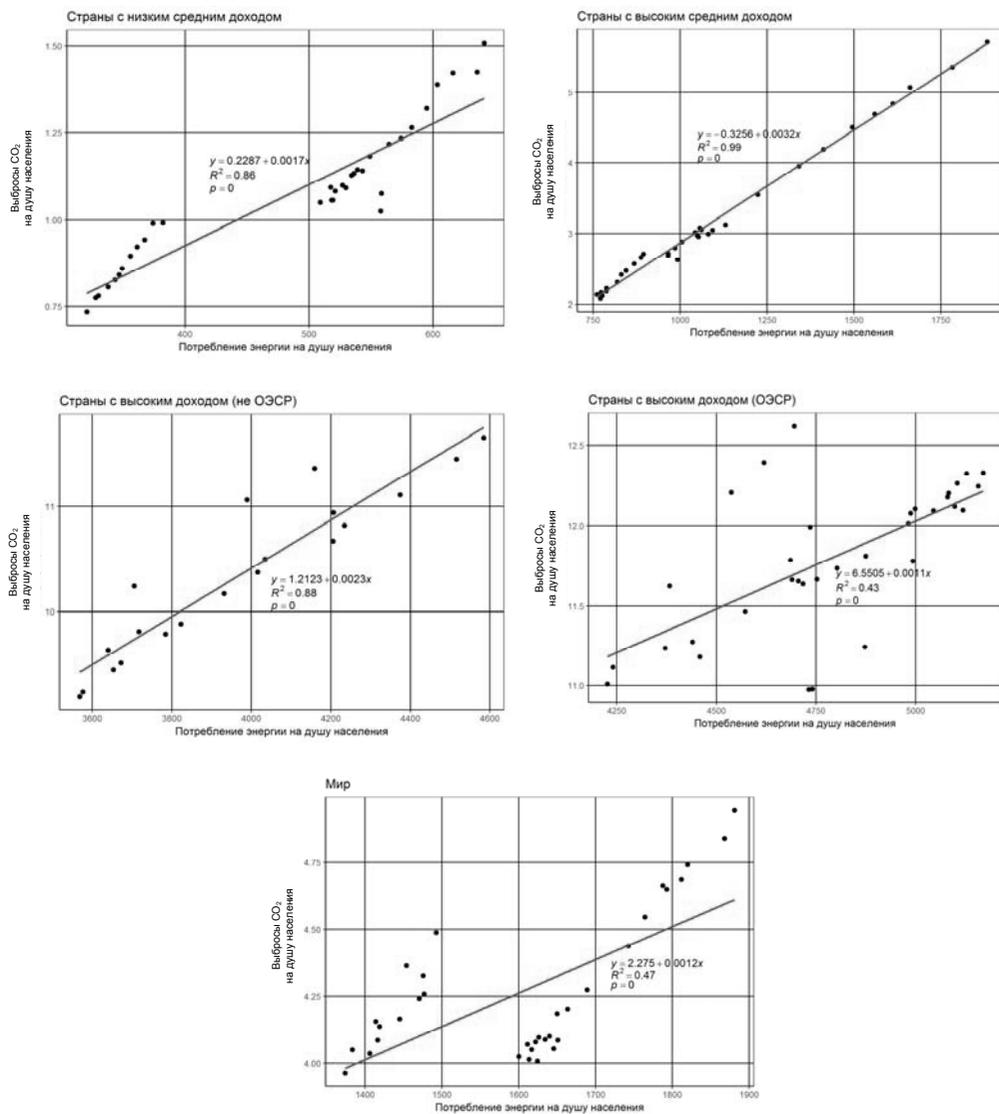

Рис. 5. Корреляции между средним значением потребления энергии на душу населения за год (кг в нефтяном эквиваленте) и средним значением выбросов CO₂ на душу населения в год (тонн) по странам с различным уровнем доходов (по базе данных World Bank, 1978–2011 гг.).
 Диаграмма рассеивания с наложенной линией регрессии

На рис. 6 представлены данные о связи уровня доходов населения с выбросами CO₂.

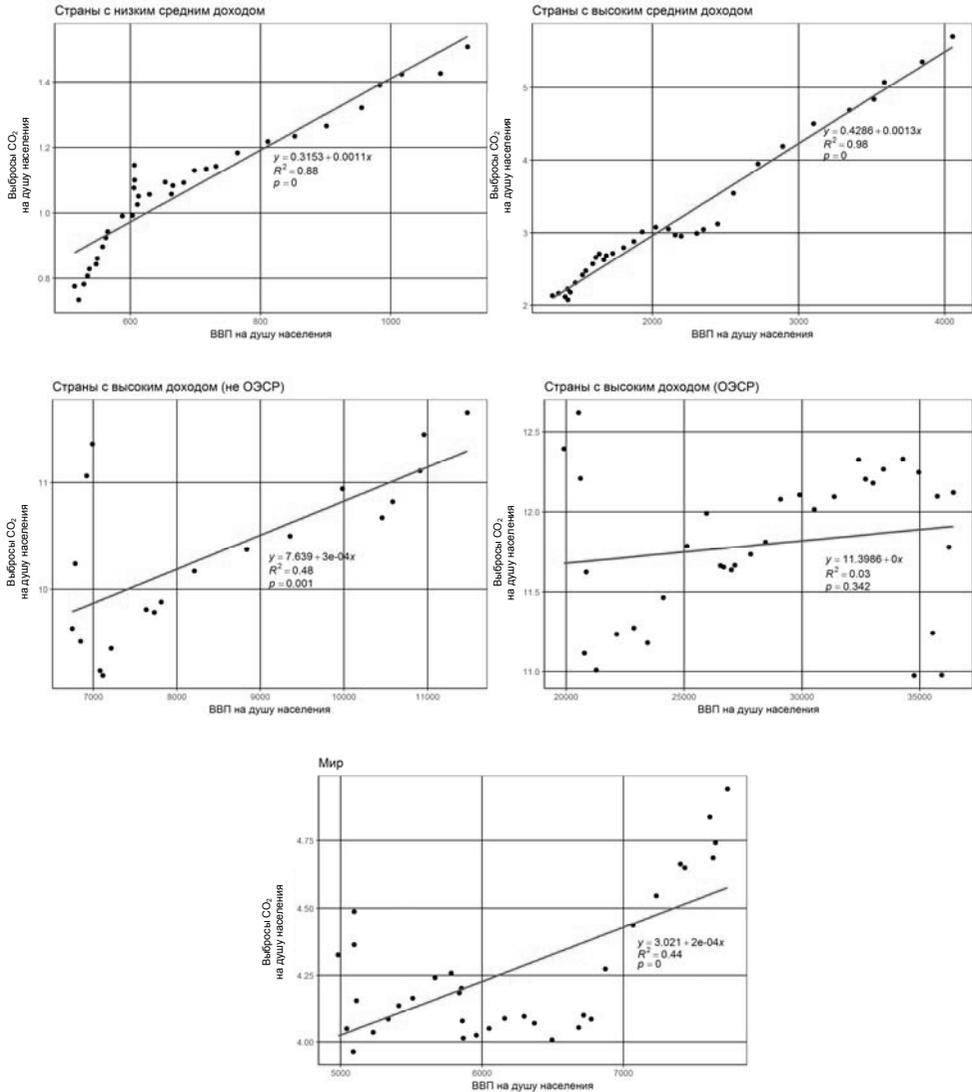

Рис. 6. Корреляции между средним значением ВВП на душу населения (доллары США) и средним значением выбросов CO₂ на душу населения в год (тонн) по странам с различным уровнем доходов (по базе данных World Bank, 1978–2011 гг.).

Диаграмма рассеивания с наложенной линией регрессии

Альтернативной гипотезой может послужить допущение, что количество населения, а не ВВП на душу населения оказывается ключевым фактором, влияющим на выбросы CO₂ (рис. 7).

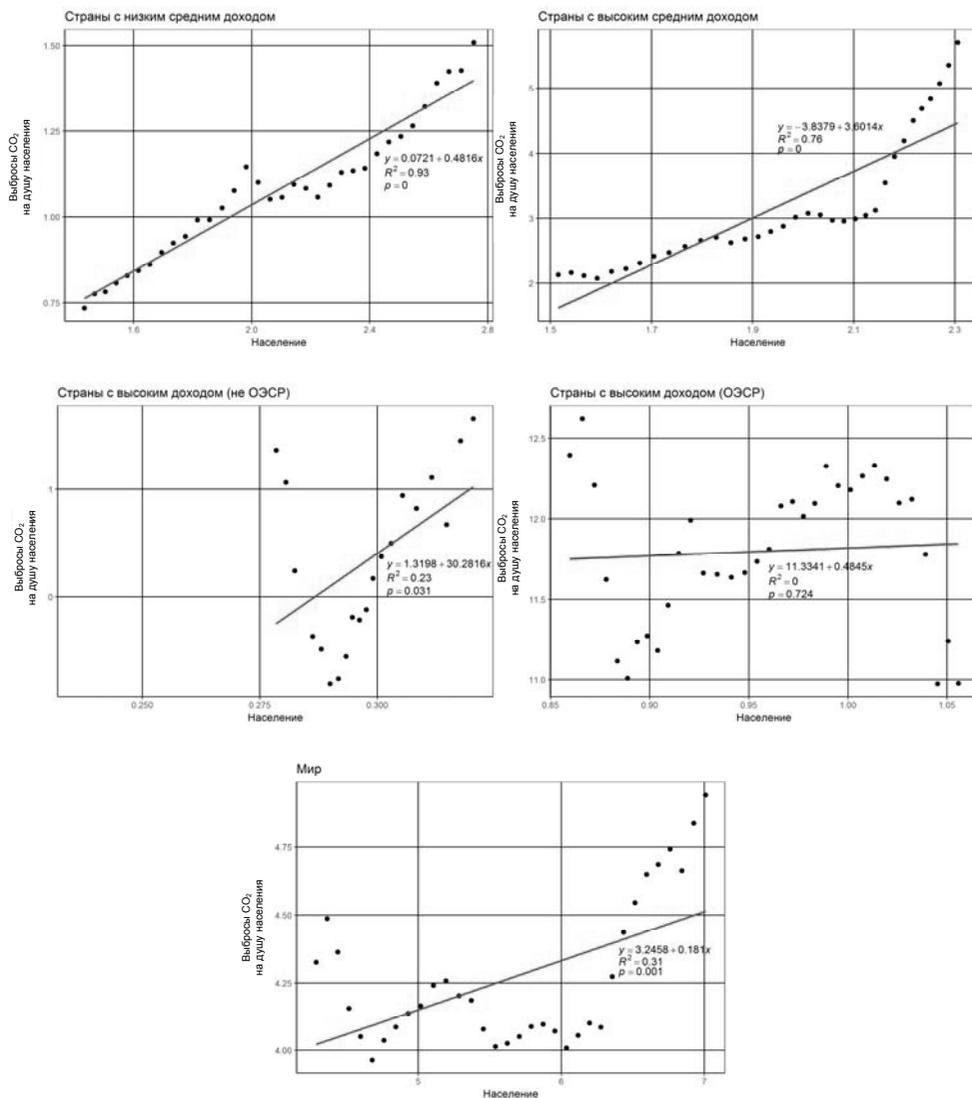

Рис. 7. Корреляции между средним значением населения (млрд человек) и средним значением выбросов CO₂ на душу населения в год (тонн) по странам с различным уровнем доходов (по базе данных World Bank, 1978–2011 гг.).

Диаграмма рассеивания с наложенной линией регрессии

Как показывает рис. 6, численность населения является значимым фактором только для категории стран с низким средним доходом.

Итак, приведенные на рисунках данные позволяют сделать следующие выводы:

– в странах с низкими и средними доходами экономический рост, повышение уровня жизни населения сопровождаются увеличением выбросов CO₂ на душу населения. Это отражает тот факт, что в данных странах экономическое развитие ведется в основном экстенсивным образом, на основе расширения индустриаль-

ного производства, повышения общего энергопотребления, ведущего к повышению экологического давления на окружающую среду. Ухудшение экологии является в этих странах ценой, которую они платят за экономическое развитие;

– в странах ОЭСР с высокими доходами (особенно в США и Великобритании) экономическое развитие сопровождается снижением выбросов CO₂ на душу населения. Это отражает тот факт, что данные страны, с одной стороны, активно внедряют энергосберегающие технологии (особенно интенсивно это внедрение происходило в конце 70-х – начале 80-х гг. во время энергетического кризиса, а также в последнее десятилетие), с другой стороны, смещают приоритеты с развития промышленного производства на развитие сферы услуг, осуществляя переход от индустриального к постиндустриальному обществу.

Таким образом, в настоящее время возникла противоречивая ситуация. Действительно, развивающиеся страны нуждаются в увеличении темпов экономического роста и повышении доходов населения, но их усилия в этом направлении объективно приводят к увеличению выбросов CO₂ и нарастанию экологических проблем. В свою очередь, развитые страны ОЭСР, используя передовые технологии, активно развивают экологичные производства на своей территории, переводя «грязные» производства в периферийные страны. Поэтому введение жестких экологических стандартов объективно сыграет на руку развитым странам, поскольку создаст дополнительные ограничения для развивающихся стран. Это ставит перед развивающимися странами важную и сложную задачу освоения, внедрения и развития современных технологий, обеспечивающих энергосбережение и снижающих экологическую нагрузку на окружающую среду, при сохранении высоких темпов экономического роста.

Литература

Байков В. С., Безмельницына Г. В. Мировое потребление и производство первичных энергоресурсов // *Мировая экономика и международные отношения*. 2003. № 5. С. 44–52.

Бушуев В. В., Конопляник А. А., Миркин Я. М. *Цены на нефть: анализ, тенденции, прогноз*. М. : Энергия, 2013.

Велихов Е. П., Гагаринский А. Ю., Субботин С. А., Цибульский В. Ф. *Эволюция энергетики в XXI веке*. М. : ИздАт, 2008.

Глобальная энергетическая проблема / отв. ред. И. Д. Иванов. М. : Мысль, 1985.

Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf> (дата обращения: 05.07.2016).

Коржубаев А. Г. Государственное регулирование по-американски // *ЭКО: Экономика и организация промышленного производства*. 1998. № 2. С. 127–135.

Коржубаев А. Г., Миловидов К. Н., Эдер Л. В. *Нефтегазообеспечение глобальной экономики: учеб. пособие*. М. : Центрилитнефтегаз, 2006.

Пискулова Н. А. *Киотский протокол: возможности для России*. М. : МГИМО, WWF России, 2006.

Плакиткин Ю. А. *Закономерности инновационного развития мировой экономики. Энергетические уклады XXI века*. СПб. : Реноме, 2012. С. 80–83.

Программа ООН по окружающей среде [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ga/ua/ua/> (дата обращения: 05.07.2016).

Хейнберг Р. Конец роста. Новая экономическая реальность. М. : Книжный клуб «Книговек», 2013.

Шохин А. Выступление на Международной конференции по энергетической безопасности. М., 2006.

World Bank. World Development Indicators Online. Washington, DC: World Bank. [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/GDP.per.capita.constant.usd> (дата обращения: 24.03.2016).

World Bank. World Development Indicators Online. Washington, DC: World Bank. [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/EG.USE.PCAP.KG.OE> (дата обращения: 24.03.2016).

World Bank. World Development Indicators Online. Washington, DC: World Bank. [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/EG.USE.ELEC.KH.PC> (дата обращения: 24.03.2016).

World Bank. World Development Indicators Online. Washington, DC: World Bank. [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL> (дата обращения: 24.03.2016).

World Bank. World Development Indicators Online. Washington, DC: World Bank. [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NE.CON.PRVT.PC.KD> (дата обращения: 24.03.2016).

World Bank. World Development Indicators Online. Washington, DC: World Bank. [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/EN.ATM.CO2E.PC> (дата обращения: 24.03.2016).

РОДОВОЕ И ВИДОВЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭКОЛОГИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФИЛОСОФИИ

Салихов Г. Г.*

В статье рассматриваются проблемы философского определения термина «экология» в различных его формах. Экология, как природа или дом вокруг нас, подразделяется на роды, виды и отдельные предметы или объекты. Во всем есть начала и причины, в проблемах экологии они также присутствуют тем или иным образом. Ухудшение экологической ситуации может происходить по различным причинам, включая естественные, искусственные и непредвиденные. Для возникновения экологической проблемы в отдельных случаях необходимо изменение в структуре и содержании материи. Экологическая ситуация в мире на современном этапе меняется с непредвиденной быстротечностью. Многие регионы и государства пребывают на пороге экологической катастрофы. Россия, в частности, также не может быть причислена к первой десятке стран с максимально благоприятными экологическими условиями.

Ключевые слова: экология, род, вид, элемент, сущность, движение, цель, начала, причины, форма, содержание.

The article deals with the problems of philosophical definition of the term ecology in its various forms. Ecology, like nature or the house around us, is divided into genera, species and individual objects or objects. In all, there are origins and reasons, in environmental problems they are also present in one way or another. The deterioration of the ecological situation can occur for various reasons, including natural, artificial and unforeseen. For the emergence of an environmental problem, in some cases, a change in the structure and content of matter is necessary. The ecological situation in the world at the present stage changes with unforeseen transience. Many regions and states are on the verge of an ecological catastrophe. Russia, in particular, also can not be ranked among the top ten countries with the most favorable environmental conditions.

Keywords: ecology, genus, species, element, essence, movement, purpose, origin, causes, form, content.

Общепринято, что термин «экология» воспринимается как дом, в котором мы живем. В узком смысле понятие «дом» стоит понимать как место, ограниченное пространство пребывания человека, в широком смысле – как взгляд на внешний простор, на округу, на мир в целом. Экологию можно подразделять на несколько уровней, видов или форм, помимо общего понятия экологии как всего, что нас окружает. Это может быть отдельно обозначено как экология природы, земли, воды, воздуха, космоса, человека, состоящих в единстве. Рассматривая вопрос

* Салихов Гафур Губаевич – д. ф. н., профессор Башкирского государственного университета (г. Уфа).
E-mail: gafur_salih@mail.ru.

взаимоотношений природы и человека, Х. А. Барлыбаев пишет: «Нынешние конкретные глобализационные процессы, подводящие к изложенному выводу, определяют необходимость рассмотрения взаимосвязей человека с окружающей средой, исходя из отношений в масштабе всего человечества как единой системы и земной природы как целостности. Далее возникает необходимость рассмотрения как единой системы всей земной и околоземной природной среды вместе с человечеством, а затем и всего мироздания вместе с Землей и всеми ее обитателями. Таким образом, с точки зрения философской антропологии можно выделить своеобразную “матрешечную” структуру мироздания: человек – человеческие сообщества – человечество в целом – биосфера земли вместе с человечеством – структура планеты Земля – околоземное окружение – Солнечная система – космос – Вселенная – мироздание в целом. Как видно, исходным внутренним элементом в данной структуре выступает человек» [Барлыбаев 2009].

Если разделить экологию на роды, тогда можно говорить об экологии растительного мира, животного мира, физического мира. Родовые понятия делятся на отдельные видовые определения. Так, например, видовыми различиями в экологии растительного мира будут экологии леса, деревьев, травяного покрова. В экологии животного мира выделяются виды или формы экологии человека, диких животных, пресмыкающихся. Экология физического мира делится на виды экологии самых первых простых элементов, находящихся у истоков природы, – это Солнце, Земля, вода, воздух. Родовые понятия экологии делятся на видовые определения, которые, в свою очередь, предполагают экологию отдельного представителя вида или единичного элемента. Род по отношению к виду первичен по происхождению, вид, в свою очередь, первичен по отношению к отдельному объекту. Однако по бытию отдельный объект первичен по отношению к виду, а вид первичен к роду. Род высказывается о виде, но сам не входит в вид. Вид высказывается об отдельном представителе вида, но не входит в него. Отдельный представитель вида входит в общий вид, но он не высказывается о виде и ничего не включает в себя. Вид входит в отдельный род, но не высказывается о роде. Род никуда не входит и о нем ничто не высказывается, если допускается высказывание, то лишь по аналогии. В такой последовательности и множественности можно рассматривать с философской позиции вопрос экологии и ее проблем.

Экология как природа, дом, как место обитания человека в узком и широком смысле может создаваться в нескольких случаях: по природе (естественно), искусственно и как получится, случайно. Для всего этого должны быть начала, причины и элементы. Для естественного, что создается по природе, должно быть все естественное – и начало, и причина, и элементы. Для искусственного должно присутствовать вмешательство человека. Для создания по схеме «как получится» характерен исход при движении к общим принципам либо к нескольким неопределенным или равнозначным целям. Случайное возникает тогда, когда при движении к одной определенной цели результат неожиданно выходит к непредвиденной конечной черте. Каковы же проблемы экологии в современную эпоху? Отвечая на этот вопрос, следует придерживаться ранее высказанного принципа. Ухудшение экологии может происходить в первом случае само по себе, по природе. Причин для этого может быть достаточно много. Это выбросы вулканических извержений, различные факторы из жизни животного мира, влияние космоса, солнечных лучей, глобальное потепление и пр. По последнему из факторов

А. Б. Вебер писал: «К настоящему времени мировым научным сообществом получены неопровержимые доказательства векового тренда глобального потепления, которое служит индикатором изменения климата на Земле. За последние сто лет приземная температура атмосферы повысилась на 0,74 °С. Средняя температура в Северном полушарии во второй половине XX в. была выше, чем за любой 50-летний период в последние 500 лет и, вероятно, самой высокой в последние 1300 лет» [Вебер 2008].

Н. Г. Привалов пишет: «С 1982 по 1988 г. температура поверхностных вод Мирового океана повышалась ежегодно на 0,1°, а за последние 15 лет повысилась на 2°. Итальянские ученые-океанографы в марте 2005 г. сообщили, что температура поверхности воды средиземноморского бассейна поднимается ежегодно на 0,75°, в то время как поверхность всех остальных морей и океанов нагревается за тот же период на 0,15°. За последние 9 лет скорость таяния ледников Гренландии возросла почти в три раза. Эти темпы близки к темпам роста числа катастрофических землетрясений – за последние 9 лет частота катастрофических землетрясений возросла более чем в 3,5 раза. Глобальное истощение озона над экваториальными и среднеширотными областями в годы низкой солнечной активности приводит к дополнительному нагреву огромных масс воды как в Тихом, так и Атлантическом океанах. Даже в Северном Ледовитом океане средняя скорость потепления глубинных вод за счет атлантического слоя выросла почти в четыре раза за 20 лет. Отмечается сильная положительная аномалия поверхностных вод в северных широтах вблизи берегов Западной Европы, например осенью 2002 г. на 2° и более (в низких широтах в районе Гвинейского залива аномалия тоже составила 2–3°). В. В. Пономарь считает, что войны в Югославии, Ираке, Афганистане привели к резкому росту темпов глобального потепления климата, к резкому истощению озонового слоя в Европе, усилению стихийных бедствий и даже к усилению и учащению землетрясений. Аномально быстрое таяние льдов в Антарктике, Арктике и Гренландии стало причиной усиления катастрофических землетрясений. В Интернете был размещен проект отчета I рабочей группы IPCC, которая занимается изучением научных физических оснований климатических изменений. В отчете сообщается, что температура может подняться на 2–4,5 °С, когда уровень двуокси углерода в атмосфере вдвое превысит доиндустриальный уровень, но указано, что 3° – “наиболее вероятный показатель” таких изменений. Повышение температуры на 3 °С – это тот уровень, при котором произойдут опасные климатические изменения» [Привалов 2009]. Во всем этом нет явно прямого человеческого вмешательства в ухудшение экологии.

Второе, что создает серьезную угрозу экологии, – это искусственное возникновение проблемы в результате человеческой деятельности. Данные факторы известны всем. Конечно, никто не стремится создавать искусственно экологическую проблему. Она возникает сама по себе и случайно при стечении обстоятельств вслед многонаправленной ориентации в жизнедеятельности населения Земли. В основном это результат техногенной цивилизации человечества, экстенсивно расширяющейся в пределах теории относительности и интенсивно углубляющейся в область квантовой физики и механики. Прежде всего в науке следует рассмотреть начала, причины, элементы, с которых начинается отсчет экологических проблем, способных привести к катастрофе на Земле. Природа борется против отрицательных результатов техногенной цивилизации и противостоит им, у нее

может оказаться множество рецептов в решении этой проблемы и сохранении самой себя. Они могут проявляться от одной крайности к другой, от самых простых, вроде бы безобидных, до предельно суровых и жестких для человека. Поэтому следует различать экологическую проблему по возникновению и по бытию. В первом случае по возникновению прежде всего находятся элементы природы (воздух, вода, земля, огонь). Это важная составляющая в теории и на практике, ведь элементы возникают первыми и разрушаются последними. С их разрушением наступает полная катастрофа, экология проходит точку невозврата к своему прежнему состоянию, субстрат материи встает перед уничтожением. Это и есть по теории философии прохождение полного цикла возникновения и уничтожения. В данном случае мы не ведем речь о простых и сложных элементах, о простых и сложных материях, которые нельзя обойти в исследованиях науки физики.

Вторые по возникновению – причины всего, что есть после элементов. Они складываются в результате движения элементов под внутренними или внешними воздействиями. Причины экологических проблем возникают, в таком случае, вследствие начальной стадии разрушения элементов природы, воздуха, воды, земли. Причина является одним из факторов всего, что имеет начало и конец, возникновение и уничтожение. Она обладает способностью провоцировать начало движения, в то же время оставаясь сама по себе в состоянии без движения. Поэтому если есть причина – есть начало, нет причины – нет начала.

Что же такое начало? Это то, с чего начинается что-либо; причин много, начало – одно. Причины и начала нередко могут совпадать и накладываться друг на друга. Тогда становится нелегко различить и разделить, где причина и где начало. Например, где могут быть причины и начала одними и теми же в проблеме экологии? Берем, к примеру, атмосферу Земли. Сошлемся на аксиому, что причиной ухудшения состава воздушной массы являются выбросы отходов человеческой деятельности. Тогда началом заметного ухудшения воздуха становится техногенная цивилизация, сопровождаемая этими самыми чрезмерными выбросами отходов человеческой деятельности. Таким образом, какую бы область экологии мы ни затрагивали, везде все имеет отношение к причинам и началам. Однако сами по себе эти причины и начала становятся лишь понятиями, если они рассматриваются без материи, формы, движения и цели. По существу, для возникновения экологической проблемы необходимо изменение в содержании и структуре материи. При этом субстрат продолжает оставаться прежним, а субстанция может быть отделена или изменена в качестве и количестве. Экологическая проблема есть, по сути, разрушение структуры материи (воздуха, воды, земли), созданной самой природой. В зависимости от нарушения естественного содержания структуры, состава того или иного фактора бытия материи (качества, количества, соотношения) образуются уровни и формы экологической проблемы. Например, качество экологии природных элементов воздуха, воды, земли отображается в их цветах, в колорите того или иного цветового оттенка. Это связано с тем, что качество экологии способно к постоянному изменению. Количественное измерение экологической проблемы направлено на внешнюю и внутреннюю стороны. Внешнее направление предполагает количество видов и форм, внутренний вектор направлен на определение объемов внутренних элементов и противоположностей. Соотношение элементов в экологии предполагает допустимую меру или переход за ее грани качества и количества этих элементов. Например, качество воздуха зависит от количественного соотношения кислорода и раз-

личных окисей и газов. Претерпевание (страдание) связано с внешним давлением, которое объект испытывает на себе. В настоящее время природа в своем естественном состоянии и содержании подвергается постоянному принуждению со стороны все более усиливающейся техногенной цивилизации. Экология как дом претерпевает разрушительные воздействия со стороны человека, она подвергается неестественному диссонансу. В данных условиях природа начинает сама по себе совершать адекватные действия против внешних принуждений.

Форма экологии. Природа имеет свою форму, которая во всех отношениях проникает в материальный мир. Экология как земной дом сложена из материи и формы. Мы говорим, что материя принимает форму и становится вещью или предметом. В одном случае материя может быть одна, а форм или видов чувственных вещей и предметов – более одного, в другом случае материи в вещах могут различаться, а форма самой вещи будет одна или аналогична. Рассмотрим первые и простые элементы мира. К примеру, Земля как материя приняла определенную форму, сдерживая и организовывая в единство состав своих внутренних элементов, Земля – сложная материя. Так же и вода, воздух, огонь приняли определенные формы, заняв свои места в иерархии видов. Возникновение экологической проблемы может сопровождаться также изменением и разрушением формы материального мира и его элементов. Примерами таких изменений станут, скажем, разрушение формы Земли, состава воды, воздуха, огня. Они как сущее едины и всеобщы в мировом масштабе, но как элементы отличаются друг от друга, они разделены.

Следующее, что связано с возникновением и уничтожением, – это движение. Существуют несколько форм движения: механическое, физическое, химическое, биологическое, социальное. Возникновение проблем экологии во всех ее значениях имеет отношение к формам движения. Например, с механическим движением будут связаны изменение человеком русла реки, строительство плотин, шахтные работы в недрах земли, вырубка лесов, разработка горных пород. Физическое движение, создающее проблему в экологии, – это движение платформ земной коры, воздушных потоков, выбросы энергии на Солнце. Химическое движение создает экологическую проблему через разложение материалов. Например, это разложение живых организмов и отходов в водоемах, озерах, реках, морях, на поверхности земли. Биологическое движение в рамках экологии связано с возникновением, ростом и размножением живых существ, в основном животного мира. Так, например, рост или уменьшение тех или иных видов биологических существ приводит к ухудшению или восстановлению экологии природы – воздуха, воды, земли. Социальное движение, которое следует принять в вопросах, связанных с экологией в нескольких значениях, играет наиболее существенную роль. К первому фактору относится отношение человека к природе в роли подчиненного, признающего значимость и мудрость природных сил. Оно может существовать под девизом «Природа знает все!». Второй фактор – это когда человек как бы вступает в диалог с природой, добивается равенства и братства, достигает внутренней свободы, но не имеет еще внешней свободы и независимости от природы. На этом уровне достигается относительная гармония в отношениях человека к природе и ее законам. Третий фактор выходит на уровень достаточной свободы человека от явлений природы. На данном этапе социальное движение достигает таких результатов, что человек начинает проникать в сущность мира, постепенно стараясь проникнуть в суть вещей. Опасность для экологии возникает со стороны

человека более всего на третьем этапе его отношения к природе и миру. Человек на этой фазе заметно отделяется от природы, все более создает искусственную среду своего обитания, которая начинает противостоять естественной. Свобода для человека в этот период развития их отношений с природой переходит в фазу одиночества, отчуждения и несвободу для естества природы. «Действуя свободно, если таковое возможно, человек актуализирует свои возможности в обустройстве жизни. В этом смысле не свобода принадлежит человеку, но человек является тем, кто принадлежит свободе. Как считают, “усложнение жизненного мира личности повышает ее интерес к самой себе и вызывает у нее противоречивые, не допускающие однозначного толкования, эмоциональные состояния. Таков, например, феномен одиночества”. То есть неправильное понимание свободы и ее использование приводит к неминуемому одиночеству» [Салихов 2008: 289].

Целевой фактор в экологии. Все в мире имеет целевую причину, хотя можно предполагать, что не все, возможно, имеет свою цель. Отвечая на этот вопрос, необходимо иметь представление о различии целей по определению. Допустим, какие-то вещи и предметы имеют свои непосредственные предназначения и это является их целевой причиной. Другие вещи не имеют цели так, как мы привыкли полагать. Однако и эти вещи не лишены целей, их предназначение будет называться сопутствующей целью. То есть они служат целью для исполнения целей более важных вещей. При этом цель всегда направлена на добро и благо, гармонию и благоразумие. К примеру, целевая причина физического мира предполагает сохранение и развитие жизни на Земле. Все служит для жизни и ради жизни. Понятие «жизнь» не ограничивается только человеком и его бытием, оно охватывает все живое в мире. Целевая причина нередко становится и движущей причиной, определяющей средства и метод. Экологическая проблема возникает и по целевой причине. Целью не является запланированное создание угрозы для экологии, она возникает побочно, случайно и непреднамеренно в результате деятельности человека. В. В. Снакин пишет: «Очевидно, что главным принципом природопользования должен стать принцип минимизации воздействия человека на окружающую среду. Экологическая ситуация во многих регионах Земли существенно ухудшена благодаря антропогенному фактору. Слишком часто мы становимся свидетелями, по сути, региональных экологических катастроф. Для того чтобы региональные катастрофы не стали глобальными, необходимо, чтобы деятельность по восстановлению ландшафтов, деградированных по вине человека, в результате техногенных катастроф, приобрела все более обширные масштабы. Важно развивать научные основы этой деятельности в рамках экологии природовозрождения» [Снакин 2010]. Как правило, экологические проблемы бывают глобального и регионального масштабов, а также местного уровня. Если затронуть проблему экологии России как отдельного региона в пределах географического пространства Евразии, то обнаруживается достаточное количество вопросов, решение которых не представляется простым делом.

А. Н. Чумаков пишет: «Здесь важно отметить, что с тех пор, как на рубеже 60–70-х гг. XX столетия впервые и в полную силу заговорили о глобальных проблемах современности, вектор в определении наиболее опасной угрозы для всего человечества несколько раз менялся. Первоначально основное внимание сосредоточилось на проблемах взаимодействия природы и общества, поскольку самый многочисленный и активный агент биосферы – человек – к этому времени вступил в острый конфликт с окружающей средой. И она, потерявшая способность

в полной мере абсорбировать отходы человеческой деятельности, “заявила” об этом густыми смогами и гигантскими мусорными свалками, безжизненными реками и озерами, изуродованными ландшафтами и истощением ресурсов. На этой волне заново возродился и стал популярным изобретенный на сотню лет раньше термин “экология”; однако все попытки преодолеть экологические проблемы очень скоро показали, что человечеству угрожают и другие, не менее серьезные опасности. Выяснилось, например, что развязывание ядерной войны будет сопровождаться “ядерной зимой”, которая приведет к полному уничтожению человечества и даже жизни на Земле. После распада СССР и социалистической системы на первый план вышла проблема формирования нового мирового порядка, а в начале XXI в., после серии террористических актов, в особенности после 11 сентября 2001 г., вектор приоритетов опять сменился, теперь уже в направлении новой угрозы – глобального терроризма. Особую актуальность приобрели и климатические риски» [Чумаков 2017: 5].

Экологическая ситуация в России. Российская Федерация обладает территорией более чем в 17 млн кв. км, отличающейся неоднородным климатом и большим разнообразием ландшафтов и природных зон. Это огромные площади пахотных земель, большая площадь лесов, достаточно запасов пресной воды, Россия достаточно богата природными ресурсами, газом, железной рудой, углем, асбестом, цинком и различными полезными ископаемыми. Около двух третей площади (более 10 млн км) почти не затронуты хозяйственной деятельностью, на них продолжают сохраняться массивы экосистем. В европейской части это северо-восточные территории, в азиатской – север Восточной Сибири и Дальнего Востока, а также районы Западной Сибири. Эти массивы представляют собой ресурс для восстановления биосферы. А. Б. Вебер в свое время отмечал: «Между тем для России экологические проблемы вообще и проблема изменения климата в особенности весьма актуальны и относятся к числу непосредственных и неотложных задач. В стране накоплено более 80 млрд тонн твердых отходов. Количество токсичных отходов возрастало в предкризисный период на 15–16 % в год, значительно опережая темпы роста ВВП. С 1999 по 2006 г. выбросы вредных веществ в атмосферу от стационарных источников возросли более чем на 10 %, а от автотранспорта – более чем на 30 %. Известно также, что в городах с высоким и очень высоким уровнем загрязнения воздуха проживает 56 % городского населения. Всего же более 40 млн россиян живут в неблагоприятной экологической обстановке. А это фатальным образом влияет на состояние здоровья нации, на демографическую ситуацию» [Вебер 2011].

Россия к началу XXI в. занимала 3-е место в мире по вредным выбросам (после США и Китая) и находилась ниже 70-го места среди стран мира по экологической чистоте. При составлении рейтинга стран по экологии ученые Йельского и Колумбийского университетов оценивали состояние окружающей среды, степень подверженности жителей страны экологической угрозе, способность правительства страны противостоять экологическим катастрофам. По этим данным, на 1-м месте по чистоте находилась Финляндия, затем следовали Норвегия, Швеция, Канада, Швейцария, Уругвай. Белоруссия занимала 52-е место. В ряде регионов наблюдается рост выбросов в атмосферу, причины заключаются в нарушении технологических режимов, использовании низкокачественного и некондиционного сырья и топлива. Наибольшее негативное воздействие на атмосферный воздух оказывают промышленность и автомобильный транспорт. Не отвечает норматив-

ным требованиям качество воды в большинстве водных объектов. Не улучшилось положение с качеством питьевой воды, наблюдается эрозия почв, снижение плодородия, накопление вредных веществ. Лесные пожары снижают экологический и ресурсный потенциал лесов.

В. И. Данилов-Данильян писал: «Даже беглый обзор факторов, влияющих на воспроизводство водных ресурсов, убеждает в том, что важнейшее значение для возникновения водного дефицита имеет общее экологическое неблагополучие, которое сегодня характерно для большинства стран мира и биосферы в целом. Уничтожение лесных экосистем (а в настоящее время в мире сведено около 40 % лесов, существовавших три тысячи лет тому назад, причем основная часть этих потерь приходится на последние сто лет), опустынивание, с катастрофической скоростью распространяющееся во многих регионах мира, почти полная утрата луговых и степных экосистем и замена их агроценозами – все это факторы истощения водных источников, ухудшения качества воды» [Данилов-Данильян 2014: 165]. И далее: «Каковы резервы экономии воды при переходе к интенсивным технологиям водопользования, можно судить по нескольким примерам. В 2000 г. удельная водоемкость экономики в м³/год на 1 доллар ВВП составляла: в России – 0,3 м³/год, в Швеции – 0,012 м³/год, в Великобритании – 0,007 м³/год, в Белоруссии – 0,22 м³/год. Относительно уровня 1990 г. удельная водоемкость экономики России выросла в два раза, Швеции – осталась на том же уровне, а Великобритании – в два раза уменьшилась (ни одна из этих стран не относится к вододефицитным)» [Там же: 169].

Другие исследователи – В. А. Грачев, О. В. Плямина, рассматривая вопросы экологии, отмечают: «Именно высокое качество природной среды является главным богатством человечества и безусловной ценностной категорией, сущностью глобальных экологических интересов. По данным ВОЗ, уже сегодня 80 % всех болезней в мире возникает из-за потребления некачественной питьевой воды, а по оценкам МАГАТЭ, ежегодно 5 млн человек умирают от болезней, связанных с потреблением загрязненной и некачественной воды. Вода вполне может стать едва ли не главной причиной будущих вооруженных конфликтов, таких же, какие сейчас возникают из-за нефти» [Грачев 2017: 87]. Г. Г. Добровольский пишет: «По прогнозу ООН, население мира к 2050 г. увеличится на 3,3 млрд человек и достигнет более 9 млрд. Если в течение первой половины XX в. площадь под зерновыми на душу населения сократилась в мире с 0,23 до 0,12 га, то к 2005 г. (? – Г. С.) она составит всего 0,07 га. А это уже критическая величина, компенсировать которую дальнейшим повышением плодородия почв будет очень трудно. Пришла пора понять, что плодородная почва – это конечный природный ресурс, для жизни человека не менее значимый, чем чистый воздух и пресная вода!» [Добровольский 2014: 197]. Продолжает сохраняться проблема обезвреживания и переработки бытовых и промышленных отходов, представляющих опасность здоровью населения и экосистеме. Все это наблюдается, несмотря на спад производства и связанное с ним снижение прямого загрязнения окружающей среды в отраслях экономики. Одновременно осуществляются комплексы природоохранных мер, включая экологические программы и различные мероприятия на местах, промышленных предприятиях, сельскохозяйственных объединениях, на транспорте и в коммунальном секторе.

Заметный рост выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух отмечается с 2005–2006 гг. и наблюдается до сих пор. Это объемы выбросов твердых

веществ, оксида углерода, углеводородов, летучих органических соединений, диоксида серы, оксидов азота. Объем загрязненных сточных вод по федеральным округам России в первые 10–15 лет нового века был выявлен учеными в следующем порядке: Центральный – 24 %, Северо-Западный и Приволжский – по 1,8 %, Сибирский – 15 %, Южный – 11 %, Уральский – 9 %, Дальневосточный – 5 %. В 2006 г. до 50 % объема загрязненных сточных вод сбрасывались на территориях 8 субъектов Российской Федерации, в 2001 и 2006 гг. – на 11. Лидирующее место занимает г. Москва (10–13 %), на второе место в 2001 г. вышел г. Санкт-Петербург, отодвинув на третье место Краснодарский край. Постоянно на четвертом месте среди субъектов Федерации – Иркутская область. Распределение объема токсичных отходов, образовавшихся в Российской Федерации, имело следующий вид: Сибирский – 32 %, Приволжский – 16 %, Северо-Западный и Уральский – по 15 %, Центральный – 12 %, Южный – 7 %, Дальневосточный – 3 %. Согласно данным Госкомсата России по 13,4 тыс. предприятиям, в Российской Федерации в 2001 г. образовалось 139 млн т токсичных отходов производства и потребления (на 9 % больше, чем в 2000 г.), из которых 93 % – отходы 4-го класса опасности, 5,3 % – отходы 3-го класса опасности, 1,4 % – 2-го класса, 0,3 % – отходы 1-го класса опасности. Использовано и полностью обезврежено 36,5 % токсичных отходов, образовавшихся за год. Кризисные тенденции в России не преодолены полностью, в отдельных случаях они могут иметь возможность к углублению. Как обычно, нестабильность предприятий, тяжелое финансовое положение не позволяют выполнять природоохранные мероприятия, осуществлять их в достаточных объемах. Степень износа оборудования на предприятиях представляет опасность техногенных аварий с отравлением территории. Экологическая ситуация в России в основном была связана с последствиями деятельности предприятий химического комплекса. Как обычно, применяемые в отраслях экологически несовершенные производства чаще всего являются источниками загрязнения атмосферного воздуха, а также сточных и подземных вод. Основными загрязняющими веществами в выбросах являются твердые частицы (пыль, сажа, металлы) и газообразные вещества (окись углерода, двуокись серы).

В населенных пунктах загрязнение атмосферного воздуха допускают транспортные средства. К примеру, город с миллионным населением использует свыше 300 000 кубических метров воды в сутки, из которых большая часть (до 75–80 %) превращается в сточные воды. Остро стоит проблема несанкционированных стихийных свалок. Ориентировочная площадь этих свалок насчитывает более 5–10 квадратных километров. Неконтролируемое складирование отходов на неподготовленных площадях приводит к загрязнению окружающей среды. Наблюдается фундаментальное нарушение окружающей среды в результате расширения деятельности человека. В наше время требуется поиск новых путей и средств восстановления разрушаемой биосферы. Как отмечает в своем докладе принцесса Ирэн Нидерландская, «нам нужно защищать природу и сохранять уголки дикой природы. Необходимо понять, что все живое взаимосвязано и взаимозависимо – это важно осознать, чтобы почувствовать и в дальнейшем организовывать свою деятельность соответствующим образом. Количество и интенсивность человеческих страданий на Земле настолько огромны, что этого достаточно для пробуждения каждого из нас. Необходимо работать, чтобы удовлетворить основные потребности всех людей, и мы можем осознанно делать это экологично, в гармонии с природой» [Ирэн, принцесса Нидерландов 2014: 7]. Далее она продолжает:

«Размышляя над нашим общим будущим, необходимо стремиться к тому, чтобы принятие решений исходя из благополучия всего живого, а также исходя из того, что мы являемся частью целого, стало естественным. В этом случае мы будем находиться в гармонии с первобытной сущностью, с самой жизнью. Нам нужно делать это вместе, и мы должны выступать как единая глобальная человеческая цивилизация, несмотря на все наши культурные различия» [Ирэн, принцесса Нидерландов 2014: 8].

Одними из направлений сохранения экологии являются контроль процесса природопользования и управление природоохранной деятельностью на предприятиях на мировом уровне, к чему стремятся сегодня передовые страны. А. Б. Вебер пишет: «Происходят подвижки и в позиции России. В конце сентября 2013 г. президент Путин подписал указ, устанавливающий для российской экономики цель по выбросам к 2020 г. в объеме не более 75 % от уровня 1990 г. До этого Россия на протяжении определенного периода воздерживалась от участия в международном сотрудничестве посткиотского периода. Важное событие произошло на конференции ООН по климату в Лиме (1–14 декабря 2014 г.): впервые все страны согласились определить свои обязательства по сокращению выбросов парниковых газов. Таким образом, вырисовываются более обнадеживающие перспективы для успеха Парижской конференции ООН по климату в 2015 г. – если, конечно, этому не помешают нынешние конфронтационные тенденции в международных отношениях и другие привходящие обстоятельства» [Вебер 2015].

Завершая раскрытие различных определений экологии и ее проблем в рамках мирового масштаба, а также, в частности, России, отметим и фактор влияния глобализационного процесса на всю окружающую среду. В его пользу приведем слова А. Н. Чумакова: «В этой связи обратимся к термину “глобализация”. Он употребляется, как правило, для характеристики интеграционных и дезинтеграционных процессов планетарного масштаба в области экономики, политики, культуры, а также антропогенных изменений окружающей среды, которые по форме носят всеобщий характер, а по содержанию затрагивают интересы всего мирового сообщества. При этом можно отметить две крайности в истолковании как самого феномена глобализации, так и истории его появления. Одна из них состоит в том, что планетарный характер социальных связей и отношений трактуют неправомочно расширительно, пытаюсь усмотреть их уже в первобытном обществе. С этой точки зрения даже ранние этапы развития человечества характеризуют как глобальные. Другая крайность заключается в том, что глобализацию трактуют слишком узко, когда современные процессы общественного развития рассматриваются в отрыве от их фундаментальных причин и генезиса, то есть не учитываются история и динамика становления международных структур и транснациональных связей. При таком подходе глобализацию нередко связывают лишь с событиями XX столетия, а то и вовсе с последними десятилетиями. К тому же в ней зачастую видят якобы сознательно заданный и управляемый процесс, целенаправленно осуществляемую кем-то политику, и даже говорят о глобализации как о субъективной реальности, чьим-то коварном замысле, реализуемом в интересах определенного круга лиц, транснациональных корпораций или отдельных государств» [Чумаков 2008]. Далее он продолжает мысль, что отмеченные крайности во взглядах на глобализацию не охватывают все направления по этому вопросу, их многообразие объясняется как сложностью проблемы, так и недостаточной разработанностью темы. Отсюда вытекают различные последствия. Затрудня-

ется взаимопонимание между людьми, тормозится междисциплинарное взаимодействие, создаются препятствия на пути осмысления причин глобализации и порождаемых ею противоречий. Здесь же кроются причины недопонимания и возникающих конфликтов, обусловленных тем, что мир в своих отношениях все больше становится единым, в то время как механизмы, призванные регулировать общественные отношения в современных условиях, еще не выработаны окончательно. Очевидно, что без глубокого анализа и достаточного понимания сути процессов глобализации сложно рассчитывать на скорое преодоление существующих проблем.

И. В. Саблин считает, что «процессы глобализации оказывают значительное влияние как на окружающую среду, так и на экологическую политику. Так, международная торговля может значительно ухудшить состояние окружающей среды в тех случаях, когда при ценообразовании не учитываются экологические издержки. Те страны, которые данные издержки игнорируют, получают сравнительные преимущества в экологически опасных видах деятельности, что часто ведет к соответствующей специализации и значительной деградации окружающей среды. Более того, государства могут даже снижать экологические стандарты, чтобы привлечь иностранный капитал. Также международная торговля может стимулировать сырьевой сектор экономики, а соответственно и чрезмерную добычу ресурсов для экспорта. Пренебрежение экологическими издержками дает конкурентные преимущества и в данном случае» [Саблин 2014: 106]. В другой своей статье он отмечает: «В целом международная торговля приводит к изменениям окружающей среды посредством структурного, масштабного, технологического эффектов, а также эффекта продукта. Структурный эффект определяет специализацию и расположение производства» [Его же 2011: 127].

В заключение отметим, что экологические проблемы в России схожи с аналогичными проблемами в других регионах мира. Возникают они чаще всего в связи с нарастающим влиянием человека на природу, которое становится все более агрессивным. С ускоряющимся развитием современной цивилизации, научно-технического прогресса, внедрением новых технологий последствия этого влияния выходят из-под контроля, становятся менее предсказуемыми и более катастрофичными. Китайский ученый Лю Фен высказывался: «Вообще говоря, вся современная цивилизация является антиэкологической, а глобальный экологический кризис – результат глобального распространения современной цивилизации. Сегодня развитые страны <...> успешно защищают свою окружающую среду, но они всего лишь перевели свое производство, а значит, и загрязнение, в развивающиеся страны <...> С точки зрения экологии мы определенно можем сказать, что современная цивилизация с “массовым производством, массовым потреблением и массовыми отходами” неустойчива» [Лю Фен 2014: 321]. К сожалению, основные экологические проблемы продолжают сохраняться во всех странах мира в глобальном масштабе. Включают они загрязнение окружающей среды, истощение природных ресурсов и сокращение видового и количественного состава животного и растительного мира. Причиной проблем в основном является неразумная по отношению к природе деятельность человека во всех направлениях, которую требуется пересмотреть на мировом уровне. В перспективе в одном из случаев нужна альтернативная возможность замены существующей современной технологии получения, переработки и использования энергетических ресурсов.

Литература

Барлыбаев Х. А. Периодическая таблица системы «природа – человек – общество» [Электронный ресурс] : Философия и общество. 2009. № 2(54). URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/130471/>.

Вебер А. Б. Глобальное изменение климата: кто виноват? И что делать? [Электронный ресурс] : Век глобализации. 2008. № 1. URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/129826/>.

Вебер А. Б. Человечество перед глобальным экологическим вызовом [Электронный ресурс] : Век глобализации. 2011. № 1(7). URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/132582/>.

Вебер А. Б. Страсти по климату. Кто и почему против борьбы с глобальным потеплением? [Электронный ресурс] : Век глобализации. 2015. № 1(15). URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/269709/>.

Грачев В. А., Плямина О. В. Глобальные экологические проблемы, экологическая безопасность и экологическая эффективность энергетики // Век глобализации. 2017. № 1(21). С. 86–97.

Данилов-Данильян В. И. Глобальная проблема дефицита пресной воды // Куда движется век глобализации? / под ред. А. Н. Чумакова, Л. Е. Гринина. Волгоград : Учитель, 2014. С. 161–174.

Добровольский Г. В. Деградация почв – угроза экологического кризиса // Куда движется век глобализации? / под ред. А. Н. Чумакова, Л. Е. Гринина. Волгоград : Учитель, 2014. С. 192–203.

Ирэн, принцесса Нидерландов. Мы забыли, что мы часть природы: на пути к экологической цивилизации // Куда движется век глобализации? / под ред. А. Н. Чумакова, Л. Е. Гринина. Волгоград : Учитель, 2014. С. 6–8.

Лю Фен. Размышления о глобальном экологическом кризисе // Куда движется век глобализации? / под ред. А. Н. Чумакова, Л. Е. Гринина. Волгоград : Учитель, 2014. С. 318–326.

Привалов Н. Г. О возможной катастрофе 2030–2050-х гг. [Электронный ресурс] : Век глобализации. 2009. № 1. URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/129898/>.

Саблин И. В. Международные аспекты экологической политики Индии и Китая // Век глобализации. 2011. № 2(8). С. 126–139.

Саблин И. В. Глобализация и окружающая среда: экологическая политика Индии и Китая // Век глобализации. 2014. № 2(14). С. 105–118.

Салихов Г. Г. Человек эпохи глобализации / науч. ред. Б. С. Галимов. М. : Наука, 2008.

Снакин В. В. Глобальный экологический кризис: ресурсный и эволюционный аспекты [Электронный ресурс] : Век глобализации. 2010. № 2. URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/130861/>.

Чумаков А. Н. О предмете и границах глобалистики [Электронный ресурс] : Век глобализации. 2008. № 1. URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/129819/>.

Чумаков А. Н. Грядущая демографическая лавина: на пороге Великого переселения народов // Век глобализации. 2017. № 2(22). С. 3–19.

ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА И ИНДУСТРИЯ КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Цзя Сюйдун *

Едва вступив в XXI в., Китай официально объявил о формировании стратегической политики культурной индустрии. С этого времени завершилась эпоха правительственной монополии на производство культуры и началась новая эпоха сотрудничества правительства и рынка в производстве культуры. Стратегическая политика китайской культурной индустрии – это и реакция на глобализацию и рыночные реформы в Китае, и квинтэссенция практических исследований развития китайской культуры и опыта реформирования в системе культуры на протяжении более двадцати лет реформ и открытости. С появлением стратегической политики китайской культурной индустрии начались всесторонние преобразования в системе китайской культуры; открыто новое направление для пути ее развития; поставлено множество теоретических задач развития культуры, которые требуют серьезного размышления и изучения.

Ключевые слова: глобализация, китайская культурная индустрия, стратегическая политика, производство культуры.

At the beginning of the 21st Century, China announced that the new strategic policies of cultural industry had been established. This ended the era of government monopoly of cultural production and opened a completely new era of the co-operation of government and market for cultural production. The strategic policies of cultural industry of China are not only the response of globalization and market economical reforming, but also the practical exploration of Chinese cultural development and empirical crystallization of the reform of cultural system. The presence of strategic policies of cultural industry of China evokes comprehensive reforms of Chinese cultural system, opens up new directions of the way of Chinese cultural development, and poses many theoretical theses of cultural development that need to consider and research seriously.

Keywords: globalization, policies of cultural industry of China, strategic policies of cultural industry, cultural industry.

Глобализация – это логика, характерным признаком которой являются правила международной игры, а ядром – стремление к общечеловеческим ценностям и нормы поведения. В этом смысле глобализация внешне представляет собой

* Цзя Сюйдун – доктор философии (Ph.D.), научный сотрудник Центра исследований культуры при Китайской академии общественных наук (г. Пекин).

процесс формирования, распространения, ведения и непрерывного урегулирования, исправления, добавления, совершенствования правил международной игры, а внутренне в действительности представляет собой процесс постепенного достижения соглашений на основе признания и уважения различий в ходе непрерывных столкновений, конфликтов и слияния различных человеческих ценностей и норм поведения. Сейчас логика глобализации полностью игнорирует субъективные желания своих противников и уже проникла в сферу культуры, угрожая модели развития традиционной культуры человечества, и начала демонстрировать прототип новой модели. Эта новая модель развития человеческой культуры как минимум состоит из двух основных частей: первая – маркетизация производства культуры, вторая – коммерциализация культурных обменов. Логика глобализации, которая повсеместно заставляет людей тревожиться, может привести к проблеме усреднения, и сейчас посредством межправительственных совместных усилий по сохранению культурного многообразия превратилась в политическое мероприятие, в так называемое «творческое сосуществование культурного множества»¹. В то же время наблюдаются беспрецедентная многочисленность и ожесточенность культурных конфликтов и соперничества, в борьбе за права и интересы культуры вступают в схватку даже такие страны, которые близки по идеологии.

По мере активного включения Китая в процесс глобализации логика глобализации и новая тенденция развития мировой культуры под ее влиянием также оказали сильное воздействие на путь развития китайской культуры. Можно сказать, что появление политики китайской культурной индустрии – это незамедлительная реакция на данное воздействие, которая показывает и отражает позицию, политику и стратегию реагирования Китая. Некоторые ученые полагают, что «признание законности “индустрии культуры”, во-первых, означает, что оно представляет собой “разочарование” по отношению к прежней концепции современной культуры, глубокую деконструкцию старой культурной концепции периода плановой экономики, и это привело к тому, что современная культурная политика Китая получила совершенно новое основание» [Ли Хэ, Джан Сяомин 2008]. Мы согласны с этим мнением, а также попробуем в данной статье на этой основе более детально рассмотреть и всесторонне оценить политику и влияние индустрии.

Строго говоря, понятие политики китайской культурной индустрии имеет два значения. Первое значение можно сформулировать следующим образом: политика китайской культурной индустрии, в котором ключевое слово – это «политика», то есть речь идет о политике китайской культурной индустрии, или о политике культурной индустрии, которую нужно развивать Китаю. Второе значение можно сформулировать следующим образом: производственная политика китайской культуры, ключевые слова в котором – это «производственная политика», то есть речь идет о производственной политике китайской культуры, или о производственной политике культурной индустрии, которую Китай собирается развивать. Необходимо разграничивать эти два значения, так как перед ними стоят две разные задачи. Задача первого значения – «будет или не будет» Китай развивать индустрию культуры. Действующая политика отвечает утвердительно, очевидно, что результат этого решения необратим именно из-за политики, кото-

¹ Вопрос о сосуществовании культурного многообразия был выдвинут ЮНЕСКО в докладе о развитии мировой культуры в 2000 г., включая вопрос об активном и динамическом сосуществовании поликультурных групп (подробнее см.: Доклад... 2000: 34–35).

рая, кажется, не может повернуть вспять; следовательно, это «политика стратегического характера». Задача второго значения – «каким образом» Китай будет развивать индустрию культуры. Очевидно, что это задача функционального вида, соответствующая политика относится к категории экономической политики правительства. Результаты принимаемых решений относительно легко могут повернуть вспять, следовательно, это «политика функционального характера» [О различиях... 2014: 162–163]. Тема данной статьи – политика китайской культурной индустрии, здесь подразумевается не политика функционального характера, а политика стратегического характера. Будут обсуждаться именно такие вопросы, как предпосылки появления стратегической политики, теоретическое содержание и воздействие политики.

1. Формирование и предпосылки политики китайской культурной индустрии

Политика китайской культурной индустрии в качестве стратегической политики была официально выдвинута на 5-м пленуме ЦК КПК 15-го созыва в октябре 2000 г., официально утверждена на 4-й сессии ВСНП 9-го созыва в марте 2001 г., и наконец, официально сформирована на 16-м Всекитайском съезде КПК в октябре 2002 г.

В октябре 2000 г. на 5-м пленуме ЦК КПК 15-го созыва были рассмотрены «Рекомендации ЦК КПК по разработке десятого пятилетнего плана экономического и социального развития», в которых четко выдвинуты предложения о том, что нужно «способствовать сопряжению информационной индустрии и соответствующей культурной индустрии», необходимо «совершенствовать политику индустрии культуры, укреплять создание и управление культурного рынка, способствовать развитию соответствующей индустрии культуры» [Рекомендации... 2000]. Концепции «культурная индустрия» и «политика культурной индустрии» впервые появились в официальном правительственном документе, что символизирует официальное провозглашение политики китайской культурной индустрии. В марте 2001 г. на 4-й сессии ВСНП 9-го созыва были утверждены «Основные положения десятого пятилетнего плана экономического и социального развития» [Основные... 2001], в которых были приняты предложения о культурной индустрии и ее политике, сформулированные на 5-м пленуме ЦК КПК 15-го созыва. Вопрос о развитии культурной индустрии был официально включен в план экономического и социального развития, став важной составляющей генеральной стратегии по экономическому и социальному развитию, что является показателем признания и одобрения верховной властью страны политики культурной индустрии. В ноябре 2002 г. в докладе 16-го Всекитайского съезда КПК ясно указана «дихотомия» понятий *дело культуры* и *индустрия культуры*, кроме того, была четко обозначена важная идея о том, что «развитая индустрия культуры – это процветающая социалистическая культура в условиях рыночной экономики и главный путь удовлетворения потребностей в духовной культуре народных масс», и далее обозначены требования «о совершенствовании политики культурной индустрии, поддержке развития культурной индустрии, усилении мощи и конкурентоспособности всей индустрии культуры нашей страны» [Цзя Цзэминь 2002]. Это символизирует следующее: политика китайской культурной индустрии официально сформирована в качестве стратегической политики.

Дэвид Хезмондалш считает: «Политика есть не только ответная реакция на социальную культуру, экономику и техническое состояние, но и результат» [Хезмондалш 2007: 133]. Появление стратегической политики китайской культурной индустрии – это неизбежный результат усиления в роли основного духа и общей стратегии политики реформ и открытости; объективное требование и сознательный выбор развития культуры в условиях новой истории общества. В контексте величественной истории общества эпохи реформ и открытости зарождению стратегической политики китайской культурной индустрии способствовали три внутренние движущие силы:

1) Движущая сила культурного рынка, порожденная объединением предпринимательства и потребности в массовых развлечениях, освобожденных политической реформ и открытости. В 1979 г. создан первый в стране музыкальный чайный дом в гостинице «Восток» в Гуанчжоу, который считается символом расцвета культурного рынка Китая. С тех пор один за другим начали открываться караоке-бары, танцевальные залы, видеосалоны и т. д., быстро распространившись по всей стране. Этот стихийно сформировавшийся «культурный рынок», цель которого заключалась в получении прибыли, а содержание – в удовлетворении потребностей в массовых развлечениях, которые подавлялись в течение многих лет, в 1987 г. получил законный статус². В феврале 1988 г. Министерство культуры и Главное управление промышленно-торговой администрации КНР совместно опубликовали «Сообщение об усилении работы по управлению рынком культуры», в котором были прописаны четкие юридические определения и нормы. Легализация культурного рынка побудила начать бизнес все большее число предпринимателей, способствовала увеличению с каждым днем потребностей в массовых развлечениях и их непрерывному росту. Также в связи с этим культурный рынок вступил на новую ступень развития, открыл новую страницу в истории. Салоны видеоигр и печатные издания получили второе дыхание, организация частных выступлений, их организаторы и т. п. также начали возникать на культурном рынке. Нужно отметить, что в это время культурный рынок все еще был довольно примитивным, по своей основной форме это был рынок развлекательных услуг, в котором примитивные дома культуры предоставляли простые формы развлечения. Настоящие культурные продукты и рынок услуг еще не сформировались, существенная часть рынка находилась в зачаточном состоянии, большое количество высококачественных культурных источников по-прежнему контролировалось государственными организациями в сфере культуры. Но именно появление этого примитивного и элементарного культурного рынка, а затем его непрерывный рост открыли новый путь для развития китайского культурного рынка, стали движущей силой для появления стратегической политики китайской культурной индустрии.

2) Инновационная движущая сила модели существования государственных бюджетных учреждений культуры, вызванная сравнением между собой показа-

² Танцевальные залы получили правовой статус, что символизировало начало процесса легализации «культурного рынка». 9 февраля 1987 г. Министерство культуры, Министерство общественной безопасности, Главное управление промышленно-торговой администрации КНР совместно опубликовали «Сообщение об улучшении управления танцевальными мероприятиями», что означало официальное снятие запрета на проведение танцевальных вечеров, вызывавших многочисленные споры, и предоставление им правового статуса.

тельного эффекта экономической реформы и проблемы выживания, с которой столкнулась культура. Реформы в Китае начались в области экономики, страна пошла по новому пути – «деревня окружает город». На сферу культуры, столкнувшейся с проблемой выживания, удачный опыт экономических реформ оказал мощный положительный эффект, затем реформы стремительно затронули сферу культуры, вызвав инновационный бум модели существования государственных бюджетных учреждений культуры. С 1978 г. с возникновением разнообразных платных услуг, когда в Гуандуне, Гуанси и других провинциях и автономных районах начинают взимать плату за некоторые мероприятия, организованные культурными станциями общин, и до 1981 г. с возникновением многообразной «системы подрядов», когда знаменитый исполнитель пекинской оперы Чжао Янься арендовал Столичный театр пекинской оперы, начинается инновационный бум модели существования массовых бюджетных учреждений культуры, который стремительно распространяется среди театров, кинотеатров, библиотек, музеев, культурных центров и других специализированных бюджетных учреждений культуры. По статистике, в 1988 г. по всей стране сеть бюджетных учреждений культуры, предоставляющих платные услуги и мероприятия в форме «платные компенсируют бесплатные», достигла количества 11 458, чистый доход за весь год составил 1,8 млрд юаней, что было равнозначно примерно 12 % от всех выделяемых государством средств на культуру в тот год [Ма Хун и др. 1992: 36]. Жесткая структура и ограниченный бюджет привели к тому, что государственные бюджетные учреждения культуры были поставлены в безвыходное положение; чтобы выжить, они переняли удачный опыт экономических реформ в создании инновационной модели существования и прорвали закостенелую систему управления в сфере культуры, проложили путь для вхождения государственных культурных источников на культурный рынок. Инновационный метод модели существования государственных бюджетных учреждений культуры стал движущей силой появления стратегической политики китайской индустрии культуры вслед за культурным рынком.

3) Движущая сила объективной потребности в развитии культуры, созданная наложением друг на друга потребностей в регулировании структуры и в духовной культуре народа, растущей изо дня в день. В действительности уже в 1992 г. концепция «индустрия культуры» находилась в поле зрения соответствующих правительственных органов³, затем Министерство культуры в 1998 г. учредило компетентный орган – Отдел индустрии культуры, отвечающий за культурную индустрию, и вскоре должна была появиться стратегическая политика китайской культурной индустрии. Если можно сказать, что потребность народа в массовых развлечениях приоткрыла плотно закрытую дверь в китайскую культурную индустрию того времени, то, возможно, именно потребность в стратегии развития страны в целом окончательно открыла эту дверь. Когда политика реформ и открытости вступила во второе последующее десятилетие, накопленные стремительным развитием Китая нерациональные конфликты в структуре экономики обострялись с каждым днем. В конце 1999 г. на Центральном рабочем совещании по вопросам экономики было четко указано, что «регулирование и оптимизация экономической структуры – это существенные мероприятия для стимулирования

³ Впервые «концепция индустрии культуры» была использована Общим отделом Канцелярии Госсовета [Лю Ган 1992].

развития экономики, повышения качества и пользы экономического роста. Регулирование экономической структуры должно стать главной точкой приложения силы в экономической работе в следующем году и в последующий период». Кроме того, было особо отмечено, что «текущее регулирование структуры экономики, с которым мы имеем дело, не носит временный или локальный характер, а является регулированием стратегического характера» [Центральное... 1999]. Именно в этом контексте в 2000 г. на 5-м пленуме ЦК КПК 15-го созыва были предложены «Рекомендации ЦК КПК по разработке десятого пятилетнего плана экономического и социального развития». Во-первых, в части, касающейся развития сферы услуг, была поставлена задача развития культурной индустрии; вот формулировка того времени: «Управление культурным досугом... и другое развитие отрасли, удовлетворение потребительского спроса, относящегося к сфере услуг». Затем в части, касающейся развития информационной индустрии, было указано: «...способствовать информационной индустрии и соответствующей культурной индустрии» [Рекомендации... 2000]. С одной стороны, государственная монополистическая форма производства культуры того времени никак не могла удовлетворить спроса в духовной культуре народных масс, растущего с каждым днем, с другой – нарастала актуальная необходимость в развитии культурной индустрии, возникшая в ходе регулирования экономической структуры. Именно эти потребности, наложенные друг на друга, стали последней движущей силой для появления стратегической политики китайской культурной индустрии.

2. Теоретическая основа формирования политики китайской культурной индустрии

Появление стратегической политики китайской культурной индустрии символизирует завершение в Китае эпохи, когда производство культуры было полностью монополизировано правительством, и наступление новой эпохи в производстве культуры. Так называемая новая эпоха в производстве культуры на самом деле состоит из двух видов механизма регулирования, образованных тремя разными способами производства культуры.

Первый вид – это «видимая рука», правительственный механизм регулирования, второй вид – «невидимая рука», рыночный механизм регулирования. Способ производства под правительственным механизмом регулирования – это так называемые «учреждения в общественно-полезной культурной сфере», которые продолжают целиком субсидироваться правительством. Способ производства, подчиняющийся рыночному механизму регулирования, – это регулируемая рынком «операционная культурная индустрия», которая включает два способа производства. Первый способ – это относительно простые виды производства культуры, организованные посредническими структурами или частными лицами, например концерты, симфонические концерты, выставки произведений искусства, аукционы и т. д.; второй способ – это сравнительно сложные виды культурного производства, организованные различными компаниями, более высокими по уровню специализации и организации, например, производство кинофильмов, телесериалов, мультипликационных фильмов и т. д.

Кажется, что этот новый способ культурного производства в современном Китае классифицирует культурное производство на три периода: материальной помощи (Patronage), профессионального рынка (Market Professional), профессио-

нальных компаний (Corporate Professional), – предложенная Реймондом Уильямсом, соответствуют друг другу [Хезмондалш 2007: 57–58, 130–154]. А также он имеет некоторые общие признаки с начавшейся в 80–90-е гг. XX в. волной маркетизации культуры, захлестнувшей, кажется, весь мир⁴. Это свидетельствует о том, что развитие человеческой культуры, возможно, следует некоторым схожим правилам, но по-настоящему управляет проявлениями собственного своеобразия в выборе пути развития культуры у разных стран и особенностей этих нескольких одинаковых правил. Чтобы понять появление стратегической политики китайской культурной индустрии или трансформацию способа производства современной китайской культуры, вероятно, необходимо дальнейшее глубокое изучение концепции развития культуры, которая сыграла решающую роль, оставаясь в тени, или изменений в теоретической основе.

Имеют ли народные массы право выбора в потреблении культуры? На этот вопрос ответ долгое время был отрицательным, компетентные органы в сфере культуры, а также патриархальные методы руководства в корне отменили право выбора народных масс в потреблении культуры. Что производить? Сколько производить? Для кого производить? Все эти и другие основные вопросы решались компетентными органами и руководителями, более того, плюсы и минусы производимой продукции также оценивались ими. Что производили, то и смотрели. Или, другими словами, что разрешали смотреть, то и смотрели, а если не разрешали, то не могли посмотреть, даже если хотели бы. После политики реформ и открытости эта ситуация начала меняться. «Развлекательное свойство» культуры, порожденное освобождением потребности в развлечениях, стало получать признание, на постепенном обретающем законный характер культурном рынке доминирующее положение потребления народными массами продуктов культуры и услуг начинает упрочиваться. По мере постепенного углубления политики реформ и открытости зарубежные культурные продукты начали в большом количестве поступать в Китай. Добавим к этому, что культурные продукты и услуги, производимые государственными бюджетными учреждениями культуры, ведущими хозяйство по форме хозрасчета, мало-помалу стали разнообразнее. «Производственное свойство» культуры постепенно проявлялось и становилось с каждым днем отчетливее, а также получило признание де-факто. И это подтверждало мнение об упрочении и окончательном становлении доминирующего положения потребления культуры народными массами. Признание доминирующего положения народной культуры потребления означало признание того, что народные массы имеют право выбора в потреблении культуры, другими словами, каждый человек мог свободно выбирать культурные продукты и услуги на культурном рынке в соответствии со своими предпочтениями, финансовыми и временными возможностями. Значение этих изменений можно назвать революционным. Это означало, что производство культуры должно в корне изменить ту ситуацию, когда полностью игнорировались потребности народа. Напротив, необходимо было с учетом народной культуры потребления организовать культурное производство и принять ряд важных решений в производстве культуры. Позднее, в 2003 г., эти изме-

⁴ Согласно государственной экономике, способ правительственного вмешательства имеет три вида: во-первых, это общественное (правительственное) производство; во-вторых, использование налогов и субсидий, которое поддерживает отдельную производственную деятельность частных лиц или препятствует ей; в-третьих, частное производство, находящееся под контролем правительства, с целью обеспечения приемлемых форм действий предприятий [Стиглиц 2005: 211–212].

нения были обобщены в концепцию «две ориентации», то есть ориентацию на рынок и народ. Две ориентации – это единое целое, по сути дела, способ производства культуры, на который правительство имело монополию, и они должны будут целиком трансформироваться в способ производства, регулируемый рынком. Народные массы имеют право выбора в потреблении культуры, что стало теоретическим фундаментом в появлении стратегической политики китайской культурной индустрии.

Имеет ли правительство право монополизировать производство культуры? Из-за специфического характера культурных продуктов вмешательство правительства в производство культуры стало обычной мировой практикой, даже наиболее преклоняющиеся перед неолиберализмом США не стали исключением. Но Китай издавна выбирал самый жесткий способ вмешательства, то есть правительственное производство, когда правительство сосредоточивает в своих руках всю власть над производством культуры. В Китае основным способом монополии правительства на производство культуры является основание правительством учреждений культуры со стопроцентным капиталом, затем предоставление полномочий этим учреждениям, чтобы они, в частности, организовали мероприятия по производству культуры. Правительство в своем праве на монополию производства культуры опирается на две теории: во-первых, идеологическое свойство культуры, во-вторых – всемогущая правительственная доктрина. Полуобщественный характер культурных продуктов обобщенно отражает то, что культура обладает идеологическим свойством. Однако по мере того как мышление народа отчетливо становится более независимым, избирательным, переменчивым и разнообразным, так называемая ситуация «одно слово спасет страну, одно слово погубит страну» прекратит свое существование. В особенности по мере утверждения права выбора народа в потреблении культуры, идеологическое свойство культуры все более неотделимо от производственного свойства, а также функции идеологического свойства культуры все более зависят от функций производственного свойства. Только управляя рынком, можно управлять народными массами. Другими словами, если на рынке какой-нибудь культурный продукт не будет выбран потребителями, то его идеологическое свойство никак не может быть реализовано. Утверждение производственного свойства культуры, в особенности такие отношения, как идеологическое и производственное свойства, в корне уничтожили возможность идеологического свойства стать теоретической основой для права правительства монополизировать производство культуры. Всемогущая правительственная доктрина – это другая теоретическая основа, на которую опирается правительство в своем праве на монополию производства культуры. Однако по мере установления системы социалистической рыночной экономики окончательно расшатались основы правительственной теории универсального типа, трансформация правительственной функции превратилась в важную задачу совершенствования системы социалистической рыночной экономики. В особенности утверждение установления правительственной цели типа социального обслуживания привело к недостатку теоретической основы для правительства, продолжавшего монополизировать производство культуры, а также к утрате достаточных оснований для получения обязательной государственной финансовой поддержки. Вышеописанное подтверждает то, что у правительства больше нет права монополизировать производство культуры, правительство должно выполнять вспомогательную функцию в сфере культуры и уступить ту власть производства культуры, кото-

рой не должна обладать. Правительство не должно иметь монополию на производство культуры, это стало важной теоретической основой для появления стратегической политики китайской культурной индустрии.

Необходима ли маркетизация культуры? Весьма очевидно, что точка зрения, согласно которой правительство не должно обладать правом монополизировать производство культуры, частично стала основой для теории, поддерживающей маркетизацию культуры. Однако суть проблемы заключается не в этом. С тех пор как Теодор Адорно (Theodor Adorno) и Макс Хоркхаймер (Max Horkheimer) впервые ввели понятие «индустрия культуры» (Cultural Industry), в западном мире не прекращается критика по поводу коммерциализации или маркетизации культуры. В Китае на протяжении периода реформ и открытости, начиная с маркетизации развлечений до маркетизации культуры, вызванной мероприятиями в форме «платные компенсируют бесплатные» государственных бюджетных учреждений культуры и управлением на основе перехода на хозрасчет, изменился способ производства культуры, созданы разнообразные культурно-развлекательные продукты и услуги. Также в определенной мере улучшилась ситуация дефицита культурных продуктов периода реформ и открытости и обогатилась духовно-культурная жизнь людей. Конечно, существует множество трудностей – на первый план выступают различные проблемы, вызванные однобоким стремлением к экономической выгоде, например, такие как платные новости, низкопробные печатные издания и т. п. Существование этих проблем предоставило удобный предлог для противников маркетизации культуры, некоторые даже обобщили эти проблемы в выражение «китайский юань стал главным редактором» [Нельзя... 1993]. Но за этими поверженными проблемами кроются два истинных довода, на которые опираются противники маркетизации культуры: во-первых, культурная ценность и экономическая ценность противоположны друг другу; во-вторых, культура носит элитарный характер, в ее производстве решения должны приниматься избранными, а не в угоду запросам масс. Относительно первого аргумента руководство предложило вариант решения согласно классификации на сильное или слабое общественно полезное значение, другими словами, не все отрасли культуры подвергнутся индустриализации или маркетизации, а только отрасли со слабым общественно полезным значением будут продвигаться на рынке. Вторым аргументом является элитарности культуры, но эта концепция с исторической точки зрения ошибочна, потому что именно народные массы являются творцами истории. И естественно, что народные массы имеют право на удовлетворение потребности в духовной культуре, кроме того, это их стремление также является целесообразным и законным. На самом деле цель маркетизации рынка – вовсе не стремление исключительно к экономической выгоде, как представляют себе ее противники, а основные цели заключаются в том, чтобы изменить способ правительственной монополии на производство культуры, существовавший в прошлом, и позволить рынку сыграть фундаментальную роль в распределении культурных источников для стимулирования развития рынка. Маркетизация культуры необходима, это стало решающим фактором для появления стратегической политики китайской культурной индустрии.

3. Основное влияние политики китайской культурной индустрии

Появление стратегической политики китайской культурной индустрии – это знаковое событие в развитии современной китайской культуры, которое заверши-

ло процесс поисков модели ее развития и открыло новое направление развития культуры с китайской спецификой. На теорию развития китайской культуры и ее осуществления в контексте глобализации и в условиях социалистической рыночной экономики все это оказало огромное влияние.

Всестороннее преобразование системы китайской культуры. Первое большое воздействие появления стратегической политики индустрии культуры Китая заключается в том, что были выдвинуты объективное требование всестороннего преобразования существующей системы культуры и практические задачи, что вызвало новые реформы в системе китайской культуры, потому что существующая в Китае система культуры – это продукт эпохи плановой экономики, и макросистемы управления или микромеханизмы функционирования не могли соответствовать объективным требованиям глобализации, в особенности развития культурной индустрии в условиях социалистической рыночной экономики.

Несмотря на то что реформирование системы культуры в Китае началось уже в 80-е гг. прошлого века⁵, в некотором смысле можно сказать, что появление стратегической политики китайской культурной индустрии – это результат реформы. Но в этот раз реформа отличается от старой новой характерной особенностью. В связи с этим некоторые авторы считают, что нынешняя реформа отличается от предыдущей, поскольку «ее цель заключается не только в направлении государственных бюджетных учреждений культуры внутри системы, но и в том, чтобы сделать основной целью строительство новой системы культуры, которая будет соответствовать системе социалистической рыночной экономики» [Ли Хэ, Джан Сяомин 2008]. Некоторые авторы утверждают, что нынешняя реформа системы культуры «осуществила ряд крупных прорывов в ускорении развития и всестороннего продвижения» [Цао Пу 2007]. А другие подчеркивают, что реформа системы культуры к этому времени уже превратилась из пассивной реформы в активную, из главным образом имитирующей реформу экономической системы в управляющие собственными законами реформы культурной системы. Кроме того, нынешнюю реформу обобщают под названием «реформа системы распространяющего типа» и отличают от предыдущей «реформы системы реагирующего типа» [Чэн Сысин 2008]. Однако, кроме глобального, всестороннего и активного характера, самая главная характерная особенность нынешней реформы заключается в проведении полномасштабных преобразований, начиная с макросистем управления до микромеханизмов функционирования, в условиях базового формирования новой структуры производства культуры, тем самым способствуя тому, что система культуры Китая еще больше соответствует объективным требованиям развития культурной мощи.

Если мы рассмотрим с точки зрения этой важной характерной особенности новую реформу системы культуры, это позволит нам более всесторонне понять суть и значение данной реформы. Во-первых, необходимо объединить культурную и экономическую системы, чтобы в корне решить вопрос об «отрыве друг от

⁵ После политики реформ и открытости Министерство культуры ранее всех выдвинуло предложение о преобразовании системы культуры. В феврале 1980 г. на общенациональном совещании руководителей управления по культуре, созванном Министерством культуры, было выдвинуто предложение о том, что нужно решительно и последовательно преобразовать систему в сфере культуры, преобразовать систему хозяйственного управления. В июне 1983 г. в докладе первой сессии 6-го Всекитайского собрания народных представителей была поставлена задача целенаправленного и систематического проведения реформы в системе литературы и искусства.

друга» связанных между собой экономики и культуры и осуществить интеграцию. Главными пунктами являются вхождение рыночных механизмов в сферу производства культуры, которые станут основной силой в распределении культурных источников, строительство «макросистем управления культурой, имеющих научный эффект, и микромеханизмов функционирования в сферах производства культуры и услуг, имеющих высокую эффективность», которые будут адаптироваться к системе социалистической рыночной экономики [ЦК КПК... 2006]. Во-вторых, с точки зрения освобождения и развития мощи производства культуры, или, иными словами, с точки зрения благоприятной для развития индустрии культуры, необходимо реконструировать культурную систему, чтобы очистить от идеологических и системных преград развитие культурной индустрии и осуществить значительное усиление мощи и конкурентоспособности индустрии культуры в целом. Первый главный пункт – это воспитание субъекта культурного рынка нового типа, который станет основной силой развития культурной индустрии, субъектом инноваций в культуре; «формирование структуры культурной индустрии, субъектом которой станет система общественной собственности и в которой различные формы собственности будут развиваться вместе» [Там же]. Вторым главным пунктом является современная система культурного рынка, разрушение рыночной структуры, в которой присутствуют разъединение вертикальных и горизонтальных связей, региональные преграды, разделение деревни и города, «формирование современной системы культурного рынка, которая будет единой, открытой, конкурентоспособной, упорядоченной», «строительство рыночного порядка, в котором управление будет вестись на основании законов, правонарушения будут расследоваться, соблюдаться принципы справедливой торговли, честности и надежности, создание среды рыночной конкуренции, в которой будут придерживаться принципов открытости, справедливости и беспристрастности» [Там же]. В-третьих, необходимо четко разделить положение и роль правительства и рынка в развитии культуры, ускорить трансформацию правительственной задачи. Главным пунктом является укрепление законодательных и политических основ культуры, строительство новой здоровой системы контроля и управления культурой.

Новое направление пути развития китайской культуры. На протяжении политики реформ и открытости одновременно с поисками пути развития экономики с китайской спецификой также никогда не прерывались поиски пути развития культуры с китайской спецификой. Можно сказать, что появление стратегической политики индустрии культуры Китая является самым важным и значительным результатом этих поисков, который изменил базовую структуру производства китайской культуры, открыл новое направление ее пути развития.

Путь развития китайской культурной индустрии начинается с периферии, приближается к центральной зоне и затем начинает углубляться в самый центр. Между ними существуют как инновационные методы управления культурой, так и первоначальные методы управления в развитии индустриализации. Но вне зависимости от формы в общем развитие идет по пути «прироста». Другими словами, кроме дела культуры, монополизированной правительством, появился новый путь развития культуры. В условиях социалистической рыночной экономики правительство предоставляет общественные культурные услуги, только исходя из целей обеспечения основных культурных прав народа, удовлетворения основных культурных потребностей народных масс, в остальном производство культурных

продуктов и услуг полностью регулируется рыночными механизмами. Власть над производством культуры, которая в прошлом была полностью в руках правительства, по большей части уже передана рынку. Производство культуры вступило в новую эпоху, как выше было описано, в эпоху «двух систем регулирования» и «трех способов производства».

Появление стратегической политики китайской культурной индустрии предоставило широкое политическое пространство не только для укрепления этой новой структуры производства культуры, но и для ее упорядочивания. Долг правительства – гарантировать прогрессивное направление передовой культуры, восстанавливать нарушение функций рынка, предоставлять общественные культурные услуги. Но предоставление общественных культурных услуг отнюдь не означает, что правительству обязательно нужно заниматься производством. Правительство также может не производить, а предоставлять услуги посредством купли. Другими словами, исходя из соображений эффективности, в будущем в структуре производства китайской культуры правительственная часть производства культуры имеет вероятность и тенденцию к дальнейшему уменьшению. Но из-за необходимости обеспечения справедливого и беспристрастного распределения культурных продуктов и услуг, а также потребности в «мягкой силе» повышения уровня национальной культуры, интенсивность и сфера предоставления правительством общественных культурных услуг имеют вероятность и тенденцию к усилению и увеличению. «Дихотомия» культурного дела и индустрии культуры, выдвинутая в целях продвижения реформы, согласно объективным законам развития культуры, в будущем станет ненужной, так как разделение дела и индустрии не научное. Производство культуры должно следовать одинаковым законам развития культуры и рыночной экономики, а распределение культурных продуктов и услуг руководствуется другим принципом. Через непрерывное регулирование путь развития культуры с китайской спецификой станет все более отчетливым.

Теоретическая задача развития культуры. Теория суха, а практика похожа на вечнозеленое дерево. Практика всегда ставит новые задачи для развития теории и в то же время готовит материалы для решения новой задачи. С углублением процесса глобализации человечество вступило в эру беспрецедентной культурной конкуренции; стремительное развитие и распространение высоких технологий изменили способ производства, хранения и потребления культуры; в особенности мультимедийный, многоканальный процессы, а также тенденция к слиянию коммуникации, Интернета, радио- и телевидения, вызванные стремительным развитием цифровых технологий и интернет-технологий, предоставили потенциальный спрос и широкое пространство для содержательного развития культуры. В условиях абсолютно новой экономики, технологий и международной обстановки, в которых проходило развитие культуры, появление стратегической политики китайской культурной индустрии, сформировавшейся на основе развития китайской культуры и осуществления на практике реформы системы культуры на протяжении более 20 лет, поставило перед нами множество теоретических задач по развитию культуры, требующих размышления и исследования. В теоретическом отношении изучение и решение этих задач – объективная необходимость эффективного осуществления стратегической политики китайской культурной индустрии, а также объективное требование реконструкции теоретической основы пути развития культуры с китайской спецификой.

Вопрос о современной ценности культуры и способ ее осуществления. Появление стратегической политики китайской культурной индустрии означает, что культура имеет огромную экономическую ценность. Это неизбежно вызвало постановку важного теоретического вопроса – о современной ценности культуры и способе ее осуществления. Данный вопрос включает в себя следующие конкретные пункты: кроме огромной экономической ценности, какие еще ценности имеет культура в современную эпоху? Каковы отношения между этими разными ценностями? Существуют ли между ними конфликты? Если произойдет конфликт, то каким ценностям следует уделять первоочередное внимание? Каким образом осуществляются современные ценности культуры? Какими новыми особенностями они обладают? И т. д. В действительности этот вопрос затрагивает не только свойства культуры и их взаимосвязь, но и взаимосвязь между общественным и экономическим эффектами культуры.

Вопрос о связи культуры с экономикой и политикой. В настоящее время с каждым днем усиливается слияние культуры с экономикой и политикой, культура все более превращается в источник единства и творческой силы народа, все более становится ключевым фактором синтеза мощи и преимуществ государства. В этом контексте развитие культуры с использованием способов индустриализации и маркетизации непременно приведет к новым изменениям в отношениях культуры с экономикой и политикой. Например, в прошлом в отношениях между культурой и экономикой культура часто находилась в зависимом положении. Но сейчас она не только сама может создавать экономическую ценность, но и становится главной движущей силой развития экономики, и даже сама цель развития экономики может получить разумное объяснение только посредством культуры. Предоставление законного статуса индустрии культуры означает, что в сфере культуры происходит повторное распределение и перемещение полномочий. Какое воздействие на политику может иметь изменение в структуре культурных полномочий и интересов? Какие новые ограничения может ввести политика в развитие культурной индустрии? Эти вопросы также требуют размышления и изучения.

Вопрос о сохранении элитарности культуры. Предоставление законного статуса индустрии культуры означает признание законности массовой культуры, однако такие особенности массовой культуры, как массовость, популярность, распространенность и изменчивость, определили то, что культура больше не стремится к элитарности. Но сохранение элитарности культуры является основным требованием для развития человеческой культуры, которая представляет уровень культурного духа, культурных вкусов и развития культуры отдельной страны. Кто возьмет на себя ответственность за сохранение элитарности культуры в новой структуре культурного производства, посредством каких способов будут создавать элитарность, формирование позитивного взаимодействия элитарной культуры с массовой, в полной мере раскрытие ее руководящей и развивающей роли? Все эти вопросы требуют серьезного размышления и изучения.

Заключение

Со времени появления стратегической политики китайской культурной индустрии прошло уже 6 лет. За этот период появляется функциональная политика культурной индустрии и постепенно формируется ее система; реформа системы культуры также справилась со своей испытательной задачей и на данный

момент разворачивается в полной мере; одновременно была выдвинута задача реконструкции системы общественно-культурных услуг, и уже получены первые результаты. Предварительно сформировалась основа пути развития культуры с китайской спецификой, китайская культурная индустрия совершила огромный прогресс, проявляется новый характер развития китайской культуры. Все это свидетельствует о том, что появление стратегической политики китайской культурной индустрии – действительно знаковое событие в процессе развития современной китайской культуры и, без сомнения, глубокое влияние этого события будет и дальше сказываться на ее будущем историческом развитии.

Перевод с китайского К. А. Аммосовой

Литература

Доклад о развитии мировой культуры – культурное многообразие, столкновение и сосуществование множества (2000). Пекин : Изд-во Пекинского ун-та, 2002.

Ли Хэ, Джан Сяомин. Политика современной китайской культуры за последние 10 лет // Вестник Академии общественных наук Китая. 2008. 8 мая. Вып. 8.

Ло Ган. Важное стратегическое решение. Ускорить развитие третичного сектора экономики. Пекин : Изд-во Китайского ун-та политики и права, 1992.

Ма Хун, Лю Гуогуан и др. Антология реформ в Китае (1978–1991 гг.). Серия «Реформа культурной системы». Далянь, 1992.

Нельзя позволить китайскому юаню стать главным редактором // Гуанмин жибао. 1993. 6 августа.

О различиях стратегической и функциональной политик // Введение в анализ государственной политики. Пекин : Изд-во Китайского народного ун-та, 2014. С. 162–163.

Основные положения десятого пятилетнего плана экономического и социального развития // Жэньминь жибао. 2001. 18 марта. № 1.

Рекомендации ЦК КПК по разработке десятого пятилетнего плана экономического и социального развития // Жэньминь жибао. 2000. 19 октября. № 1.

Стиглиц Дж. Экономика государственного сектора. 3-е изд. Пекин : Изд-во Китайского народного ун-та, 2005.

Хезмондалш Д. Культурные индустрии. Пекин : Изд-во Китайского народного ун-та, 2007.

Цао Пу. Реформа системы китайской культуры с конца 70-х гг. XX века // Изучение истории современного Китая. 2007. № 5.

Центральное рабочее совещание проходит в Пекине // Жэньминь жибао. 1999. 18 ноября. № 1.

Цзян Цзэминь. Всестороннее строительство общества малого достатка, открыть новые перспективы для дела социализма с китайской спецификой. Доклад на 16-м Всекитайском съезде КПК // Жэньминь жибао. 2002. 18 ноября. № 1.

ЦК КПК, Госсовет КНР: «Несколько идей по поводу углубления реформы культурной системы» // Жэньминь жибао. 2006. 13 января. № 1.

Чэн Сысин. Пути развития и перемен в системе культуры нашей страны на протяжении 30 лет политики реформ и открытости // Пекин Дэйли. 2008. 9 октября.

КОНФУЦИАНСТВО КАК ФОРМА РЕЛИГИОЗНОГО НАТУРАЛИЗМА

Такер М. Э.*

Конфуцианский религиозный натурализм включает в себя динамическую космологическую направленность, которая переплетается с духовными выражениями в форме этики коммунитаризма общества, самосовершенствования человека и ритуальных выражений, объединяющих себя, общество и космос. Это переплетение духовной интеграции, которое имело долгую и богатую историю в Китае и других странах Восточной Азии, заслуживает более тщательного изучения. Автор статьи полагает, что эти исследования укажут путь к будущим формам конфуцианского религиозного натурализма в новых и творческих проявлениях.

Ключевые слова: конфуцианство, религиозный натурализм, самосовершенствование, коммунитаризм, космология.

Confucianism religious naturalism encompasses a dynamic cosmological orientation that is interwoven with spiritual expressions in the form of communitarian ethics of the society, self-cultivation of the person, and ritual expressions integrating self, society, and cosmos. This tapestry of spiritual integration, which has had a long and rich history in China and in other countries of East Asia deserves further study. The author thinks such studies will also point the way toward future forms of Confucian religious naturalism in new and creative expressions.

Keywords: Confucianism, religious naturalism, self-perfection, communitarianism, cosmology.

Искусство конфуцианского религиозного натурализма можно описать как открытие космологического бытия в повседневной рутине. Для конфуцианства в обычном находится необычное, светское означает священное, трансцендентное видится в имманентном. Конфуцианство отличает всеобъемлющий космологический контекст, который определяет мировоззренческую ориентацию человечества. Его нельзя назвать традицией поиска освобождения за пределами мира, это то, что утверждает духовность становления более гуманной личности в самом мире. Путь имманентности есть путь конфуцианства¹.

Средства самопреобразования – это самосовершенствование по отношению к другим и природе. Оно рассматривается в связи с традицией научной мысли, воплощенной в направленности на ценность культуры и ее многочисленные прояв-

* Такер Мэри Эвелин – научный сотрудник Йельского университета, старший преподаватель богословского факультета и факультета лесохозяйственных и природоохранных исследований. Сопредседатель (с Джоном Гримом) Форума по религии и экологии в Йельском университете. E-mail: maryeve-lynn.tucker@yale.edu.

¹ В этой статье, кроме отмеченных случаев, мы используем термины «конфуцианский» и «конфуцианство» для обозначения традиции в широком смысле, необязательно проводя различия между ранними классическими конфуцианскими течениями и более поздними неоконфуцианскими формами в Китае, Корее и Японии.

ления. Оно нацелено на развитие плодотворных общественных отношений, эффективных образовательных систем, устойчивых сельскохозяйственных моделей и гуманного политического управления в контексте динамических, жизненно важных процессов Вселенной.

Спешим добавить, что аспекты трансцендентности не полностью отсутствуют в этой традиции, например, в представлении о Небе в классическом конфуцианстве или о Высшей цели в позднем неоконфуцианстве². Тем не менее конфуцианская духовность делает акцент на культивировании своей небесной природы по отношению к другим людям и самой Вселенной. Здесь нет стремления спастись от сансары, циклов страдания, как в индуизме или буддизме, поисков загробного спасения, как в иудаизме, христианстве или исламе. Скорее, собственный микрокосм и макрокосм Вселенной косвенно и открыто рассматриваются как аспекты единой, но постоянно меняющейся реальности.

Таким образом, сплетение воедино имманентности и трансцендентности в этой традиции создает уникальную форму духовной практики среди мировых религий. Между сверхъестественными и естественными порядками не существует онтологического раскола. Это действительно можно назвать одним из выдающихся вкладов в конфуцианство, как в исторически сложившееся, так и в его современные возрожденные формы.

Описание формы религиозного натурализма является одной из нелегких задач по ознакомлению читателя с удивительным построением конфуцианской мысли как классического, так и современного периода. Мы надеемся, что при исследовании этих отличительных форм конфуцианства само понятие религиозного натурализма будет расширяться и в итоге обогащаться. Важно понимать, что многие стремления конфуцианства не всегда были достижимы. Действительно, часто преобладали иерархические и авторитарные аспекты, подобно досовременным религиозным традициям.

Что такое конфуцианский религиозный натурализм?

Среди религиозных традиций мира конфуцианство отличается тем, что его понимание затруднительно с точки зрения религиозных или духовных аспектов. Отчасти сложность проблемы относительно религиозного характера конфуцианства заключается в изучении целого ряда взаимосвязанных вопросов. Главнейшим среди них является вопрос о том, как определять конфуцианство: как политическую систему, этические учения, социальные нормы, философию человека или религиозное мировоззрение³. Мы рассматриваем все эти характеристики как часть конфуцианства. Однако здесь мы стремимся к изучению конфуцианства

² Как полагает Ту Вэймин, «несмотря на трудность осмысления трансцендентности как радикального отличия, приверженность конфуцианцев к окончательному самопреобразованию обязательно включает в себя трансцендентальное измерение» [Confucian... 1985: 137]. Это не «радикальная трансцендентность, а имманентность с трансцендентным измерением» [Centrality... 1989: 121]. См. аналогичные доказательства, приведенные ранее в статье Лю Шу-хсена [Liu Shu-hsien 1972: 45–52]. Роджер Эймс и Дэвид Холл утверждали, что конфуцианская традиция, особенно в ее классических формах, практически не рассматривает трансцендентность [см.: Hall, Ames 1987; 1998; см. также: Ames 1984: 7–23].

³ Лю Шу-хсен и другие философы заметили, что конфуцианство как духовный идеал, воплощающий определенные духовные ценности и стремления, следует отличать от конфуцианства, входящего в социальные и политические идеологии и институты [см.: Tu Weiming 1996; см. также: Liu Shu-hsien 1998].

необязательно в качестве «религии» как таковой, а как религиозного натурализма с духовным измерением.

Мы воздерживаемся от использования термина «религия» для описания конфуцианства, поскольку религия довольно часто ассоциируется с формальными институциональными структурами и чаще всего с особенностями западных религий, такими как теизм, личное спасение души и естественные/сверхъестественные дихотомии⁴. Таким образом, термин «религия» может затруднять, а не разъяснять понимание отличительных религиозных и духовных особенностей конфуцианского натурализма⁵. Поэтому вместо утверждения конфуцианства как религии (что само по себе проблематично для многих людей) мы предполагаем, что конфуцианство является религиозным натурализмом с космологической направленностью⁶. Этот космологический подход реализуется в отношении микрокосма «самого себя» к макрокосму Вселенной посредством духовных практик общинной этики, самопреобразования и ритуальных связей.

Религиозный натурализм в конфуцианском контексте – это то, что дает людям всеобъемлющий и определяющий ориентир на пути к решению проблем. Духовность – это то, что способствует выражению глубоких стремлений человека, связанных с этими ключевыми проблемами. Поскольку религиозное мировоззрение считается частью определенного набора культурных идеалов и практик, в которых рождается человек, духовность может рассматриваться как средство достижения этих идеалов. Конфуцианский религиозный натурализм отличается своим космологическим контекстом, в котором люди завершают триаду Неба и Земли. Конфуцианская духовность требует дисциплины и практики наряду со спонтанностью и созиданием. Конфуцианская духовность устанавливает различные этические обязательства для определенных человеческих отношений, углуб-

⁴ Хотя можно было бы использовать некоторые западные определения религии, чтобы показать, что конфуцианство – тоже религия, эти определения могут ограничивать понимание природы конфуцианской духовности. Например, мы можем основываться на определениях религии Пауля Тиллиха и Фредерика Стренга. Для Тиллиха религия сосредотачивается на конечной цели, в то время как Стренг предполагает, что религия является средством конечного преобразования [см.: Tillich 1957; Streng 1985].

Оба этих широких определения применимы к конфуцианству. Конечная цель в конфуцианстве очевидна, когда человек отзывается на волю Небес, которая открывается в божественно дарованной природе и проявляется в бренном мире. Конечное преобразование в конфуцианстве включает в себя способы самосовершенствования, которые являются интеллектуальными, духовными и моральными. Его цель состоит в том, чтобы сделать человека целостной личностью, а именно – более чутким и сострадательным, насколько это возможно. Конечное преобразование ведет к мудрости. Тем не менее это достижение находится в пределах чувственного восприятия мира, а не отдельно от него, и направлено на благо более крупного общества, а не только на спасение отдельного человека. Это отличает конфуцианскую религиозность от западных форм религии. [О природе религии см. также: Smith 1963.]

Определение конфуцианского мировоззрения (как с философской точки зрения, так и с религиозной), за исключением западных категорий, – главная проблема Роджера Эймса и Дэвида Холла, которые предполагают, что конфуцианство является одновременно и нетеистическим, и глубоко религиозным [см. их комментарий к «Учению о срединном и неизменном» в: Ames, Hall 2001].

⁵ Ту Вэймин отметил: «Проблему того, является ли неоконфуцианство религией, не следует путать с более важным вопросом: что значит быть религиозным в неоконфуцианском сообществе? Ответ на первый вопрос часто зависит от конкретной интерпретирующей позиции, которую мы выбираем, чтобы понять, что составляет парадигму религии, которая может иметь мало общего с нашими знаниями о неоконфуцианстве как духовной традиции» [Tu Weiming 1985: 132].

⁶ Мы высоко ценим работу Уильяма Теодора де Бари и Ту Вэймина в данной области. Об одном из первых всесторонних обсуждений религиозных аспектов конфуцианства можно прочитать в книге [de Bary 1975]. По данному вопросу см.: Tu Weiming 1989; Ivanhoe 2000, а также многочисленные работы Роджера Эймса и Дэвида Холла, включая последнюю книгу [Ames, Hall 2001].

ляет субъективизм в своих методах самосовершенствования и провозглашает единство космических и человеческих сил в своих ритуальных связях. Она направлена на то, чтобы развернуть творческое начало человека среди концентрических кругов взаимозависимого творения – от человека к Вселенной.

Одним из способов оценить своеобразие конфуцианского религиозного натурализма и его духовного выражения является изучение многообразных особенностей религий с общим географическим местом происхождения. Необходимо отметить, что Карл Ясперс назвал расцвет мировых религий, который произошел в VI в. до н. э., «осевым временем» [Jaspers 1953]. Этот период характеризуется с точки зрения трех основных центров происхождения: в Западной Азии – иудаизм, христианство, ислам; в Южной Азии – индуизм, джайнизм, буддизм; в Восточной Азии – конфуцианство и даосизм. Первую группу можно описать как пророческие и исторически сложившиеся религии, вторую можно рассматривать как мистические религии и религии освобождения, третья группа может быть представлена религиозным натурализмом космической и социальной гармонии [Berthrong 1994: 216]. Именно взаимодействие космического и социального лежит в основе духовной динамики конфуцианского натурализма.

Привлекательность конфуцианского религиозного натурализма

Дэвид Кейтли отмечает: «Сила и стойкость конфуцианской традиции, несмотря на то, что ее проявления часто носили светский характер, не могут быть объяснены в полной мере, как и ее истинная природа не может быть понята до тех пор, пока мы не рассмотрим религиозные взгляды, которые способствовали рождению этой традиции и продолжали ее поддерживать» [Keightley 1978: 117, 224]. Очевидно, что конфуцианская мысль привлекала и отдельных людей, и целые группы в Восточной Азии на протяжении веков за рамками ее политического или идеологического использования. Отдельные ученые и преподаватели занимались изучением и практикой конфуцианства для интеллектуального вдохновения, личного назидания, духовного роста и ритуального выражения. Распространение конфуцианства в Корее, Японии и Вьетнаме доказывает это. Особенно очевидным это было в Японии, где не существовало системы государственных экзаменов для продвижения по карьерной лестнице. Например, в эпоху Токугава (1603–1868 гг.) многие японские ученые и преподаватели ценили конфуцианство за его самоценность и помогали его распространению в обществе посредством создания школ [см.: Rubinger 1982].

Конфуцианство – это больше, чем традиционный стереотип модели создания общественного порядка и политической стабильности, иногда используемый в жестоких или диктаторских целях. В то время как конфуцианство стремилось создать стабильные и гармоничные общества, оно также поощряло проведение личных и общественных реформ, а также пересмотр моральных принципов и духовных практик, соответствующих различным контекстам [de Bary 1953]. Это проявляется в конфуцианской морально-политической теории начиная с ранней классической концепции исправления имен в Аналектах до четкого определения понятия права на революцию, введенного Мэн-цзы. Это также прослеживается в более поздней неконфуцианской практике, заключающейся в том, чтобы выражать протест императору и при необходимости лишать полномочий безответственное или коррумпированное правительство.

На личностном уровне весь процесс самосовершенствования в конфуцианской духовной практике был направлен на достижение аутентичности и искренности благодаря добросовестному изучению, критическому самоанализу, постоянным усилиям и готовности изменить себя [de Vary 1991]. Главным в этом процессе считалось «изучение себя», а не просто безапелляционное усвоение идей или попытка произвести впечатление на других [Ibid.]. Таким образом, аутентичности можно достичь только путем постоянного преобразования, чтобы самому находиться в согласии с созидательными и порождающими силами Неба и Земли⁷. Эти учения стремились внедрить процесс гармонизации в соответствии с динамическими космологическими механизмами природы. Таким образом, преобразование провозглашалось как сила добра в естественном порядке и в человеческой деятельности. Этот процесс гармонизации с преобразованиями во Вселенной можно определить как главный источник конфуцианской духовности, выраженной в различных формах самосовершенствования. Это является основой конфуцианского религиозного натурализма.

Пристальное внимание к положительным аспектам преобразований прослеживается в каждом периоде конфуцианства, а также в его распространении в других географических областях. Преобразование самого себя, общества и космоса подтверждалось и отмечалось с раннего периода становления, в результате чего появилась «Книга перемен» (И-Цзин). Позже, в эпоху династии Хань, конфуцианство придавало особое значение насущным связям между человеком и различными элементами природы⁸. В эпоху династии Сун в XI и XII вв. неоконфуцианство подчеркивало способность Неба и Земли к созиданию. Конфуцианская духовность во всех ее разнообразных выражениях в Восточной Азии рассматривалась как мощное средство личностного преобразования. При этом она служила потенциальным инструментом установления социальной гармонии и политического порядка посредством этики коммунитаризма и ритуальной практики. В ней подчеркивалось нравственное преобразование, которое распространялось через концентрические круги, а не через внешнее навязывание законов и бюрократических ограничений. Именно этот момент отличал конфуцианские стремления и идеалы от легалистов, таких как Хань Фэй-цзы, который осознал, что человека может ограничивать и сдерживать закон, и он может измениться, если применить наказание⁹. Конфуцианство – это традиция, которая просуществовала уже более двух с половиной тысячелетий в различных исторических, географических и культурных контекстах. Оно по-прежнему претерпевает изменения и возрождается в своих современных формах¹⁰.

⁷ См. рассуждения Ту Вэймина об этом: Tu Weiming 1989.

⁸ Необходимо отметить, что это упорядочение космоса и общества может проявляться как в улучшении жизни, так и в сдерживании ее развития. При использовании политической идеологии эпохи Хань данные становятся противоречивыми.

⁹ Тем не менее конфуцианцев уличили в прагматичной политике управления, которая часто не только требовала обращения к личному нравственному преображению и ритуальной практике в качестве сдерживающих факторов, но и признавала, что закон и наказание играли свою роль, хотя и в качестве вторичной меры.

¹⁰ Многие произведения западных конфуцианских ученых переводятся на китайский язык благодаря возродившемуся интересу к конфуцианству в Китае. К ним относятся работы В. Теодора де Бари, Ту Вэймина, Роджера Эймса и Дэвида Холла, Роберта Невилла, Джона Бертрона, а также двухтомный труд о конфуцианской духовности [см.: Tu Weiming, Tucker 2003].

Обзор исторического развития конфуцианства

Конфуцианская традиция по-разному выражалась в Китае, Корее, Японии, Вьетнаме, Гонконге, Тайване и Сингапуре. Изучение конфуцианства как единственной традиции является проблематичным из-за его географического распространения, исторического развития и разнообразных форм – от императорского государственного конфуцианства до местного и семейного. Тем не менее в данном обзоре предпринята попытка провести различия форм конфуцианства, для того чтобы подчеркнуть аспекты его религиозного натурализма¹¹.

Во время возникновения традиции в Китае в 1-м тыс. до н. э. она включала передачу и преобразование конфуцианства, которое происходило в разных восточноазиатских культурных и географических контекстах. Изучая причины его распространения и привлекательности, важно подчеркнуть, каким образом оно взаимодействовало с национальными традициями в Китае и во всей Восточной Азии. Например, конфуцианство откликнулось на идеи даосизма и буддизма в Китае, шаманизма в Корее и синтоизма в Японии и смешалось с ними¹². Необходимо подчеркнуть заимствование и творческое взаимодействие между различными религиозными традициями в Восточной Азии. Действительно, следует отметить так называемое единство и синкретизм трех традиций – конфуцианства, даосизма и буддизма в Китае. Это было особенно заметно в эпоху династий Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911) [см.: Berling 1980].

Признавая это динамичное скрещивание религиозных традиций в Восточной Азии, можно также выделить четыре основных периода конфуцианской мысли и практики с исторической точки зрения. Первым этапом в Китае является классическое конфуцианство, который охватывает период примерно с VI до II в. до н. э. Это время расцвета ранних конфуцианских мыслителей, а именно – Конфуция и Мэн-цзы. Вторым этапом – это конфуцианство эпохи Хань, когда классическая традиция трансформировалась в политическую ортодоксальность в период Ханьской империи (202 г. до н. э. – 220 г. н. э.) и начала распространяться в других частях Восточной Азии. В это время стала развиваться теория тождества микрокосма человеческого мира с макрокосмом мира природы. Третий важный этап – неоконфуцианская эпоха, которая длилась с XI до начала XX в. Она включает в себя всесторонний синтез Чжу Си в XI в. и выдающийся вклад Ван Янмина в XV и XVI вв. Влияние конфуцианства как образовательной и философской системы в этот период ощущалось во многих частях Восточной Азии. Последний этап – это новое конфуцианство XX в., которое представляет собой возрождение традиции под влиянием ученых, прибывших в Тайвань и Гонконг в начале правления Мао в 1949 г.¹³ Четыре десятилетия спустя, в октябре 1989 г., Международ-

¹¹ Очевидно, здесь существуют трудности относительно признания исторической специфики конфуцианства наряду с определением некоторых основных религиозных элементов в традиции.

¹² Например, в XVII в. в Японии существовало конфуцианство в сочетании с синтоизмом, затем в XVIII в. конфуцианство отделилось от синтоизма под влиянием нативистов и снова воссоединилось с ним в конце XIX в. Японское конфуцианство как мировоззрение и как форма духовного совершенствования по-прежнему является частью многих новых религий в Японии и заслуживает последующего изучения [см.: Hardacre 1986].

¹³ Ту Вэймин заявляет о новом конфуцианстве как о «третьей эпохе конфуцианского гуманизма» после классического и неоконфуцианского периодов [см.: Confucianism... 1986: 3–21]. Джон Бертрон выделяет шесть периодов конфуцианства, которые включают Хань, Тан и, позднее, доказательное учение Цинь [см.: Berthrong 1994: 77–83, 191–192].

ное конфуцианское общество провело две крупные конференции в Пекине и Цюйфу, на родине Конфуция, чтобы исследовать будущее конфуцианского пути. Эти конференции были предназначены для празднования 2540-летия со дня рождения Конфуция, и обе они означали интерес конфуцианских практиков к будущему.

Мировоззрение и мораль: органическая космология и этика коммунитаризма

Конфуцианскому религиозному натурализму, несмотря на то что он не является единственным и единообразным, присуща органическая космология [Needham 1956: 291–293], характеризующаяся «непрерывностью бытия» [см.: Tu Weiming 1985] внутри «имманентного космоса»¹⁴. Между трансцендентным, сверхъестественным порядком и имманентной, мирской ориентацией не существует четкого разделения, как в западных религиях. «Учение о срединном и неизменном (Чжун юн)» гласит: «Путь Неба и Земли можно описать в одном предложении: они не двойственны по природе, поэтому они создают мир неведомым образом. Путь Неба и Земли обширен, глубок, высок, блистателен, бесконечен и продолжителен»¹⁵.

Осознание безупречного взаимодействия людей с Вселенной возникает без онтологического разрыва между нашим и другим миром. Конфуцианское космологическое мировоззрение – это мировоззрение, которое охватывает изменчивую и динамичную непрерывность бытия. С точки зрения морали или этики это предполагает развитие глубоких взаимосвязей Неба, Земли и людей. Это глубокое символическое выражение троичного взаимодействия имманентного космоса неоднократно упоминается как в конфуцианских, так и в неоконфуцианских текстах, цитируемых в Восточной Азии¹⁶. Как отмечает Ту Вэймин, эта космология является не теоцентрической, не антропоцентрической, а скорее антропокосмической. В этом смысле акцент делается не только на божественном и человеческом, как и в преобладающей модели на Западе. Всестороннее взаимодействие Неба, Земли и людей, скорее, даже подчеркивается термином «антропокосмический» [Tu Weiming 1989: 102–107]. Таким образом, мировоззрение органической космологии создает контекст сложной коммунитарной модели социальной этики, которая отличает восточноазиатские общества.

Взаимное притяжение вещей друг к другу как в человеческом мире, так и в мире природы порождает внутреннюю этическую систему взаимных отношений. Инстинктивные качества человеческого сердца, такие как способность к состраданию и сопереживанию, воспитываются и выражаются в человеческих отношениях и обрядах (Мэн-цзы 2А: 6). Человек не является изолированным индивидуумом, нуждающимся в освобождении личным Богом, но он глубоко погружен

¹⁴ Этот термин используют Роджер Эймс и Дэвид Холл в своей книге [Hall, Ames 1987: 12–17].

¹⁵ Перевод: Wing-tsit Chan 1963: 109.

¹⁶ Наряду с другими они включают следующие работы: «Книга перемен» (приложение третье), «Книга ритуала» (глава 7), «Учение о срединном и неизменном» (глава 22), «Драгоценные жемчужины летописи “Весна и осень”» Дун Чжуншу (глава 44), «План Великого предела» Чжоу Дуни, «Западная надпись» Чжан Цзай, «Второстепенные пояснения к древнему тексту Великого учения» Ван Янина [см.: Wagu, Bloom 1999].

в совокупность животворящих и жизнеобеспечивающих отношений и обычаев. В пределах этой органической вселенной человек рассматривается как микрокосм макрокосма, где его действия влияют на большое целое, подобно ряби на пруду, выраженной в Великом учении. Таким образом, существует относительный резонанс личного и космического общения, вызываемый аутентичностью (чэн), как показано в «Учении о срединном и неизменном»¹⁷. Человек тесно связан с различными сообществами через обычаи, от естественной привязанности к семье до общественно-политического порядка и символического сообщества Неба и Земли¹⁸. Люди достигают полной идентичности, будучи членами великой триады «Небо – Человек – Земля». Внутри этой триады Небо является ведущей нравственной составляющей, Земля – жизненно важной моральной силой, а люди – соавторами гуманного и морального общественно-политического порядка.

Космология и развитие: Созидательное творчество Небес и преображение людей

Конфуцианский религиозный натурализм охватывает обширный космологический порядок, который отличается созидательным творчеством Небес как животворящей силы, которая непрерывно поддерживается сама собой¹⁹. Подобно процессу Уайтхеда, Вселенная в конфуцианстве рассматривается как разворачивающийся творческий процесс, а не как статическая инертная механическая система, контролируемая отсутствующим или удаленным божеством [см.: Berthrong 1994]. В качестве защищающей, поддерживающей и преобразующей силы Небо помогает привести все процессы к их естественному, космологическому завершению. Это происходит потому, что люди тесно связаны с небесной природой, которая позволяет им преображаться с помощью самосовершенствования²⁰.

Таким образом, идеал созидательной космологии поддерживает образование, обучение и самопреобразование. Оптимистическая точка зрения о том, что человек наделен божественной природой, проявляется в конфуцианском этосе образования и семьи, который теоретически создает систему ценностей, способствующую воспитанию врожденной человеческой доброты и креативному преобразованию личностного потенциала. Данный этос вызывает сыновье чувство долга по отношению к Небесам за то, что они даровали жизнь, и за божественно дарованную природу. Постоянное моральное совершенствование с целью улучшения самого себя и общества является способом отблагодарить Небеса. Символом или моделью, объединяющими этот аспект мировоззрения и этос, является благородный человек (цзюнь-цзы) или мудрец (шэн), который «слышит» волю Небес и способен естественным образом воплотить ее в процессе обучения и самосовершенствования. Таким образом, мудрец является наивысшим воплощением духовных стремлений конфуцианской традиции [Taylor 1990].

¹⁷ См. главы 22, 25, 26 «Учения о срединном и неизменном» [Bary, Bloom 1999].

¹⁸ См. статью Томаса Берри в первом томе [Berry 2003].

¹⁹ «Книга перемен», приложение III 2:1/8. См. также главу «Creative Principle» в [Hellmut 1977]. Неоконфуцианцы часто ссылаются на продуктивные и репродуктивные силы Вселенной (Ch. sheng sheng, Jp. sei sei).

²⁰ См. главу 1 «Учения о срединном и неизменном» [Bary, Bloom 1999].

Жизненная сила Земли и совместное творчество людей: космологические связи и человеческий обычай

Созидательная способность Небес в конфуцианском космологическом мировоззрении сопровождается жизненной силой мира природы. Ощущение жизненной силы природы наполняет многие конфуцианские тексты, начиная с раннего текста «Книги перемен» (И-Цзин) до неоконфуцианской переоценки этого текста [см.: Smith *et al.* 1990]. Эта жизненная сила понимается как часть сезонных циклов природы, а не как развивающаяся эволюционирующая Вселенная, обсуждаемая современными философами и теологами. Она выражается в тщательно продуманной серии связей (сезонных, направленных, элементарных), которые рассматривались в ханьском конфуцианстве в качестве моделей, предполагающих тщательное регулирование, необходимое в социальной и политической сферах [см.: Rosemont 1984; Queen 1996; Eno 1990; Henderson 1984]. Этот космологический взгляд на интегральные циклы природы усиливает этос данными процессами благодаря созданию гармоничного общества и управления с соответствующими ритуальными структурами. Обряды отражают шаблонные структуры мира природы и связывают людей друг с другом, с миром предков и с космосом в целом.

Жизненная сила (Ци) Вселенной – это то, что объединяет людей и природу, связывая их мировоззрение и дух, и дает людям возможность стать сотворцами вместе со Вселенной²¹. Как отмечает Мэн-цзы, именно Ци объединяет Правоту (этос) и Путь (мировоззрение), заполняя все пространство между Небом и Землей²². Таким образом, моральный императив конфуцианства заключается в том, чтобы осуществить соответствующий этический и ритуальный выбор, связанный с созидательными силами Пути, и тем самым способствовать улучшению социального и политического порядка.

Конфуцианский религиозный натурализм провозглашает изменения, поскольку они проявляются в созидательном творчестве Неба и в жизнеспособности Земли. В частности, разнообразные и динамические модели космологических изменений отмечаются как часть животворящей Вселенной. Обряды и музыка предназначены для создания гармонии с космическими изменениями и для содействия процессу личностного преобразования. Обряды способствуют объединению мировоззрения о космических изменениях с этосом человеческих изменений в обществе, тем самым гармонизируя естественный и человеческий порядок. Обряды и музыка – это средства создания благодати, красоты и согласия. Таким образом, природные космологические структуры Земли выступают противовесом в этосе социальных моделей, выраженных в ритуальном поведении и музыке. С точки зрения космологии гармония со Вселенной уравнивается духом взаимного резонанса человеческих отношений и выражается в закономерном ритуальном поведении.

Вывод

Конфуцианский религиозный натурализм включает в себя динамическую космологическую направленность, которая переплетается с духовными выражениями в форме этики коммунитаризма общества, самосовершенствования челове-

²¹ См. использование Ту Вэймином термина «сотворец» в: Commonality... 1989: 70, 78, 98, 102, 106.

²² Мэн-цзы 2А: 2.

ка и ритуальных выражений, объединяющих себя, общество и космос. Это переплетение духовной интеграции, которое имело долгую и богатую историю в Китае и других странах Восточной Азии, заслуживает дальнейшего изучения. Мы полагаем, что такие исследования также укажут путь к будущим формам конфуцианского религиозного натурализма в новых и творческих проявлениях.

*Перевод с английского
Н. С. Дорофеевой, Е. С. Столяровой*

Литература

Ames R. T. Religiousness in Classical Confucianism: A Comparative Analysis // *Asian Culture Quarterly*. 1984. Vol. 12. No. 2. Pp. 7–23.

Ames P. T., Hall D. L. *Focusing the Familiar*. Albany, NY : State University of New York, 2001.

Bary T., Bloom I. *The Sources of Chinese Tradition*. New York : Columbia University Press, 1999.

Bary de W. T. A Reappraisal of Neo-Confucianism // *Studies in Chinese Thought*. The American Anthropological Association. 1953. Vol. 55. No. 5. Part 2. Memoir No. 75 (December).

Bary de W. T. *The Untolding of Neo-Confucianism*. New York : Columbia University Press, 1975.

Bary de W. T. *Learning for One's Self*. New York : Columbia University Press, 1991.

Berling J. *The Syncretic Religion of Lin Chao-en*. New York : Columbia University Press, 1980.

Berthrong J. *All Under Heaven: Transforming Paradigms in Confucian-Christian Dialogue*. Albany, NY : State University of New York, 1994.

Berry T. 2003. *Affectivity in Classical Confucian Tradition // Confucian Spirituality*. Vol. 1 / Ed. by Tu Weiming, M. E. Tucker. New York : Crossroad Publishing Company. Pp. 96–112.

Centrality and Commonality: An Essay on Confucian Religiousness. Albany, NY : State University of New York, 1989.

Commonality and Centrality. Albany, NY : State University of New York, 1989.

Confucian Thought: Selfhood as Creative Transformation. Albany, NY : State University of New York, 1985.

Confucianism: The Dynamics of Tradition / Ed. by I. Eber. New York : Macmillan, 1986.

Eno R. *The Confucian Creation of Heaven*. Albany, NY : State University of New York, 1990.

Hall D. L., Ames R. T. *Thinking Through Confucius*. Albany, NY : State University of New York, 1987.

Hall D. L., Ames R. T. *Thinking From the Han: Self, Truth and Transcendence in Chinese and Western Culture*. Albany, NY : State University of New York, 1998.

Hardacre H. *The World View of the New Religion // Kurozumikyo and the New Religions of Japan* / Ed. by P. Hardacre. Princeton : Princeton University Press, 1986.

Hellmut W. Heaven, Earth and Man in the Book of Changes. Seattle : University of Washington Press, 1977.

Henderson J. The Development and Decline of Chinese Cosmology. New York : Columbia University Press, 1984.

Ivanhoe P. J. Confucian Moral Self Cultivation. Indianapolis : Hackett, 2000.

Jaspers K. Origin and Goal of History. London : Routledge & K. Paul, 1953.

Keightley D. The Religious Commitment: Shang Theology and the Genesis of Chinese Political Culture // History of Religions. 1978. No. 17. Pp. 211–224.

Liu Shu-hsien. The Confucian Approach to the Problem of Transcendence and Immanence // Philosophy East and West. 1972. Vol. 22. No. 1. Pp. 45–52.

Liu Shu-hsien. Understanding Confucian Philosophy: Classical and Sung-Ming. Westport, CI : Praeger, 1998.

Needham J. Civilization in China. Vol. 2. Cambridge : Cambridge University Press, 1956.

Queen S. From Chronicle to Canon: The Hermeneutics of the Spring and Autumn According to Tung Chung-shu. New York : Cambridge University Press, 1996.

Rosemont H. (Ed.). Explorations in Early Chinese Cosmology. Chico, CA : Scholars Press, 1984.

Rubinger R. Private Academies of Tokugawa Japan. Princeton : Princeton University Press, 1982.

Smith W. C. The Meaning and End of Religion. New York : Macmillan, 1963.

Smith K., Bol P., Adler J., Wyatt D. J. Sung Dynasty Uses of the I Ching. Princeton : Princeton University Press, 1990.

Streng F. Understanding Religious Life. Belmont, CA : Wadsworth Publishing Co, 1985.

Taylor R. The Religious Dimensions of Confucianism. Albany, NY : State University of New York, 1990.

Tillich P. The Dynamics of Faith. New York : Harper and Row, 1957.

Tu Weiming. Confucian Thought: Selfhood as Creative Transformation. Albany, NY : State University of New York, 1985.

Tu Weiming. Centrality and Commonality: An Essay on Confucian Religiousness. Albany, NY : State University of New York, 1989.

Tu Weiming. Confucian Traditions in East Asian Modernity: Moral Education and Economic Culture in Japan and the Four Mini Dragons. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1996.

Tu Weiming, Tucker M. E. (Eds.). Confucian Spirituality. 2 vols. New York : Crossroad Publishing Company, 2003.

Wing-tsit Chan. A Source Book in Chinese Philosophy. Princeton : Princeton University Press, 1963.

ГЛОБАЛЬНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ОРИЕНТИР РОССИИ

Билалов М. И.*

В статье прослеживается генезис современного гражданского общества. Анализируются особенности гражданского общества в свете концепций модернизации и постсовременности, рассматривается роль европейских и азиатских ценностей в перспективах гражданского общества. Как цивилизационный ориентир России и Дагестана обосновывается глобальное гражданское общество.

Ключевые слова: гражданское общество, глобальное гражданское общество, модернизация, постсовременность, цивилизационный ориентир, Россия, Дагестан.

The genesis of modern civil society is traced in the article. The features of civil society are analyzed in the light of the concepts of modernization and postmodernity, the role of European and Asian values in the prospects of civil society is considered, a global civil society is being established as a civilizational guide of Russia and Dagestan.

Keywords: civil society, global civil society, modernization, postmodernity, civilizational guide, Russia, Dagestan.

Ни один философ не мог согласовать государственные принципы с моралью, и никто не сумел предложить принципы, которые не противоречили бы человеческой природе.

И. Кант

Преамбула. В современной политической практике России в целом реализуется искаженное представление о гражданском обществе. Большинство его адептов сориентированы на западные – европейские и североамериканские – классические гражданские общества, характерные для индустриальной эпохи. Порой и в теории (в глобалистике, политологии, социологии, философии) немало путаницы в определении особенностей современных гражданских обществ, связи государства, негосударственных структур и общественных объединений и т. п. Данные вопросы особо проблематизируются в эпоху глобализации, которая вносит в эти и без того запутанные общественные связи множество неясностей. Не могу не отметить вклад в прояснение соответствующих вопросов журнала «Век глобализации» с его весьма удачным и точным названием, его создателя и известного научного авторитета по многим этим вопросам профессора А. Н. Чумакова. Сошлюсь на некоторые его публикации последних лет только в этом журнале [см., например: Чумаков 2013; 2014а; 2014б; 2015; 2016] и др., которые были методологически значимы в осмыслении вопросов данной статьи.

* Билалов Мустафа Исаевич – д. ф. н., профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания Дагестанского государственного университета. E-mail: mibil@mail.ru.

Гражданское общество в свете концепций модернизации и постсовременности. Особое значение для исследования перспектив гражданского общества имеют современные теоретические схемы, предлагаемые концепциями модернизации и постсовременности (А. Турен, Ю. Хабермас, Э. Гидденс, З. Бауман и др.). В них гражданское общество определяется либо как общество, приходящее на смену традиционному общественному укладу, либо как общество, вырастающее из современного состояния и несущее в себе все его черты. В обоих случаях речь идет не о различных типах общества, а всего лишь о разных фазах или стадиях существования и развития гражданского общества, а также тенденциях сближения и компромисса между основными моделями общественного развития. Представители теории постсовременности не отрицают сам факт существования гражданского общества как такового и перспективы его совершенствования. Они лишь подчеркивают значение постсовременной постмодернистской, постиндустриальной фазы его развития.

Модернизация признается большинством теоретиков этой концепции как процесс вторичный, как бы повторяющийся, копирующий сделанный кем-то первоначальный ход. Таковым предстает для всего человечества Запад – он стал своеобразным катализатором, который развивался, следуя логике собственной жизни, а все остальные модернизировались вслед за ним, боясь оказаться в стратегическом проигрыше. Концепция модернизации исходит из того, что в реальном мире сосуществуют и взаимодействуют досовременные, современные и постсовременные социальные системы. Наиболее развитые в экономическом и культурном отношении страны Запада уже выходят на постсовременный уровень развития. Значительная часть стран, в том числе и Россия, находятся на современной стадии развития или на этапе перехода к ней. Так называемые развивающиеся страны относятся по данной типологии к переходным или традиционным формам общества, в которых гражданское общество находится еще в «эмбриональном» состоянии, хотя эти же развивающиеся страны ныне весьма проблематично зафиксировать в чистом виде; можно согласиться, что «постсовременность всех касается, мы все в ней прописаны», постмодерн – «сам дух постсовременности», а постмодернизм – «это “партия” постмодерна, его авангард» [Рубцов 2016].

Для концепций модернизации и постсовременности актуальны идеи коммуникативного сообщества, о котором в социальной философии еще в XX в. размышляли как о своеобразном идеале реального сохранения человечества. При этом немецкий философ Юрген Хабермас возлагает на эмпирико-аналитические науки обеспечение технического интереса этого общества – гарантировать успешный контроль за поступками людей, а на историко-герменевтические науки – практического интереса, ориентированного на расширение возможностей их взаимопонимания. Идеалом коммуникативного общества представляется свободный консенсус – согласие в результате обычной или научной дискуссии. Для возможности такого свободного консенсуса, по Хабермасу, необходимо исходить из условия, что каждый, кто вступает в коммуникацию, совершая любые речевые акты, должен выдвигать универсальное притязание на значимость – ясность выражения, истинность высказывания, правдивость намерения и корректность норм. Результат такого коммуникативного действия – дискурс, представляющий собой идеальную языковую ситуацию, в которой любой участник имеет равную возможность высказаться и которая свободна от внутреннего и внешнего давления.

Карл Отто Апель, соглашаясь с Хабермасом в его теории консенсуса, считает возможным стремление к идеальному коммуникативному сообществу только в условиях, свободных от общественного давления. Для этого общество должно создать всеобщий консенсус посредством всех разумно оправданных притязаний, которые выдвинуты Хабермасом.

Джон Роулз изучает экономические основы такого общества. Он рассматривает законы, по которым должны регулироваться в обществе взаимные права и свободы граждан и распределение благ между ними. Для этого он проводит мысленный эксперимент – исходит из первобытного состояния общества, в котором господствуют принципы беспристрастности и неведения, позволяющие стремиться к такому строению общества, в котором учитывались бы интересы всех. Это возможно, по его мнению, если каждый имеет равное право на всеобъемлющую систему одних и тех же основных свобод, а социальное неравенство допустимо и законно лишь тогда, когда обеспечивает блага для слабейших (принцип различий).

Идеи коммуникативного общества не чужды и политической философии Ханны Арендт, которая исходит из опирающейся на Аристотеля теории действия, при этом из трех основных видов деятельности: труда, отдыха и действия – последний предстает как политическое действие. Действие и речь образуют свободное от господства пространство, в котором люди вступают в отношения и договариваются. В таком обществе политическая власть способна к коммуникативному действию, несовместимому с насилием. Таков еще один вариант будущего коммуникативного общества, неизбежного в силу все большей значимости общения и коммуникации для человечества как его бытийных социальных феноменов.

Современная цивилизация не только подвела человечество к глобальной коммуникации и коммуникативному сообществу, но благодаря средствам массовой информации и информационным технологиям качественно преобразовала коммуникативные связи в сфере познания, морали, искусства, воспитания и т. п. В этой позитивной тенденции есть свои слабые стороны. Интенсификация коммуникативных отношений сопровождается и негативными явлениями преобладания информационно-цифровых измерений за счет потерь в содержательно-смысловом аспекте, ослабевает интерес к личным контактам и т. п. Возрастание количества и скорости обработки информации глобализирует современное коммуникативное пространство, которое заполняется наиболее простыми оценками, нормами, стереотипами поведения, игнорирующими традиционные ценности. Разрушению классической культуры способствует также Интернет, который фрагментирует культуру выхолащиванием глубинного смысла путем ее дробления на события, бесконечные интерпретации, приводя к потере уникальности текста, интереса к его авторству, вообще к чтению как коммуникативному процессу.

Дискурс и новая рациональность в развитии гражданского общества.

Акцент на дискурсе как на результате коммуникативного действия, на некоей идеальной языковой ситуации, в которой ее участник предельно свободен от внутреннего и внешнего давления, выводит концепции модернизации и постсовременности на качественно иную субъектную организацию в познавательной культуре, увязывает эти концепции измененными субъект-объектными отношениями в современной науке. Становится очевидной тесная связь современных коммуникативных сообществ с типами рациональностей. Заметнее всего это у Ю. Хаберма-

са, который рассматривает прагматический, этический и моральный способы приложения практического разума для организации общественного устройства. Необходимость морального употребления практического разума перекликается с кантовским заявлением о «внутреннем моральном законе», заключенном в человеке, а гражданское общество мыслится как результат консенсуса, подчиняющегося не этически-прагматическому дискурсу, а только моральному. Моральным может считаться правильное поведение в противоположность неправильному, совершаемое на основе моральной свободы – способности человека делать выбор между правильным и неправильным, то есть истинным и неистинным. Коммуникативное действие претендует на всеобщность, универсальность; оно нормативно обоснованно, что и отличает его от иных видов дискурса, хотя гражданское общество может функционировать на всех этих дискурсах, выражающих собой разные типы рациональности. Прагматический дискурс сопряжен с классической рациональностью, с критериями целесообразности, выгоды, пользы – подтип этического дискурса (индивидуализм, коллективизм). Характерное для него индивидуальное формирование воли свидетельствует о соответствии прагматического дискурса с золотым правилом нравственности («не делайте другим того, чего не хотите себе»).

В выстраиваемой дискурсивной иерархии, оставив в стороне моральный дискурс как идеальную (по Ю. Хабермасу) модель для построения гражданского общества, акцентируем внимание на этическом дискурсе, в котором можно разглядеть исток или продолжение прагматического; этический дискурс мыслится Хабермасом как допускающий коммунитаризм, соответствующий ценностной рациональности и не преуменьшает значимость индивидуальных жизненных проектов. Гражданин, находящийся в идентификации с коллективом, с коллективным началом в обществе, сохраняет позитивную форму индивидуализма, что открывает перспективу новой, современной исторической форме гражданского общества в рамках коммунитарного типа. «Никто не может быть вполне свободным, пока не будут свободны все; никто не может быть вполне нравственным, пока не будут нравственны все; никто не может быть вполне счастливым, пока не будут счастливы все», – так лаконично выразил преимущества коммунитаризма один из идеологов либерализма и противник коммунизма английский философ и социолог Герберт Спенсер.

Несмотря на значимость концепций модернизации и постсовременности в современном толковании гражданского общества, общей чертой различных теорий постмодернизма является отказ от поиска системообразующих факторов институционализации гражданского общества. Для большинства из них характерен взгляд на формирование гражданского общества как во многом спонтанный и поливариантный процесс, обусловленный как объективными, так и субъективными факторами. Однако вместе с тем делается допущение, что современный облик гражданского общества определяется прежде всего причинами нематериального характера. Здесь также разделяется мнение о том, что если на этапе зарождения гражданского общества в его современном виде первостепенное значение имеет развитие промышленной индустрии и техники, то на этапе перехода к постсовременности преобладающим становится влияние культуры. Разумеется, эта культура должна восприниматься как постмодернистская или ее соответствующая проекция, как доминирующая в современную эпоху глобализации во многих продвинутых в развитии странах, а также определяющая общий вектор интегрированных культур-

ных систем в большинстве стран мира. И потому, на наш взгляд, оценка общественного прогресса, в том числе гражданского общества как цивилизационной перспективы человечества, должна быть проанализирована с позиций постмодернистской познавательной культуры, где поиск и нахождение истины, адекватной социальной картины, имеют свою специфику.

Восток и Запад в перспективах гражданского общества. Осмысление глобального гражданского общества как цивилизационного ориентира России и Дагестана основано на сближении западной и восточной культур, точнее, на переосмыслении кардинальных положений первой и пополнении ее духовными достоинствами второй. Разумеется, не только в сфере гражданского общества мы наблюдаем противоречия между Востоком и Западом, они пронизывают весь продвинутый политический мир и предстают как столкновение цивилизаций. Но для выявления специфики западного и восточного гражданского общества надо учесть, что противоположности Востока и Запада могут быть разбиты на множество пар по многим сферам человеческого бытия: чувство – разум, природа – общество, дух – материя, мистика – аскеза, дао – логос, интуиция – научное знание, коллективизм – индивидуализм, деспотизм – демократия, общее – частное, пассивность – активность, закрытость – открытость, созерцательность – деятельность, внутренняя сторона – внешняя сторона, культура – цивилизация, традиция – новация, асимметрия – симметрия, субъективное понимание – объективное понимание, пространственно-образный тип – вербальный тип, минимальное сообщение – максимальное сообщение. Однако в осмыслении перспективных особенностей гражданского общества имеет место все же свое фундаментальное противоречие. Нам представляется, что исходным глубинным различием между тем, что называют «Запад» и «Восток», является базисная ориентация принципов социального устройства либо на индивида, либо на некое общественное целое, на систему (будь то племя, община, империя или др.). Соответственно, эти два базисных культурных типа названы в науке персонцентризмом и системоцентризмом.

В персонцентристской шкале главное – индивид, все рассматривается через призму человеческой личности, приоритета в обществе ее прав и свобод. В системоцентристской же шкале ценностей индивидуальный человек либо вообще отсутствует, либо воспринимается как орудие или строительный материал для достижения каких-либо надындивидуальных – «системных» – целей, среди которых всегда были стабильность, неизменность социального порядка, а также, по возможности, экспансия, расширение зоны влияния. Но так было, так есть. Такая шкала ценностей вовсе не унижает личность, она может строиться на вполне нравственной основе. «Истинно честный человек должен предпочитать себе – семейство, семейству – отечество, отечеству – человечество» – разве кто-нибудь возразит изречению французского ученого-энциклопедиста Жана Даламбера? Но системоцентризм допускает современные проявления корпоративного и коммунистического типов гражданского общества, в котором, по Хабермасу, при доминировании коллективного начала возможно сокращение и позитивной формы индивидуализма. Тот этический дискурс немецкого философа может стать основой новой демократии для сближения Востока с Западом. И вот когда справедливо настаивают на том, «что гражданское общество и демократия – две стороны одной медали, которые друг без друга не существуют», что «в гражданском обществе и возможна демократия» [Чумаков 2016: 9], я бы уточнил: демократия эта в условиях России (да и всего остального мира) не должна носить характер сугубо либераль-

ный, от нее и Запад отказывается. Безуспешные попытки построения либерально-демократического классического гражданского общества лишь вызывают массовые симпатии к политическому авторитаризму. А вот вполне приемлемый и для Запада, и для Востока этический дискурс – основа другой, более эффективной для современности демократии.

Какая демократия оптимальна для современного гражданского общества? Восточные страны многие последние века и копируют, и заимствуют европейские ценности. Но эпоха глобализации встревожила Восток агрессивным вторжением в его глубинный духовный мир идеалов европейского Просвещения, целевого рационализма, что имело разрушительные последствия для этого мира, да и для самого современного Запада с целым рядом глобальных проблем. Так и с либеральной демократией, которую с подачи США склонны абсолютизировать и в ряде стран Западной Европы, и с навязываемыми мусульманским странам американскими нормами. Ныне от подобной навязчивости неудобно даже самим adeptам этой демократии. Примечательны в этой связи очень интересные рассуждения Ю. Латыниной, которую не заподозришь в антипатии к Западу и европейским политическим системам. По ее мнению, обосновываемому многочисленными фактами политической жизни ряда стран всех континентов в трех номерах «Новой газеты», «Европа стала на путь промышленной революции не при демократии» [Латынина 2014, ч. 1], введение всеобщего избирательного права завершилось господством тирана и тоталитаризмом... Автор, на наш взгляд, неявно следует за глубокой мыслью Платона, заявившего в свое время: «Тирания возникает, конечно, не из какого иного строя, как из демократии; иначе говоря, из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство» [Платон. Государство VIII, 564]. При всех возможных преувеличениях и конкретно-исторических преломлениях тезиса его смысл для нас очевиден. Этот смысл выражает афоризм апологета классического гражданского общества Карла Поппера: «Свобода, если она не ограничена, аннулирует самое себя».

Автор упомянутой статьи также убедительно показывает: одна из аксиом либерального дискурса, которая гласит, что «развитие рынка сопровождалось развитием демократии», мало соответствует действительности, а «демократия неразрывно связана с рынком» – попросту не выдерживает проверки фактами. По мнению Ю. Латыниной, «в основе современного дискурса о демократии лежит фундаментальная ложь: этот дискурс по умолчанию представляет дело так, что те ценности, которые сделали Европу Европой – неприкосновенность частной собственности, технический прогресс, наука, – все они каким-то образом исходили из “традиций европейской демократии”» [Латынина 2014, ч. 3]. Здесь уместно добавить, что совершенно справедливы сомнения в исключительной значимости рыночной экономики для демократии и всего современного гражданского общества.

Если коснуться ценностей демократии, то последовательный и обстоятельный анализ здесь выявляет, что сегодня в цивилизованном мире сталкиваются две стратегии. Как пишет В. Федотова в своем фундаментальном исследовании гражданских обществ Запада, имеет место, с одной стороны, стремление «насытить права человека локальными и региональными особенностями, приспособить их к наличному человеческому материалу», что ведет к противостоянию с универсальной природой прав человека, «к их национализации и приватизации», с другой – попытка «приспособить данный человеческий материал к правам человека» [Фе-

дотова 2005], то есть, как мы понимаем, абсолютизировать индивидуализм при очевидном его кризисе на Западе. Но сожалеть о том, что в том же Дагестане, да и в других регионах России, так и не созрели условия для предпочтительной долгое время в развитых странах второй стратегии, было бы неверно. Ведь на самом Западе, как мы сказали выше, наметился поворот к коммунитаристским и социалистическим ценностям. Да, преобладающее в регионе стремление к национальной консолидации принадлежащих к различным языковым группам, религиозным направлениям, этническим ментальностям и прочему народностей Дагестана, Северного Кавказа, других национальных регионов России входит в противоречие с современным (но уходящим в историю) состоянием прав человека на Западе [Проблемы... 2016]. Современные реалии таковы, что мы вынуждены подчинить наши демократические преобразования в первую очередь развитию этнокультурного плюрализма, соблюдению этнического паритета, принципа равной значимости и поддержки культуры всех этносов, что находит поддержку в перспективах постмодернистской культуры.

Петербургский философ Б. Марков отмечает несостоятельность либеральной интерпретации права – она заключается в опоре на индивидуальный дискурс, в попытке «выпячиванием» неполитических ценностей человека ограничить влияние власти. Коммунитаризм опирается на своеобразный системный дискурс, где доминирует идея солидарности, изначального обеспечения общественной гармонии [см. об этом: Марков 2001]. Исходя из данного преимущества коммунитаризма и солидарности, разумно полагать, что ориентиром российских народов должно быть гражданское общество нового формата – общество экономики знаний и высоких технологий, умелого сочетания коммунитаристского подхода в экономике, культуре в противовес абсолютизации западной либеральной традиции, многопартийности непрозападных партий с реальными политическими платформами, мировоззренческого плюрализма с мощной общественной идеологией, основанной на отечественных ценностях... Тогда мы не расколем страну на Европу и Азию, на христианство и мусульманство, демократов и консерваторов – на этот курс народ пойдет в единстве.

Систематизируя общее в гражданских обществах всех стран и особенное для Запады и Востока, можно предложить следующую таблицу.

Общее в гражданском обществе всех стран	
• Правовое государство • Демократическое устройство • Плюрализм форм собственности • Развитые НКО и другие негосударственные институты гражданского общества	
...	
Особенное в гражданском обществе для европейской и восточной цивилизаций	
Запад	Восток
Индивидуализм, основанный на приоритете свободы личности и прав человека	Приоритет коммунитаризма наряду с индивидуализмом
Целевой рационализм и сциентизм	Ценностный рационализм и иррационализм

Окончание табл.

Особенное в гражданском обществе для европейской и восточной цивилизаций	
Запад	Восток
Приоритет материального над духовным	Приоритет духовного над материальным
Эксплуатация природы	Гармония с природой
Доминирование частной собственности	Доминирование государственной и общественной собственности
Либеральная демократия	Консоциальная демократия
Президентская форма правления	Сочетание двух основных видов республики – президентской и парламентской (при ведущей роли парламентской республики)
Абсолютизация выборной системы	Сочетание выборной системы с сильной вертикалью власти
Мультикультурализм	Политика культурной свободы
...	...

Способно ли человечество к цивилизационному выбору? Однако не все пары противоположностей в приведенных выше перечне и таблице актуально значимы в глобализационном диалоге и полилоге культур и этносов, на первый план выдвигаются ценности общественно-политического устройства мира, хотя именно в попытке сближения всех этих полярных позиций человечество приближается к принципиально новому социуму. Наука еще не определилась со смыслом истории и целями человечества – эти вопросы не имеют однозначных ответов. С одной стороны, тот факт, что ключевые вопросы общественности касаются всех людей, сообществ, стран и континентов, уже свидетельствует о единстве мира, человечества как социума, с другой – противоречия прогресса, разновекторность его направлений свидетельствуют о неочевидности этого единства. Поиск ответов лишь подтверждает это. Несмотря на расовое и этническое многообразие, на различия в исторических судьбах и уровнях экономического развития, географические и демографические условия бытия, все народы имеют общие потребности и интересы – в еде, жилье, образовании, медицинском обслуживании и т. п. и удовлетворяют их одинаковыми или сходными средствами и способами. Орудия производства, трудовые навыки, виды преобразуемой энергии, формы устройства семейно-бытовых отношений, способы получения знаний и их реализация на практике и т. п. в общих чертах совпадают, имея лишь некоторые различия. Человечество как постепенно складывающаяся общность людей есть продукт существования многих форм и способов человеческой деятельности, и эти корни прошлого определяют наше настоящее и будущее.

Человечество как сообщество когда-либо живших, ныне живущих и будущих людей объединяют в единый социум объективные, необходимые, устойчивые экономические и политические законы и тенденции, нравственные и религиозные принципы, наука и техника и т. п. Единство и целостность мира не означают обязательное устранение различий и стремление к единообразию, наоборот, предпо-

лагают сохранение и приумножение самобытности народов, их обычаев и традиций, оригинального материального созидания и духовного творчества – всего того, что делает человеческий мир полнокровным, соответствующим природному и космическому разнообразию, адаптированным к многовариантному, неоднозначному ходу истории. Целостность современного мира не предполагает также американизации или европеизации глобализирующегося мира. Нельзя форсировать, искусственно ускорять стирание биологических, экономических, религиозных, культурных различий цивилизаций, наоборот, необходимо сохранить их специфический потенциал и установить между ними плодотворный диалог. Более того, если глобализация, идеологией которой является неолиберализм, будет продолжаться длительное время, то нельзя исключить апокалипсис.

Есть ли выход из нынешнего крайне критического положения? Есть. Следует отказаться от насильственной (субъективной) глобализации и вернуться к интернационализации, то есть к объективной логике истории [Гобозов 2017: 75]. Надо полагать, что футурологические дискуссии конца XX и начала XXI в. об однополярном или многополярном мире, борьбе и грядущем столкновении цивилизаций свидетельствуют о реальных противоречивых перспективах человечества в XXI в., в развертывании его единой мировой истории. И если здесь есть некий единый ориентир, то почему бы не учесть также афористическую точку зрения всемирно признанного футуролога Арнольда Тойнби: «Моя надежда на двадцать первый век в том, что он увидит установление глобального гуманистического общества, которое будет социалистическим на экономическом уровне и свободомыслящим на духовном уровне» (Тойнби 2006: 8).

Что такое глобальное гражданское общество? Несколько подробнее скажем о глобальном гражданском обществе как возможной единой перспективе человечества. Это предельно широкое внеполитическое сообщество людей, объединяющее в себе ряд однотипных в социально-политическом отношении социетальных общностей на основе единых ценностей и с целью решения общезначимых проблем всего человечества. Важной чертой этих сообществ является преодоление людьми границ институтов классического гражданского общества, включенность граждан тех или иных стран в международные структуры, имеющие большей частью протестный характер. Вот некоторые черты глобального гражданского общества, по мнению ученых-глобалистов. Во-первых, они подчеркивают растущую социальную ответственность частного бизнеса в этом обществе, предостерегая в то же время от опасности чрезмерной концентрации экономической власти и мощи в частных руках. Во-вторых, технологической основой глобального гражданского общества является развитие новейших технических средств коммуникации, обеспечивающих распространение глобальных потоков информации далеко за пределы государственных границ, что приводит к глобальной революции в общении. Третьей отличительной чертой глобального гражданского общества ученые-глобалисты считают формирование новой модели государства, уже не просто правового и социального, но и «социоприродного», «экологического», «устойчивого».

В чем, кроме вышеотмеченного в литературе, мы усматриваем специфические преимущества нового типа гражданского общества? Отвечая новым коммуникативным отношениям современного информационного общества, глобальное гражданское общество может приспособиться к различным дискурсам, выражающим собой разные типы рациональности. Оптимальный и наиболее эффективный в разрешении современных этнических, расовых и религиозных противоре-

чий этический дискурс детерминирует корпоративные и коммунитарные типы гражданского общества, в котором при доминировании коллективного начала возможно сокращение и позитивной формы индивидуализма. Этот этический дискурс – основа также приемлемой для Востока и Запада демократии.

Дагестан в глобальном гражданском обществе. В свете вышеуказанного, сохраняя стратегический ориентир России на постиндустриальную цивилизацию в форме гражданского общества, мы считаем необходимым скорректировать этот курс страны с учетом тех изменений, которые претерпели гражданские общества классического (либерально-демократического) типа в движении к своему нынешнему состоянию в странах Запада. В чем эта коррекция могла бы выразиться в отношении наиболее проблемных регионов России, скажем, Дагестана? Выделим некоторые позиции в методологии (стратегии) движения к глобальному гражданскому обществу применительно к мусульманским республикам Северного Кавказа. Как известно, ядро этой методологии – цивилизационный подход, на первый план как особо значимый фактор и детерминант общественного развития, отодвинув на второй план способ производства и экономику, выдвигает культуру, ментальные и религиозные слагаемые духовного бытия народов. Надо учесть также и то, что наиболее развитые в экономическом и культурном отношении страны Запада уже выходят на постсовременный уровень развития, а значительная часть стран мира, в том числе и Россия, находятся на современной стадии развития или на этапе перехода к ней. А у Дагестана своя особенность – здесь сосуществуют досовременные, современные и постсовременные социальные системы, происходит своеобразная конвергенция модерна и постмодерна, значима роль ислама, в Дагестане гражданское общество находится еще в зачаточном состоянии и т. п.

В связи с цивилизационным ориентиром Дагестана особый разговор о роли религии в эпоху глобализации. Кстати, эта тема актуальна и в связи с будущим Запада. «На Западе идея возрождения религиозных корней культуры становится актуальной в 1970-е гг. – вместе с появлением неоконсерватизма и постмодернизма» [Силичев 2017: 143]. Позднее, как известно, она все больше набирает силу. Однако, по мнению Д. Силичева, «у России имеется гораздо больше оснований надеяться на возрождение религиозного начала в своей культуре» [Там же]. При этом в работе автора ссылки идут на Л. Карсавина, подчеркнувшего присущие русскому человеку «ощущения святости» и «нужность абсолютного», и на убедительные размышления Н. Бердяева, перенесшего идеалы христианского гуманизма и в коммунистический период жизни русского народа...

Эту превращенность формы религии, придание политическому порядку квазирелигиозного измерения в попытках наделить в рамках «политической религии» события современного мира сакрально-космическим характером подчеркивает А. В. Митрофанова. Она особо выделяет характерное для мусульманского мира придание религиозно-политическими движениями своим целям значимости главной задачи человечества, санкционированной самим Богом. На этом основании «политизированная религия представляет собой идеологию, позволяющую приложить религию к политике», – так появляются «исламизм», «православизм» и, по мнению зарубежных исследователей, «“этот феномен является «измом», сравнимым с другими идеологиями двадцатого века” – то есть с марксизмом-ленинизмом и фашизмом» [Митрофанова 2008: 116–119].

Не считаю, что в духовной жизни Дагестана имеет место или значима политическая религия, тем более в идеологизированных формах «измов». Но сложное общественно-политическое напряжение последних десятилетий подвело Дагестан к необходимости серьезного исламского просвещения и образования, призванных перевести религиозную умму от невежественного состояния к просвещенному, что, конечно же, не означает достижения «единственно истинного» ислама. Однако традиционный для Северного Кавказа суфизм в гораздо большей степени демонстрирует содержательное богатство как теоретико-познавательных идей, так и морально-нравственных постулатов, уместных в условиях движения к гражданскому обществу. Мы неоднократно подчеркивали достоинства суфизма в сопоставлении с положениями ортодоксального ислама в мировоззренческой широте и синкретичности, аллегоричности и метафоричности утверждений, позволяющих отойти от агрессивной категоричности [см.: Билалов 2003; 2011; 2012; 2015]. Для Дагестана, стремящегося в прогрессивное сообщество народов, толерантность есть то измерение сознания, которое неотъемлемо от субъектных его составляющих (язык, культура, социальный статус, воля, мистический опыт, свобода, рассудок, разум, ответственность, символизация, воображение и т. п.), позволяющих постичь истину ислама, пронести и сохранить мусульманину его дух и жить в современном едином цивилизованном мире.

Актуальный для Дагестана тезис о зависимости формирования гражданского общества от культуры должен быть дополнен идеей культурного многообразия: каждая цивилизация, несмотря на универсализирующее влияние глобализации, относительно автономна и реализует заложенный в ней культурный потенциал в различных областях. Индикатором этого потенциала предстает отказ от стереотипов традиционного общества и движение в сторону культурного плюрализма, характерного для постмодерна и отражающего этническое многообразие республики.

Приемлемые модели глобального гражданского общества для России.

Устремление человечества к принципиально новому социуму – глобальному гражданскому обществу – предполагает поиск его оптимальных моделей. Иначе говоря, в реалиях России и ее регионов к этой методологии должен быть подобран конкретный механизм движения к региональному варианту глобального гражданского общества. На наш взгляд, актуален подход современных отечественных исследователей гражданского общества А. Л. Нездурова и А. Ю. Сунгурова [см.: Общество... 2005]. Они рассматривают в качестве ключевого для гражданского общества вопрос взаимосвязи государства и негосударственных институтов российского общества и предлагают три варианта взаимодействия органов власти и гражданских структур (сотрудничество, отсутствие сотрудничества [игнорирование] и конфронтацию), выделяя при этом конкретные исторические модели.

Из восьми моделей большинство (пять) в той или иной степени связаны с активной ролью государства в формировании гражданского общества. В их числе в России имеет место модель поддержки развития некоммерческих организаций (НКО), или «модель садовника», когда органы как федеральной, так и региональной власти принимают нормативные акты и действия, способствующие появлению и развитию независимых общественных организаций как основы зарождающегося гражданского общества, но и партнерская модель, когда государственные органы признают независимые неправительственные организации и не пытаются ими управлять, а участвуют в диалоге с НКО. Можно говорить о наличии и патер-

налистской модели, когда государство оказывает поддержку деятельности неправительственных организаций (НПО) в виде предоставления бесплатных помещений или льготной аренды, прямого финансирования, преференций при распределении грантов и тому подобного при условии, что последние не вмешиваются в дела власти, а также обеспечивают поддержку соответствующих кандидатов на выборах. В обмен на политическую лояльность властные структуры разрешают определенную автономию неправительственных организаций.

Указанные авторы отмечают и имевшую место в СССР модель «приводных ремней», когда партийно-государственный аппарат рассматривал все общественные организации, находящиеся под полным контролем руководства партии, исключительно как передаточные механизмы воли КПСС к рядовым жителям страны.

Но возможны и варианты, которые, впрочем, нехарактерны для отечественной истории взаимоотношений власти и негосударственных структур. Скажем, модель игнорирования, когда государство не замечает большинства НКО, не мешает, но и не помогает их деятельности. Нежелательной моделью выступает модель борьбы с противником. Представители государства рассматривают независимые неправительственные организации как образования, представляющие опасность для их власти, и стараются осложнить деятельность таких организаций или даже закрывать их. Неприемлемыми являются взаимоотношения госорганов и общественных организаций, переходящие в плоскость политической борьбы. Это модель гражданского неповиновения. Она характерна для авторитарного или тоталитарного общества, когда нарушения властью гражданских прав человека и политических свобод вынуждают общественные организации избирать тактику участия в несанкционированных митингах, пикетах, других действиях, вызывающих репрессивный ответ власти.

Таким образом, можно заключить, что при всем многообразии моделей взаимоотношения государства и негосударственных структур в реальном становлении современного гражданского общества в России возможны различные фактические сочетания при соблюдении стратегии цивилизационного развития. Нужно принять во внимание, во-первых, то, что классическое гражданское общество как определенная стадия западной цивилизации переживает глубокий кризис и не должно быть ориентиром России, во-вторых, процесс становления гражданского общества в нашей стране затруднен из-за ориентиров на западные либерально-демократические гражданские общества классического типа, которые не подходят нашим народам из-за особенностей менталитета, традиционного материального и духовного уклада. В-третьих, вместе с цивилизованным миром Россия должна ориентироваться на глобальное гражданское общество, отличающееся от классического в первую очередь новым рационализмом и коммунитаризмом. В-четвертых, грядущая постмодернистская культура и глобализация с ее иррационализацией создают благоприятные перспективы для вхождения России и ее регионов в глобальное гражданское общество.

На наш взгляд, необходимо политически закрепить курс Дагестана на постиндустриальную цивилизацию в составе России как единого многонационального социума в форме гражданского общества с региональными базовыми ценностями. Этому курсу нужно придать статус национальной идеи дагестанских народов. Интегрируясь в глобальное гражданское общество, наши народы наконец-то обретут

общие с «продвинутыми» нациями цели и ориентиры исторического развития [более подробно об этом см.: Билалов 2009]. Такой подход будет ответом на метафизический вызов времени – необходимость «создания ценностного горизонта для модернизации бытия – создание нации, способной жить в современности» [Столяров 2013]. И Дагестан, и Россия в целом должны достойно ответить на этот вызов.

Данной статье я предпослал эпитафию великого Иммануила Канта (к которому, кстати, отсылают многие теоретики глобального гражданского общества), одного из прозорливых провидцев будущего задолго до выработки каких-либо принципов современной футурологии. Этот афоризм при всей категоричности и определенной пессимистичности тем не менее указывает путь исследования цивилизационного ориентира человечества.

Литература

Билалов М. И. Гносеологические идеи в структуре религиозного сознания. М. : Academia, 2003.

Билалов М. И. Россия в глобальном гражданском обществе // Материалы Международного научного конгресса «Глобалистика-2009: пути выхода из глобального кризиса и модели нового мироустройства», Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, 20–23 мая 2009 г.: в 2 т. / под ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина. Т. 1. М. : МАКС Пресс, 2009.

Билалов М. И. Гносеологические идеи в религиозном сознании // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 177–180.

Билалов М. И. Влияние ислама и суфизма на познавательную культуру // Исламоведение. 2012. № 3. С. 23–34.

Билалов М. И. Онтологические и гносеологические различия суфизма и салафизма // Исламоведение. 2015. Т. 1(23). С. 61–68.

Гобозов И. А. Неoliberalизм и глобализация // Век глобализации. 2017. № 2(22). С. 66–76.

Лагынина Ю. Почему я не демократ. Манифест разочарованного интеллигента // Новая газета. 2014. 30 июля. № 83; 2014. 1 августа. № 84; 2014. 4 августа. № 85.

Марков Б. М. В поисках другого / Ю. Хабермас // Вовлечение другого. Очерки политической теории. М. : Наука, 2001.

Митрофанова А. В. Религиозный фактор в мировой политике // Век глобализации. 2008. № 1. С. 109–119.

Общество и власть: пути взаимодействия. Межрегиональное исследование / под ред. Г. Л. Бардиер, А. Ю. Сунгурова. СПб. : Норма, 2005.

Проблемы языка в глобальном мире: монография / под ред. Е. В. Ганиной, А. Н. Чумакова. М. : Проспект, 2016.

Рубцов А. Дух постмодерна и тупики постмодернизма // Новая газета. 2016. 16 марта. № 27.

Силичев Д. А. Культурное наследие и культурная политика постсоветской России // Культура в условиях глобализации. Взгляд из России: монография / под ред. А. Н. Чумакова. М. : КНОРУС, 2017. С. 135–163.

Столяров А. Метафизический вызов. Какой должна быть национальная идея России? // Новая газета. 2013. 20 марта. № 30.

Тойнби А. Исследование истории: в 3 т. Т. 1. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006.

Федотова В. Г. Хорошее общество. М., 2005.

Чумаков А. Н. Еще раз о гражданском обществе // Вестник РФО. 2009. № 1.

Чумаков А. Н. Теоретико-методологические основания исследований процессов глобализации // Век глобализации. 2013. № 2(12). С. 23–37.

Чумаков А. Н. «Мягкая сила» как способ решения проблем в глобальном мире // Век глобализации. 2014а. № 2. С. 192–195.

Чумаков А. Н. О глобализации с объективной точки зрения // Век глобализации. 2014б. № 2. С. 39–51.

Чумаков А. Н. Культурно-цивилизационные разломы глобального мира // Век глобализации. 2015. № 2. С. 35–47.

Чумаков А. Н. Триосфера, эпометаморфоз и новые задачи глобалистики // Век глобализации. 2016. № 3. С. 3–15.

ВОЗМОЖНА ЛИ СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ ИСЛАМА? (Взгляд на трансформации религиозности в контексте глобализации)

Хлопкова О. В., Клементьев А. С.*

Анализируются социальные, экономические, политические и иные факторы секуляризации и десекуляризации современного исламского общества. Особое внимание в статье уделяется причинам и особенностям политизации ислама как способа противостояния процессу глобализации, обостряющего комплекс социальных, экономических и политических проблем исламского мира. Подчеркивается роль религии как средства определения цивилизационной идентичности в условиях размывания культурных и государственных границ. В рамках статьи трансформации религиозности рассматриваются в контексте глобализации и вестернизации мусульманского мира.

Ключевые слова: секуляризация, десекуляризация, глобализация, исламский фундаментализм, исламизм.

The social, economic, political and other factors of secularization and desecularization of the modern Islamic society are analyzed. The causes and peculiarities of the politicization of Islam exposed to the influence of globalization are in the focus of the paper. Globalization is in charge of many social, economic and political problems of the Islamic world. The role of religion in the formation of civilizational identity under conditions of erosion of cultural and state borders is discussed. Westernization and globalization of the Muslim world are analyzed in the context of religion issues and transformations.

Keywords: secularization, desecularization, globalization, Islamic fundamentalism, Islamism.

Трансформации религиозности в истории человечества последних столетий были тесно связаны с феноменом секуляризации. Вместе с тем сам процесс секуляризации далеко не очевиден и вызывает множество споров: есть ли он вообще, действительно ли религия утрачивает свои позиции в обществе или только трансформируется в новых социальных условиях?

Теориями секуляризации называют «социологические концепции, объясняющие освобождение общества и различных его сфер и групп от религии» [Угринович 1990: 306]. И хотя к 90-м гг. XX в. в научном дискурсе установился консенсус относительно понимания сути явления секуляризации, под которой признается процесс утраты религией своей социальной значимости, на индивидуальном

* Хлопкова Оксана Васильевна – к. ф. н., доцент кафедры социологии и управления Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ-ГТУ) Российской Федерации. E-mail: Oksana-hlopkova@mail.ru.

Клементьев Александр Станиславович – к. ю. н., ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации (АУ МВД России). E-mail: alex_klem@list.ru.

уровне религия может оставаться значимой ценностью и мотивирующим фактором [Хлопкова 2013б: 19].

Тем не менее в связи с тем, что большинство теорий секуляризации являются продуктом западного общества и основываются на опыте западных стран, серьезной проблемой для объяснения данными теориями становятся процессы, происходящие в мусульманских странах, опыт которых во многом противоречит секулярным тенденциям: религия продолжает играть в жизни общества и государства огромную роль, выступая движущей силой политических, социальных, экономических и культурных процессов. Особую актуальность данная проблема приобрела после появления «исламистских проектов», в частности «Исламского государства»^{**}.

Секуляризация vs глобализация

В настоящее время не вызывает сомнения, что глобализация не только трансформирует экономические и политические отношения между государствами, но затрагивает и иные сферы, в том числе религиозную. Так, возникает вопрос о взаимовлиянии секуляризации и глобализации.

С одной стороны, секуляризация оказывает самое непосредственное влияние на процесс международной интеграции, снижая уровень конфликтности в отдельных регионах либо, наоборот, обостряя социальные противоречия. Благодаря распространению информационных технологий, достижений культуры и науки, интенсификации миграционных потоков глобализация выступает проводником секулярных тенденций и одновременно способствует росту религиозности. Кроме того, смешение религий и культурных традиций в ходе глобализации порождает новые культы и новые формы религиозности [Хлопкова 2013а: 218]. Ярким примером подобных эклектичных религиозных культов стало учение Чандра Мохан Джайна, известного также как Бхагван Шри Раджниш или Ошо. Возникшее в 1970-е гг. и получившее сегодня широкое распространение во всем мире учение Ошо представляет собой хаотичную мозаику идей и практик буддизма, йоги, даосизма, христианства, греческой философии, суфизма, тибетских традиций, европейской психологии, хасидизма и других духовных течений, а также собственных взглядов Чандра Мохан Джайна [Григорьева 2002: 186–187].

С другой стороны, глобализация сама способствует распространению секулярных тенденций в иные культурные социосистемы. Так, процессы секуляризации можно было наблюдать и в исламских странах в ходе начавшегося в XX в. процесса диалога, взаимопроникновения и взаимопонимания двух культур – исламской и христианской. В мусульманскую среду стали проникать как идеи и образ жизни современного западного общества, так и те проблемы, с которыми сталкиваются христианские деноминации. Таким образом, глобализация ведет к большей открытости, модернизации, либерализации, научно-техническому развитию, культурному обогащению исламского мира, его интеграции в мировое пространство.

Десекуляризация исламского мира: основные причины

Вместе с тем развитие событий в последние годы в ряде мусульманских стран приводит к мысли о том, что ислам как религиозная система менее подвержен

^{**} Террористическая организация, запрещенная на территории РФ. – *Прим. ред.*

секулярным тенденциям. Устойчивость позиций ислама в современном мире определяется комплексом причин, среди которых особенности исламского вероучения занимают важное, но не главное место. Основными причинами, которые обеспечивают высокий уровень религиозности населения в мусульманских странах, являются:

1. Институциональные причины. Низкий уровень секуляризации исламских стран в определенной степени может быть объяснен такой особенностью ислама, как отсутствие в нем института церкви, разделения на светское и духовное. Ислам по сравнению с другими религиями глубже проникает в социально-политический организм общества: он с начала своего зарождения выступал в качестве регулирующего фактора всех важнейших функций в жизни общества. В обыденном сознании мусульманских народов ислам занимает универсальное место [Мансуров 2007]. Он фактически является не только религией, но и политикой, правом, этикой, образом жизни, то есть аккумулирует в себе практически все. Вследствие этого влияние религии на общественную и частную жизнь в мусульманских странах значительно сильнее, нежели в тех государствах, в которых правовые и экономические системы не зависят от религии и церкви.

2. Социально-экономические причины. Среди исследователей отсутствует единое мнение о том, как взаимосвязаны социально-экономические условия жизни и уровень религиозности населения. Во многом это связано как со сложностью исследуемого вопроса, невозможностью учета всех показателей и факторов, проблемами в установлении причинно-следственных связей, так и с препятствиями политического и морально-этического характера. Так, наличие корреляционной связи между уровнем социального благополучия общества и уровнем религиозности его населения не означает, что именно социально-экономическое неблагополучие является причиной высокого уровня религиозности, а не наоборот. Кроме того, в ряде стран, в которых религия является государственной идеологией (прежде всего мусульманских) или играет важную роль в социальных отношениях, публичный отказ от религии может вызвать общественное осуждение и даже меры наказания (вплоть до физического насилия).

Тем не менее в ряде исследований доказывается наличие определенной корреляции между уровнем религиозности населения и социально-экономическим благополучием. Так, Грегори Пол, проанализировав социально благополучные государства первого мира (в выборку вошли 17 стран с населением свыше 4 млн человек), пришел к выводу о том, что в высокоразвитых странах уровень общественного благополучия коррелирует с уровнем нерелигиозности или светскости. Им была выявлена положительная связь религиозности и таких показателей, как детская смертность, заболеваемость гонореей и сифилисом, количество абортос несовершеннолетних, уровень имущественного неравенства и отрицательная связь с продолжительностью жизни. В соответствии с результатами исследования Грегори Пола между религиозностью и общественным благополучием существует корреляция, при этом зависимой переменной является религиозность: то есть чем ниже уровень общественного благополучия, тем выше религиозность населения [Gregory 2009: 398–441].

Исследование американского социолога Жоржа Деламонтаня, в котором изучались признаки социально-экономического неблагополучия и их связь с религиозностью на примере отдельных штатов США, отчасти подтвердило выводы Грегори Пола, однако показало, что уровень религиозности в различных штатах

сильнее коррелирует с уровнем образования и доходом, а также с числом афроамериканцев, чем с «показателями благополучия» (смертность, продолжительность жизни и т. д.). То есть религиозность также зависит от показателей социального неравенства [Delamontagne 2010: 617–657].

Проведенный для 47 стран на основании индекса религиозности Гэллапа (2012 г.) [Global...] и коэффициента Джини (2012 г.) [GINI...] (демонстрирует неравенство в распределении доходов) корреляционный анализ показал наличие умеренной связи между уровнем религиозности и уровнем социального расслоения (коэффициент Пирсона равен 0,44). Необходимо учитывать, что ряд государств в выборке относились к посткоммунистическим государствам, уровень религиозности в которых ниже, что обусловлено длительным господством атеистической идеологии. В связи с отсутствием верифицируемых данных по большинству стран, в которых превалирует исламское население, невозможно выявить корреляционную связь социального неравенства и уровня религиозности исключительно для данных государств. Тем не менее данные исследований и корреляционного анализа позволяют говорить о репрезентативности выводов и для указанных стран. Таким образом, уровень религиозности тем выше, чем выше уровень социального неравенства, а также социально-экономического неблагополучия.

Кроме того, регион, в котором находятся мусульманские государства, характеризуется многочисленными межгосударственными и межконфессиональными конфликтами. Все это порождает ощущение социальной опасности и напряженности. Так, Р. Инглхарт выделяет такой фактор религиозности, как «экзистенциальная безопасность». Безопасность как отсутствие рисков и опасностей очень важна для самочувствия человека, и, как считает исследователь, отсутствие такой безопасности является ключевым фактором для религиозности. Соответственно, чем выше уровень ощущения гражданином своей безопасности, тем ниже уровень религиозности, тем сильнее разрушаются религиозные ценности, верования и практики. «...Эрозия религиозных ценностей, верований и практик обусловлена длительными изменениями в экзистенциальной безопасности, связанными с человеческим развитием и социоэкономическим равенством», – пишет Р. Инглхарт [Inglehart, Norris 2004]. Жители бедных стран часто оказываются крайне уязвимыми перед непредсказуемыми рисками. По мере развития бедных аграрных экономик до уровня современных индустриальных обществ, а затем и превращения их в более богатые постиндустриальные общества происходит улучшение основных условий человеческой безопасности. Именно состоянием в сфере личной безопасности, понимаемой в широком смысле, Инглхарт объясняет современные различия в религиозности разных обществ. Соответственно, в длительной перспективе в результате процесса человеческого развития (который должен усиливать ощущение экзистенциальной безопасности) значимость религии в человеческой жизни будет постепенно уменьшаться [*Ibid.*].

Исследование, проведенное Институтом Гэллапа в 2008 г., подтвердило гипотезу Р. Инглхарта. Опросы Института Гэллапа в 32 странах со среднегодовым доходом до 2000 долларов показали, что религиозность в жизни населения данных государств является значимым фактором социального самочувствия. Так, респонденты, которые говорили о том, что религия играет важную роль в их жизни, с большей вероятностью испытывали позитивные чувства (радость, удовольствие) и более позитивно оценивали вчерашний и завтрашний день, чем те, кто не придавал религии важного значения. В странах с доходом выше 25 000 долларов

в год подобная разница оказалась минимальна. Более того, о важности религии в жизни в экономически развитых странах заявило всего 44 % респондентов, в то время как в экономически неблагополучных – 92 % [Crabtree, Pelham].

Глобализационные процессы, связанные с трансформацией сообществ, а также ростом их взаимозависимости и усилением потоков людей, информации, денег и оружия, приводят к росту социального напряжения и обуславливают обращение людей к религии как к понятной системе вечных ценностей. Так, сторонниками фундаментального ислама часто становятся мигранты, попавшие в инокультурную среду. В иноэтническом и инокультурном обществе многие мигранты чувствуют себя отторгнутыми, испытывают проблемы в коммуникации с местным сообществом, могут подвергаться унижению, дискриминации по этническому и религиозному признакам, а часто и физическому насилию. Все это повышает уровень внутренней тревожности человека, ощущение нестабильности, желание социальной справедливости и равенства.

3. Политико-идеологические причины. Попытки модернизации государства по примеру стран Запада или СССР не всегда приносили ожидаемые результаты, обостряя и без того глубокие социальные противоречия. Распад социалистического лагеря и крах коммунистической идеологии в конце XX в. разрушили идеологическую антиномию либерализма и социализма, в результате чего значительная часть человечества, не принимающая идеи либерализма, оказалась в ситуации утраты идей «торжества справедливости на земле» [Сейлова 2008].

Разочарованием оборачивались и поиски национальных путей развития, в том числе основанные на секулярных идеологиях. Так, сегодня со всей очевидностью можно констатировать кризис национального государства в некоторых арабских странах, который был предопределен целым комплексом причин: незавершенностью процесса нацистроительства, фрагментированностью общества внутри арабских государств, дефицитом легитимности государственной власти, противоречиями институционального развития, трансформацией и нарушением каналов коммуникации между политической элитой и обществом, кризисом секулярных идеологий, которые не смогли исполнить того, что обещали, и др. [Кузнецов, Салем]. Говоря о незавершенности процесса нацистроительства в некоторых исламских странах, стоит вспомнить и фактор «искусственности» формирования государственных границ. Объединение разнородных исторических областей в рамках одного государства, проведенное колонизаторами, часто является одной из причин политической нестабильности некоторых государств (например, Ливия была образована путем объединения исторических областей Киренаики, Триполитании и Феццана).

Как следствие, кризис государственного устройства, социально-экономического и идейно-политического развития обострил поиск простых и удобных схем объяснения социальной реальности, а также предлагающих четкие и «действенные» методы изменения сложившейся ситуации. Подобным выходом для многих стало обращение к исламской альтернативе, выражающейся в замене несостоятельных правителей и создании исламского государства, живущего на понятных и простых идеях социальной справедливости.

Ряд авторов утверждает, что причиной десекуляризации в ряде стран, которые, как казалось, перешли к западной модели государства (Иран, Пакистан, Афганистан и др.), является архаизация социальных отношений, которая развивается в векторе, противоположном глобализации. Однако вестернизация и модернизация

ция отношений в этих государствах затрагивали, как правило, городскую прослойку. Большая же часть населения модернизацией затронута не была или же несла от нее «убытки». Так, в Иране времен шаха Реза Пехлеви основным проводником реформ выступил новый модернизированный, светский средний класс, включавший в себя наемных служащих и лиц свободных профессий. Крестьянство, старый средний класс, в том числе торговцы, оставались приверженцами традиционного образа жизни. Улемы, из-под контроля которых было выведено образование, крестьянство, переживающее трудности, связанные с урбанизацией, старый средний класс, лишившийся ряда привилегий (в том числе экономических), составили социальный базис десекуляризации в Иране. Таким образом, архаизация фактически затронула только небольшую прослойку светской вестернизированной городской среды. Утрата данной социальной группой своего положения привела к отказу от созданных ею социальных парадигм и способов коммуникации [Голдштейн 2012].

Глобализация и трансформации религиозности исламского мира

Важным фактором, обостряющим весь комплекс причин десекуляризации исламских стран, становится *глобализация*. Однако влияние глобализации на процессы десекуляризации и исламизации нельзя описать с помощью какой-то одной схемы.

Так, с одной стороны, принято считать, что в массовом сознании мусульман глобализация воспринимается крайне негативно: ее считают средством, прикрывающим стремление правящих кругов развитых стран навязать всему человечеству, и в первую очередь мусульманам, такой мировой порядок, который будет отвечать исключительно их собственным интересам. В результате военные операции в Афганистане, Ираке, Сирии расцениваются не иначе как война против ислама, а иногда в народных кругах и как новый «крестовый поход». Кроме того, проникновение западного образа жизни и универсальной массовой культуры отторгается традиционным мусульманским обществом, рассматривающим их как неприемлемые и уничтожающие культурное разнообразие элементы. Так, П. Дж. Ватикоти считает, что нестабильность в современном исламском мире является всего лишь «поиском... возможности сосуществования» традиционного образа жизни, «который безвозвратно разрушен, смещен со своих позиций и подавлен», с современностью, «которая наступает со всех сторон» [Vatikiotis 1981: 194]. Проведение в ряде стран антиклерикальных реформ позволило сблизить их с Западом [Алиев 2004: 487].

Рост распространения идей фундаментального ислама является своего рода цивилизационным ответом на распространение западного образа жизни, обострение социального неравенства, неравномерность экономического развития, усугубляемого в процессе глобализации. Исследование Credit Suisse за 2013 г. показывает, что характерной чертой социального неравенства в мире является огромный разрыв между 1 % элиты, которой принадлежит подавляющее большинство всех ресурсов, и остальной частью населения, которой недоступно подавляющее большинство социальных ресурсов. Так, почти половина населения земного шара обладает всего лишь 1 % ресурсов, в то время как 10 % взрослых граждан обладают 86 %, а 1 % из этой группы в той или иной мере контролирует 46 %. Деструктивный потенциал неравенства (экономического, социального, национального, территориального, информационного) является реальной основой для соци-

альной напряженности, представляет угрозу для безопасности личности, общества и государства как на региональном, так и на национальном уровне. При этом в качестве организационной формы, объединяющей протест широких социальных слоев, в настоящее время часто используется воинствующий, радикальный ислам.

Л. Д. Нельсон пишет: «Я вижу немного доказательств того, что процесс “возрождения” религии действительно происходит. Скорее история Ислама доказывает, что эта религия труднее, чем какая-либо другая, приспосабливается к изменениям современного мира. Из-за глобальной политики, а также использования новых технологий Ислам столкнулся с такими проблемами, которые до недавнего времени могло избежать большинство истинных мусульман» [Нельсон 1992: 117].

Формой государственного протеста против диктатуры Запада и непризнания «равноправного» участия в международной жизни сегодня является поддерживаемая, а во многом и насаждаемая официальными властями Анкары исламизация Турции. Альберт Урани отмечает: «...то, что называют возрождением Ислама, до известной степени... является иллюзией: то, что произошло – это не изменение чувств и верований людей, но расширение сферы политических дискуссий и политической деятельности» [Hourani 1981: 189].

Таким образом, с одной стороны, исламское фундаменталистское движение возникает именно как протест против диктатуры глобализма и модернизма. Фундаментализм претендует на роль главного движения протеста, восставшего из глубин истории, способного оградить мир от разрушительных тенденций современной цивилизации. Так, риторика исламистских организаций основывается на пропаганде возвращения к «традиционному» исламу, а именно – исламу времен пророков [Хлопкова, Клементьев 2014: 129–132]. Фундаменталистские идеи, в том числе радикальные, во многом являются следствием секулярных процессов в исламе, порожденных в том числе глобализацией.

С другой же стороны, нельзя отрицать того факта, что фундаментальный ислам противоречит традиционным ценностям тех или иных мусульманских сообществ. Ярким примером здесь может служить Северный Кавказ, для которого традиционными являются местные формы ислама, представляющие собой смешение исламских норм и доисламского адата. Поэтому на Кавказе среди мусульман распространены обычаи кровной мести и иные традиции, противоречащие нормам шариата, кавказские женщины никогда не носили одежду, характерную для арабских стран, многоженство в данном регионе не являлось нормой. Проникновение фундаментального ислама на Кавказ, таким образом, является не обращением к традиции, а разрывом с ней, не протестом против модернизации, а ее формой, не традиционалистским ответом на глобализацию, а ее версией.

Исследования Северного Кавказа фиксируют высокий уровень протестных настроений в регионе [см., например: Хайкин, Попов 2012: 14–28]. Вместе с тем политическая и социальная ситуация в Российской Федерации, а также особенности менталитета жителей региона не позволяют канализировать нарастающие протестные настроения в рамки открытого правового механизма. Широкие связи Северо-Кавказского региона с Турцией и арабскими странами, распространенная практика обучения молодежи в исламских университетах за рубежом, активное использование интернет-технологий и иные элементы глобализации способствуют проникновению на Кавказ нетрадиционных форм ислама. В результате именно нетрадиционный ислам становится одним из основных механизмов выражения протестных настроений и социального недовольства против государственной вла-

сти, коррупции, правового произвола, отсутствия каналов легальной вертикальной мобильности, разложения морали, нарастающего конфликта между поколениями, традиционного уклада жизни [Казенин, Стародубровская]. Таким образом, социальный протест на Северном Кавказе является проводником распространения фундаментального ислама, в том числе радикального.

Разрыв фундаментализма с традицией характерен не только для такого самобытного региона, как Северный Кавказ, но и отчасти для самого арабского мира. Выражаясь в терминологии Э. Хобсбаума, можно констатировать тот факт, что фундаментальным религиозным течениям свойственно «изобретение традиций». Призыв вернуться к традициям означает не возврат к ним, а их замену «новомодом», состоящим из смеси выдуманного и изобретенного вместе с реальными осколками прошлого. Таким образом, конструирование или изобретение традиций приводит к тому, что исламский фундаментализм не имеет ничего общего с реальным традиционным исламом. Данное обстоятельство объясняет парадокс, связанный с тем, что, декларируя борьбу с негативным влиянием Запада, глобализацией, фундаменталистские организации сами активно используют продукты западной цивилизации, в частности информационно-телекоммуникационные сети, в своей деятельности [Клементьев 2010: 28–31].

П. С. Гуревич считает, что подобная двойственность – это основная черта религиозного фундаментализма. «С одной стороны, он позволяет апеллировать к традиции, опираясь на которую можно критически анализировать и осмысливать прогрессистские установки. С другой стороны, он предлагает не столько разматывание назад исторических витков, сколько достижение нового социального идеала. Именно здесь проступает идеологичность фундаментализма. Если традиционализм настаивает на верности традиции, то фундаментализм аранжирует эту традицию в духе новых социальных ориентиров» [Гуревич 1995: 156].

Таким образом, антимодернизм фундаментального ислама одновременно сочетается с модернистскими чертами, а антиглобализм – с его глобалистской природой.

Реакцией на вызовы глобализации стало не только появление исламского фундаментализма, но и изменения в мусульманском сообществе, его приспособление к использованию западных достижений, формирование класса людей, поддерживающих западные ценности [Кузнецов, Салем]. Явление реформизма в исламе призывает к модернизации исламского вероучения вплоть до внедрения западных образцов развития и жизнедеятельности, включая отделение религии от государства [Стародубровская, Соколов 2015: 196].

В этой связи необходимо рассмотреть и возможности секуляризации исламских государств. Нельзя отрицать возможность секуляризации ислама, особенно учитывая опыт Малайзии, Турции и ряда других стран. Действительно, современное исламское духовенство озабочено процессом секуляризации. Среди признаков секуляризации указываются следующие: проявление феномена обрядовой религиозности, потеря религией роли нравственного императива в жизни людей, в межлических отношениях, утрата семьей роли «домашней религиозной общины», потеря веры в превосходство ислама над другими религиями, в результате чего «принципы ислама перестают быть главными жизненными принципами», а к самому «исламу начинают относиться как к культуре, а не как к образу жизни» [Мансуров 2007].

Заключение

В современных условиях невозможно создать общество, не затронутое процессами модернизации и глобализации, поэтому речь идет о том, какое место мусульманский мир может и должен найти в процессах современного глобализирующегося мира. В настоящее время продолжается взаимодействие реформаторства и фундаментализма в исламе, представляющего собой сложный и противоречивый процесс.

Религиозные процессы, происходящие в мусульманском мире, в том числе секуляризация и десекуляризация, имеют определенный внутренний механизм становления и развития, связанный как с особенностями ислама как религии, так и с политическими и экономическими характеристиками конкретных государств. В зависимости от социально-экономических и политических условий религиозность исламских сообществ может трансформироваться как в сторону секуляризации, так и в сторону десекуляризации.

Кроме того, религиозные процессы находятся под сильным внешним воздействием, усугубляемым явлением глобализации. Несмотря на то, что в эпоху глобализации мир стал более открытым, он не стал более справедливым и менее жестоким. Резкие диспропорции в социально-экономическом развитии, агрессивное проникновение западной культуры, нарастание социального недовольства по поводу несовершенств социально-экономической и политической ситуаций локальных сообществ, вызывающих рост протестных настроений, привели к тому, что накопленный негативный потенциал начал реализовываться через модели приспособления к ситуации путем обращения к исламской идентичности, в том числе радикального характера. Призывы к преодолению индивидуализма, бездуховности, отказу от секуляризации, возвращению к духовным ценностям, «традиционным» нормам стали следствием усиления религиозности и консервативных настроений в мусульманских странах.

Литература

Алиев С. М. История Ирана. XX век. М. : ИВ РАН, 2004.

Голдштейн У. Секуляризация и иранская революция [Электронный ресурс] : Неприкосновенный запас. 2012. № 6(86). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2943> (дата обращения: 28.04.2017).

Григорьева Л. И. Культ Ошо (Раджнеша) // Религии народов современной России: Словарь / отв. ред. М. П. Мчедлов, Ю. И. Аверьянов, В. Н. Басилов и др. М. : Республика, 2002. С. 186–187.

Гуревич П. Фундаментализм и модернизм как культурные ориентации // Ответственные науки и современность. 1995. № 4. С. 154–162.

Казенин К., Стародубровская И. Северный Кавказ: Quo vadis? [Электронный ресурс] : Полит.ру. URL: <http://polit.ru/article/2014/01/14/caucasus/> (дата обращения: 14.03.2017).

Клементьев А. С. Организационно-правовые аспекты противодействия терроризму в информационной сфере // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2010. № 1(14). С. 28–31.

Кузнецов В., Салем В. Безальтернативная хрупкость: судьба государства-нации в арабском мире [Электронный ресурс] : Россия в глобальной политике. URL: <http://>

www.globalaffairs.ru/valday/Bezalternativnaya-khrupkost-sudba-gosudarstva-nacii-v-arabskom-mire-18043 (дата обращения: 28.03.2017).

Мансуров С. Секуляризация и ислам [Электронный ресурс] : Арраид. 2007. № 7(66). URL: <http://islam.com.ua/gazeta/0704/sekul.shtml> (дата обращения: 14.03.2017).

Нельсон Л. Д. Секуляризация и социальная интеграция в сопоставительном аспекте // Социологические исследования. 1992. № 5. С. 111–125.

Сейлова Д. С. Ислам в Казахстане: религиозная идентичность и глобализация [Электронный ресурс] : Ислам в современном мире. 2008. № 12. URL: <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?508> (дата обращения: 31.03.2017).

Стародубровская И. В., Соколов Д. В. Истоки конфликтов на Северном Кавказе. М. : ИД «Дело» РАНХиГС, 2015.

Угринович Д. М. Теории секуляризации // Современная западная социология. Словарь / сост. Ю. Н. Давыдов. М. : Политиздат, 1990.

Хайкин С. Р., Попов Н. П. Протестные настроения на Северном Кавказе: общее и особенное (часть I) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 4(110). С. 14–28.

Хлопкова О. В. Нетрадиционные религиозные верования в контексте западной социально-философской мысли // Вестник Дагестанского государственного университета. 2013а. Вып. 5. С. 218–222.

Хлопкова О. В. Социально-философские аспекты концептуализации религиозности в современной науке: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Владимир, 2013б.

Хлопкова О. В., Клементьев А. С. Исламский терроризм как форма политического протеста // Сборник материалов V Южно-Российского политологического конвента (Ростов-на-Дону, 20–24 октября 2014 г.) / под ред. И. В. Николаева, Р. А. Пупыкина. Ростов н/Д.: Изд-во Южного федерального ун-та, 2014. С. 129–132.

Crabtree S., Pelham B. Religion Provides Emotional Boost to World's Poor: Gallup.com [сайт]. URL: <http://www.gallup.com/poll/116449/Religion-Provides-Emotional-Boost-World-Poor.aspx> (дата обращения: 12.04.2017).

Delamontagne R. G. High Religiosity and Societal Dysfunction in the United States During the First Decade of the Twenty-first Century // Evolutionary Psychology. 2010. Vol. 8(4). Pp. 617–657.

GINI Index (World Bank Estimate) // IBRD IDA [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI> (дата обращения: 14.04.2017).

Global index of Religiosity and Atheism – 2012 // Wingia.com [сайт]. URL: http://www.wingia.com/web/files/richeditor/filemanager/Global_INDEX_of_Religiosity_and_Atheism_PR_6.pdf (дата обращения: 14.04.2017).

Gregory P. The Chronic Dependence of Popular Religiosity upon Dysfunctional Psychosociological Conditions // Evolutionary Psychology. 2009. Vol. 7(3). Pp. 398–441.

Hourani A. The Emergence of the Middle East. London : Macmillan, 1981.

Inglehart R., Norris P. Sacred and Secular. Religion and Politics Worldwide. Cambridge, 2004 [Электронный ресурс]. URL: http://ksghome.harvard.edu/~pnorris/Books/Sacred_and_secular.htm (дата обращения: 12.02.2017).

Vatikiotis P. J. Islamic Resurgence: A Critical View // Islam and Power / Ed. by A. S. Cudsi, A. E. Hillal Dessouki. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1981.

Yinger M. J. Sociology Looks at Religion. London, 1963.

СТАНОВЛЕНИЕ НООСФЕРНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Ю. В. ЯКОВЦА

Акаев А. А.*

В статье делается вывод о ведущей роли ученых России в формировании новой парадигмы общественных наук, которая представляется фундаментальной основой преодоления цивилизационного кризиса, становления гуманистически-ноосферной интегральной цивилизации и устойчивого многополярного мироустройства на базе партнерства цивилизаций. Особое внимание уделено творчеству Ю. В. Яковца, разработавшего единую теорию циклов, кризисов и инноваций и обосновавшего методологию их долгосрочного прогнозирования, а также стратегию инновационно-технологического прорыва на национальном и глобальном уровнях.

Ключевые слова: Ю. В. Яковец, интегральная парадигма общественных наук, теория инноваций, цивилизационные исследования, евразийская цивилизация.

The article develops the idea about the Russian scholars' leading role in the elaboration of a new paradigm for social sciences which is considered as a fundamental basis for overcoming of the civilizational crisis and establishment of a humanistic and noospheric integrative civilization and a sustainable multipolar world order based of the civilizations' partnership. The author pays peculiar attention to the legacy of Yuri V. Yakovets who developed a unified theory of cycles, crises and innovations and justified the methodology for their long-term forecasting, as well as the strategy of innovation and technological breakthrough at the national and global levels.

Keywords: Yuri V. Yakovets, integral paradigm of social sciences, theory of innovations, civilizational studies, the Eurasian civilization.

С конца XX в. в авангардных странах разворачивается научная революция, итогом которой будет становление новой научной картины радикально меняющегося общества и его взаимодействия с природой. Одним из ключевых направлений этой научной революции является формирование интегральной парадигмы общественных наук, которая приобретает приоритетное значение в XXI в. Это обусловлено тем фактом, что могущество науки и созданных ею производительных сил достигло такого уровня, что стало возможным как достижение процветания всего человечества, так и его самоуничтожение, и нанесение непоправимого ущерба биосфере Земли. Становится реальностью роковая альтернатива, сформулированная академиком Н. Н. Моисеевым в конце XXI в. Наука призвана ответить на грозный вызов новой исторической эпохи.

* Акаев Аскар Акаевич – киргизский государственный и политический деятель, ученый, иностранный член РАН. С 1990 по 2005 г. – президент Киргизской Республики.

Российская научная мысль сформулировала обоснованный ответ на данный вызов. Об этом свидетельствуют опубликованные в 2017 г. в электронном формате том 2 («Цивилизации: теория, история, будущее, стратегия диалога и партнерства») и том 4 («Становление ноосферной цивилизации. Стратегия рационального природопользования и оздоровления окружающей среды») собрания сочинений профессора Юрия Владимировича Яковца, основателя и руководителя научной школы русского циклизма и современной российской цивилизационной школы [Яковец 2017], а также трехтомник его избранных трудов на английском языке «Integral theory of cycles, crises and innovations. Theory, history and future of civilizations. Strategy for sustainable development and partnership of civilizations» [Yakovets 2017].

Интегральная теория циклов, кризисов и инноваций

Развивая научное наследие Михаила Туган-Барановского и Николая Кондратьева, Саймона Кузнеца и Йозефа Шумпетера, Ю. В. Яковец разработал единую теорию циклов, кризисов и инноваций, обосновал методологию их долгосрочного прогнозирования, а также стратегию инновационно-технологического прорыва на национальном и глобальном уровнях. Это нашло выражение в его монографиях: «Экономический механизм повышения эффективности производства» (М.: Экономика, 1978 г.), «Закономерности научно-технического прогресса и их планомерное использование» (1984 г., издана в Берлине и Братиславе и признана основой научного открытия закономерности взаимодействия циклов в обществе и природе в 1991 г.), «Ускорение научно-технического прогресса: теория и экономический механизм» (М.: Экономика, 1987), «Циклы, кризисы, прогнозы» (М.: Наука, 1999)**, «Русский циклизм: новое видение прошлого и будущего» («The Past and the Future of Civilization»). Lewiston; Queenston; Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2000), «Эпохальные инновации XXI века» (М.: Экономика, 2004), «Эпохальные экономические трансформации XXI века» (М.: Экономика, 2011).

Каковы основные достижения школы русского циклизма, содержащиеся в перечисленных монографиях?

Во-первых, обоснована закономерность циклической динамики в развитии общества и природы как основы нелинейного подхода к динамике, предложена классификация циклов развития общества – сезонных, краткосрочных, среднесрочных, долгосрочных (волны Кондратьева), сверхдолгосрочных (цивилизационные циклы), тысячелетних (исторические суперциклы); исследованы особенности проявления циклов в различных сферах общества: экологических, социодемографических, технологических, экономических, в духовной (науке, культуре, образовании, этике), государственно-политической и геополитической.

Во-вторых, внесен крупный вклад в теорию кризисов как неизбежной фазы (кризисы циклической динамики общества), раскрыты их функции – разрушительная, созидательная, наследственная. Исследованы структура и взаимодействие кризисов в различных сферах общества, их взаимодействие с природой, раскрыты закономерности выхода из кризисов на базе волн научных открытий, значимых изобретений, базисных инноваций, сформулирована блок-схема про-

** См. рецензию на эту работу: Моисеев 1999: 937–940.

гнозирования кризисов и выхода из них. Раскрыта сущность глубокого кризиса в России 1990-х гг. и глобального кризиса начала XXI в.

В-третьих, сформулирован новый подход к теории инноваций как неизбежной фазы перехода от кризиса к новому циклу, предложена и уточнена классификация инноваций – эпохальных (лежащих в основе нового исторического этапа развития общества), базисных (лежащих в основе новых технологических укладов и поколений техники), улучшающих, псевдоинноваций и совершенствования устаревших поколений техники, а также антиинноваций, устремленных в прошлое. Обоснована стратегия инновационно-технологического прорыва как основа преодоления современного кризиса в России и в мире, раскрыта роль интеллектуальной собственности, прежде всего научных открытий и значимых изобретений, как фундаментальной основы инноваций, показана необходимость государственной поддержки эпохальных и базисных инноваций в сочетании с рыночной инициативой при осуществлении широкого спектра улучшающих инноваций. Обоснован закон поляризации и социально-политического единства цивилизаций и государств, социальных слоев и поколений в условиях глубокого кризиса.

В-четвертых, обоснована концепция трансформации социально-экономических и технологических систем на основе единства циклов, кризисов и инноваций как всеобщей закономерности циклической динамики общества.

Таким образом, в трудах Ю. В. Яковца содержатся фундаментальные основы для понимания происходящих в современном мире глубоких трансформаций, выработки долгосрочной стратегии преодоления современного кризиса в России и в мире и выхода на траекторию устойчивого развития.

Новое видение теории, истории и будущего цивилизации

Современная российская цивилизационная научная школа, основателем и руководителем которой является Ю. В. Яковец, занимает лидирующую позицию в мире. Эта школа имеет глубокие исторические корни. Ее предтечей была деятельность первого академика Императорской Санкт-Петербургской академии наук, позднее вице-президента академии экономиста Андрея Шторха, который в 1815 г. опубликовал на французском языке книгу «Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие» («Cours d'économie politique ou exposition des principes qui determinant la prospérité des nations»), вторая часть которой носила название «Теория цивилизаций»; впервые в полном виде на русском языке она была издана в 2008 г.

В этой книге классическая политическая экономия Адама Смита, излагавшего законы функционирования рыночной экономики, дополнялась положениями о нерыночном секторе экономики, который включал в себя элементы цивилизаций: здравоохранение, образование, науку, культуру, этику, религию, внутреннюю и внешнюю безопасность. Важнейшая цель государства – обеспечивать развитие элементов цивилизации как основы народного благоденствия. Такой подход не был воспринят классической буржуазной и марксистской политической экономией, но он приобретает особую актуальность в условиях становления социального государства. Именно в России будет заложено новое понимание политической экономии и социальной функции государства. Эти положения были развиты в опубликованной в 2015 г. книге Ю. В. Яковца «Политическая экономия

цивилизаций». Следовательно, именно в России была опубликована первая в мире книга по общей теории цивилизаций.

Вторым шагом была публикация в 1869 г. монографии Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». В монографии впервые было введено понятие культурно-исторических типов, характеризующих цивилизационные особенности различных стран, то есть заложены основы теории локальных цивилизаций и их взаимодействия. Эти взгляды содержит и изданная в 1918 г. книга Освальда Шпенглера «Закат Европы».

Крупнейший макросоциолог XX в., российско-американский ученый Питирим Сорокин не только дал классификацию теории цивилизации, но и на основе глубокого исследования исторических тенденций социокультурной динамики за 2,5 тысячелетия раскрыл закономерности смены цивилизационных типов и неизбежное становление перспективы интегрального социокультурного строя.

Российская цивилизационная школа восприняла и развила достижения западных мыслителей в области цивилизаций – Ф. Гизо, Г. Т. Бокля, О. Шпенглера, А. Тойнби, Ф. Броделя, Э. Тоффлера.

Глубокий кризис, поразивший евразийскую цивилизацию 1990-х гг., вызвал взрыв научного творчества в области цивилизационных исследований. В 1993 г. была опубликована на русском и английском языках монография Ю. В. Яковца «У истоков становления новой цивилизации», в которой закладывались основы нового видения теории, истории и будущего цивилизаций, смены цивилизационных циклов и исторических суперциклов. Эта концепция была развита в монографии «История цивилизаций» (1995–1997), изданной в США работе «The Past and the Future of Civilizations» (2000) и труде «Глобализация и взаимодействие цивилизаций» (2001–2003).

В 1996 г. опубликована монография Е. Д. Черняка «Цивилиография: Наука о цивилизациях», в которой изложены основные положения новой отрасли общественных наук.

В последних монографиях Н. Н. Моисеева «Судьба цивилизации. Путь разума» (2000) и «Быть или не быть... человечеству?» (2000) изложены основы ноосферной цивилизации и стратегии ее становления в XXI в. на основе экологического императива.

Таким образом, современная российская цивилизационная школа, возглавляемая профессором Ю. В. Яковцом, опирается на фундаментальную базу исследований в области теории и истории цивилизации российских и зарубежных ученых.

Каковы основные достижения этой школы, которые нашли отражение в опубликованных сборниках научных трудов Ю. В. Яковца за последнюю четверть века?

Сформированы основы науки о цивилизациях (цивилиография – новая отрасль общественных наук, синтезирующая достижения социальной философии и социологии, истории и археологии, экономики и экологии, культурологии и политологии).

1. Развитие теории цивилизации, формирование новой отрасли обществознания – науки о цивилизациях. Развивая и синтезируя научное наследие А. Шторха, А. Метлинского, Н. Данилевского, П. Сорокина и Н. Моисеева,

Ю. В. Яковец разработал основы теории цивилизации как новой отрасли обществознания. Им получены следующие научные результаты:

- раскрыто единство локальных, мировых и глобальной цивилизаций в их функционировании и динамике;
- выявлены циклично-генетические закономерности динамики цивилизации, сверхдолгосрочные циклы смены мировых цивилизаций и поколений локальных цивилизаций, исторические суперциклы в развитии глобальной цивилизации; показана неизбежность кризисов при смене цивилизационных циклов;
- обоснована структура цивилизационного генотипа, включающего природно-экологическую, социодемографическую, технологическую, экономическую, социокультурную и геополитическую составляющие;
- разработаны уникальная многомерная геоцивилизационная макро модель и многофакторная геоцивилизационная матрица.

Эти положения нашли отражение в монографиях: «У истоков новой цивилизации» (1993), «История цивилизаций» (1995), «The Past and the Future of Civilizations» (2000), «Глобализация и взаимодействие цивилизаций» (2001–2003), «Цивилизации: теория, история, диалог, будущее» (т. 1, 2006), «Глобальная экономическая трансформация XXI века» (2011).

2. История цивилизаций. Ю. В. Яковец предложил новую периодизацию истории цивилизаций, основанную на смене мировых цивилизаций и поколений локальных цивилизаций. За исходный пункт начала истории цивилизаций принимается неолитическая революция VIII–VII тысячелетий до н. э. Исследована смена мировых цивилизаций – неолитической, раннеклассовой, античной, средневековой раннеиндустриальной и индустриальной, а также четырех поколений локальных цивилизаций в течение пяти тысячелетий в рамках двух исторических суперциклов, включающих триаду родственных мировых цивилизаций, обоснован закон сжатия исторического времени при смене цивилизационных циклов, предложена трехмерная модель витков спирали цивилизационной динамики (см. рис.).

Выявлен закон колебания исторического маятника – периодического перемещения центра творческой активности цивилизаций с Востока на Запад и обратно.

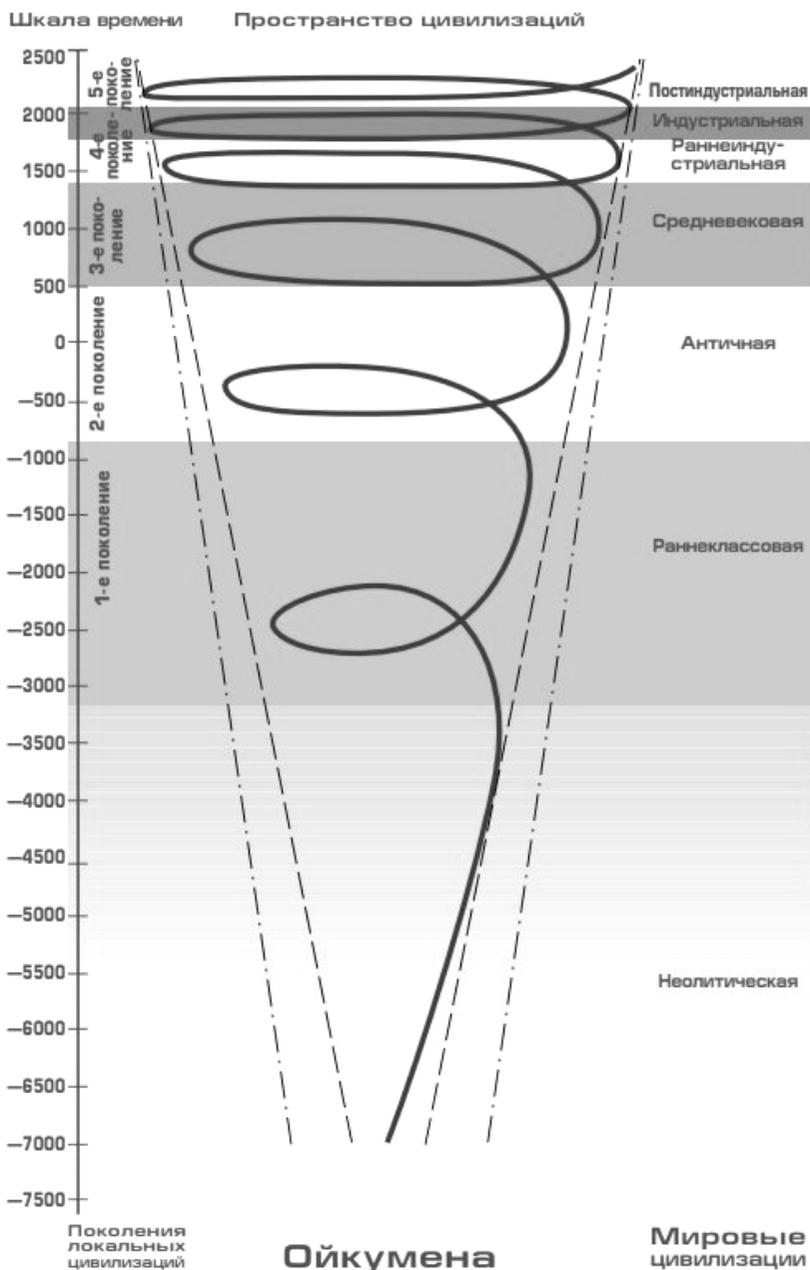
В динамике цивилизаций проявляются действия закона сжатия исторического времени, сокращается продолжительность следующих друг за другом сфер долгосрочных циклов динамики мировых и поколения локальных цивилизаций, а также исторических суперциклов в развитии глобальной цивилизации.

Ю. В. Яковец раскрыл содержание современного глобального кризиса как кризиса цивилизационного, обусловленного сменой сверхдолгосрочных циклов в динамике локальных, мировых и глобальной цивилизаций. Эти положения отражены в монографиях: «История цивилизации» (1995; 1997), «Цивилизации: теория, история, диалог, будущее» (2 т., 2006), «The Past and the Future of Civilizations» (2000), «Цивилизации: прошлое и будущее» (2008).

Выполненные исследования и проведенные в 2005–2007 гг. научно-цивилизационные экспедиции позволили выработать новое видение истории цивилизаций на территории современной России. Эта история включает три цивилизационных цикла. Первый цикл начинается в V в. до н. э. и находит выражение в формировании греко-скифской цивилизации и тысячелетнего Боспорского цар-

ства, второй цикл выражается в формировании восточнославянской цивилизации и Новгородско-Киевской Руси, третий цикл – это пятисотлетняя евразийская цивилизация: Московское царство, Российская империя, СССР, СНГ. С конца XX в. евразийская цивилизация оказалась в состоянии глубочайшего кризиса и начала распада.

Спираль динамики цивилизаций

3. Будущее цивилизаций. На основе разработанной Ю. В. Яковцом методологии интегрального глобального прогнозирования определены перспективы смены сверхдолгосрочных циклов динамики мировых и поколений локальных цивилизаций в ближайшие столетия, впервые разработан глобальный прогноз «Будущее цивилизации на период до 2050 года» (опубликован в десяти частях, представлен в штаб-квартире ООН в октябре 2009 г. и на Всемирной выставке ЭКСПО 2010 в Шанхае в 2010 г.). Определены содержание ведущей мировой цивилизации как интегральной, гуманистически-ноосферной цивилизации и перспективы ее становления, состав пятого поколения локальных цивилизаций при лидерстве Востока. Определены составляющие генотипа интегральной цивилизации: ноосферный энергоэкологический строй, новая модель социодемографической динамики, интегральный технологический способ производства на базе шестого, а затем и седьмого технологических укладов, интегральный экономический строй при гуманистической ноосферной и инновационной ориентации экономики; интегральный социокультурный строй (возвышение науки, повышение фундаментальности и креативности непрерывного образования, возрождение высокой и разнообразной культуры и гуманистически-ноосферной нравственности); устойчивое многополярное мироустройство на базе партнерства цивилизаций и государств.

Эти положения раскрыты в монографиях: «У истоков новой цивилизации» (1993), «История цивилизаций» (1-е изд. в 1995 г., 2-е – в 1997 г.), «The Past and the Future of Civilizations» (2000), «Эпохальные инновации XXI века» (2004), «Цивилизации: теория, история, диалог, будущее» (в 2 т., 2006; в 6 т., 2009), «Глобальная экономическая трансформация XXI века» (2011), «О системе целей устойчивого развития цивилизаций» (2015), «Перспективы становления устойчивого многополярного мироустройства на базе партнерства цивилизаций» (2016).

Представляет интерес положение, обоснованное в работе «Мусульманский мир в мире цивилизаций XXI века» (2016), – прогноз дифференциации в долгосрочной перспективе смешанной мусульманской цивилизации на пять локальных цивилизаций (арабскую, персидскую, евромусульманскую, индомусульманскую и тихоокеанско-мусульманскую), подобно тому как это произошло с западной цивилизацией в конце XX в., которая дифференцировалась на западноевропейскую, восточноевропейскую, североамериканскую, латиноамериканскую и океаническую.

4. Перспективы и стратегия преодоления глобального кризиса, становление гуманистически-ноосферной цивилизации и устойчивого многополярного мироустройства. На основе полученных результатов фундаментальных исследований теории, истории и будущего цивилизаций Ю. В. Яковец обосновал долгосрочную стратегию, представленную в ООН на Саммите «Группы двадцати» и БРИКС.

Определено содержание современного глобального кризиса как кризиса цивилизационного, обусловленного сменой сверхдолгосрочных циклов динамики мировых и локальных цивилизаций. На основе разработанного алгоритма выхода из кризиса предложены научные основы выхода на траекторию глобального устойчивого развития. Сформулированы стратегические приоритеты трансформации составляющих генотипа цивилизаций на этом пути. Определены движущие силы формирования и становления интегральной цивилизации и устойчивого многополярного мироустройства. Показана главная роль восходящих цивилиза-

ций и ведущих держав, БРИКС, ШОС, ЕАЭС на этом пути. Отмечена ключевая роль лидеров новых поколений в трансформации цивилизации. Предложено направление возвышения и трансформации ООН как центрального звена диалога и партнерства цивилизаций и государств.

Эти положения раскрыты в научных докладах: «Основы долгосрочной стратегии устойчивого глобального развития на базе партнерства цивилизаций» (представлен в штаб-квартире ООН в 2011 г. и на Конференции ООН по устойчивому развитию «РИО+20» в 2012 г.); «Научные основы преодоления цивилизационного кризиса и выхода на траекторию глобального, устойчивого развития» (направлен делегациям Саммита «Группы двадцати» в 2013 г.); «Перспективы и стратегические приоритеты возвышения БРИКС» (направлен участникам Саммита БРИКС в 2014 г.); они прослеживаются в монографии «Система долгосрочных целей устойчивого развития цивилизаций» (2017), а также в докладе Ялтинского цивилизационного клуба «Стратегия становления устойчивого многополярного мироустройства на базе партнерства цивилизаций» (2017). Этот доклад является ярким проявлением научной дипломатии, формируя основы долгосрочной стратегии преодоления современного геополитического кризиса на магистральных путях становления гуманистически-ноосферной цивилизации, партнерства локальных цивилизаций пятого поколения при лидерстве Востока, сопряжении российской инициативы Большого евразийского партнерства и китайской инициативы «Один пояс – один путь» и активизации роли лидеров нового поколения глубокой трансформации общества во второй четверти XXI в.

5. Исторические корни и перспективы возрождения евразийской цивилизации. На основе выполненных исследований и трех научно-цивилизационных экспедиций Ю. В. Яковец представил новое видение теории, истории и будущего евразийской цивилизации и России. Впервые выдвинуто предположение, что исторические корни евразийской цивилизации следует искать в тысячелетнем Боспорском царстве, основой которого являлась смешанная греко-скифская цивилизация. Результатом развития европейской части современной евразийской цивилизации стала восточнославянская цивилизация – Новгородско-Киевская Русь. Пятисотлетняя евразийская цивилизация пережила катастрофы начала XVII и начала XX в., достигла вершин в XVIII – начале XIX в., а в середине и конце XX в. оказалась в состоянии распада. Однако с начала XXI в. наблюдается процесс возрождения и усиления геополитического влияния евразийской цивилизации. Следует ожидать, что к середине XXI в. она возродится в новом, более узком составе и с интегральным, гуманистически-ноосферным содержанием, в стратегическом партнерстве с китайской и другими восходящими цивилизациями займет лидирующее место в интегральной трансформации общества и становлении устойчивого многополярного мироустройства.

Эти положения опубликованы в работах Ю. В. Яковца «Ритм смены цивилизаций и исторические судьбы России» (1994), «Северо-Западная Русь: истоки и вершины российской цивилизации. Развенчание мифов» (2003), «Евразийская цивилизация: исторические корни этапа развития и стратегия возрождения», «Новое видение теории, истории и будущего цивилизации» в России (2017 г.), в монографиях по итогам научно-цивилизационных экспедиций «Северное Причерноморье: пространство взаимодействия цивилизаций» (2008), «Истоки и вершины восточнославянской цивилизации» (2008).

6. Современная российская цивилизационная школа опирается на деятельность ряда сформированных по инициативе и под руководством профессора Ю. В. Яковца образовательных организаций:

- ассоциации «Прогнозы и циклы» (1990);
- Международного фонда Н. Д. Кондратьева (1992);
- Отделения исследования циклов и прогнозирования РАЕН (1996);
- Международного института Питирима Сорокина – Николая Кондратьева, получившего консультативный статус при ЭКОСОС ООН (1999);
- Открытого университета диалога цивилизаций (2012);
- Отделения цивилизационных исследований Международной академии глобальных исследований (2015);
- Евразийского центра глобального моделирования, прогнозирования и стратегического планирования (2016);
- Ялтинского цивилизационного клуба (2016).

Ю. В. Яковец является организатором ряда плодотворных научных форумов. С 1988 г. проводятся междисциплинарные дискуссии, на которых обсуждаются узловые проблемы становления новой парадигмы общественности (состоялось уже 38 подобных дискуссий). Проведены 12 цивилизационных форумов, ряд международных научных конференций и научных симпозиумов.

Научная деятельность Ю. В. Яковца отмечена государственными и общественными наградами, он является Заслуженным деятелем науки РФ, награжден государственными наградами (орден Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», «Достык» [орден Дружбы, Казахстан], шестью медалями, а также научными наградами: нагрудным знаком «Орден В. И. Вернадского», золотыми медалями Н. Д. Кондратьева, П. Сорокина, С. Кузнеця, золотыми медалями имени П. Капицы, В. Леонтьева и др. В 2013 г. Русским биографическим институтом он объявлен человеком года в номинации «Наука». Юрий Владимирович является членом Европейской академии естественных наук, Казахстанской национальной академии естественных наук, заместителем председателя Организации по поддержке глобальной цивилизации (КНР).

Подводя итоги, можно сделать общий вывод о ведущей роли ученых России в формировании новой парадигмы общественных наук, которая становится фундаментальной основой преодоления цивилизационного кризиса, стратегии преодоления, становления гуманистически-ноосферной интегральной цивилизации и устойчивого многополярного мироустройства на базе партнерства цивилизаций.

Литература

Яковец Ю. В. Собр. соч. Т. 2, 4. М. : МИСК, электронное научное издание, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://yakovets.inesnet.ru>.

Моисеев Н. Н. О кризисах и прогнозах // Вестник РАН. 1999. Т. 69. № 10. С. 937–940.

Yakovets Yu. V. Selected Works. Vol. I–III. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://yakovets.inesnet.ru>.

VEK GLOBALIZATSII
[AGE OF GLOBALIZATION]
Journal of Global Studies

Contents

Theory

Sebastiano Fadda. New governance and policy of the post-crisis development (pp. 3–15).

Nikolay N. Nikulin. The gnostic foundations of the process of economic globalization (pp. 16–27).

Processes of Globalization

Leonid E. Grinin. Seven America's weaknesses and Donald Trump (pp. 28–45).

Stanislav E. Bilyuga. Political stability: Basic approaches to the analysis of stability of political systems (pp. 46–56).

Oleg S. Kocherov. Playing geopolitics: "management of chaos" in the Grand Chess Board versus "establishing order" on the great weiqi board (pp. 57–71).

Global Issues

Sergey Yu. Malkov, Stanislav E. Bilyuga, Anna Yu. Vlasova. The energy and ecological problems of the global development: The Quantitative analysis (pp. 72–88).

Gafur G. Salikhov. The generic and specific definitions of ecology in philosophic terms (pp. 89–100).

Nature, Society, Human

Tszya Syuidun. The Chinese cultural policy and industry in the context of globalization (pp. 101–114).

Mary E. Tucker. Confucianism as a form of religious naturalism (pp. 115–125).

Mustafa I. Bilalov. Global civil society as a civilizational guide for Russia (pp. 126–139).

Oxana V. Hlopkova, Alexander S. Klementyev. Is the secularization of Islam possible? (A view on the transformation of religiosity in the context of globalization) (pp. 140–149).

Askar A. Akaev. The emergence of noospheric civilization in Yu. V. Yakovetz's works (pp. 150–158).

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на электронном носителе или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегель 14) на одной стороне листа; сноски подстрочные (кегель 8);

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

ссылки на литературу даются в скобках, включая фамилию одного (первого) или двух авторов или, при отсутствии таковых, первое слово названия книги и год издания: [Селигман и др. 2009; Домострой... 2008]. При наличии прямой («закавыченной») цитаты следует указать также страницу: [Ганнушкин 1964: 28]. Список использованной литературы приводится в конце статьи в алфавитном порядке и без нумерации в соответствии со следующими образцами:

Дройзен И. Г. История эллинизма. СПб. : Наука; Ювента, 1997. Т. 1.

Воронов А. М. Оценка региональных изменений гидроклиматических условий Европейской территории СССР по историческим данным // Водные ресурсы. 1992. № 4. С. 97–105.

Шишков Ю. В. Мирохозяйственный механизм: движение к глобализации // Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / под ред. И. С. Королева. М. : Экономистъ, 2003. С. 25–47.

История Древнего Востока / под ред. В. И. Кузищина. М. : Высшая школа, 1988.

Бек У. Космополитическое общество и его враги [Электронный ресурс] : Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI, № 1. URL: <http://www.jourssa.ru/2003/1/2a/Bek.pdf> (дата обращения: 14.03.2011).

U.S. Bureau of the Census. World Population Information: [сайт]. URL: <http://www.census.gov/ipc/www/world.html> (дата обращения: 24.02.2008).

Ссылки на **интернет-публикации** рекомендуется приводить лишь в тех случаях, если источник не существует либо недоступен на бумажных носителях.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

К рукописи прилагаются:

резюме статьи (желательный объем 6–12 строк) и ключевые слова к ней на русском и английском языках, а также авторская справка и данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

«Век глобализации». 2(26), 2018. – 160 с.

Ответственная за выпуск *Е. А. Никифорова*

Технический редактор *К. Р. Ташланова*

Корректоры *И. Г. Гергель, Н. В. Самсонова*

Верстка *Е. Ф. Прыгуновой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г. выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

Цена свободная.

© ООО «Издательство «Учитель»

400059, г. Волгоград, а/я 114.

Тел.: (8442) 42-17-71, 42-18-71, 42-26-71.

E-mail: peruch@mail.ru

Подписано в печать 30.05.2018. Формат 70×100/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,9.

Тираж 1000 экз. Заказ № .

Диапозитивы предоставлены издательством.

Отпечатано ОАО «Альянс «Югполиграфиздат»

Полиграфкомбинат «Офсет»

400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6.

Тел./факс: (8442) 97-49-40, 97-48-21, 26-60-10